

Мамед Эмин Расулзаде

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПИСЕМ

Москва
Издательство «Флинта»
2010

УДК 82-94(081.2)
ББК 83.3(5Азе)я44
Р24

Расулзаде Мамед Эмин

Р24 Сборник произведений и писем / Сост., предисл. и примеч. С. Исхаков. - М.: Флинта, 2010. - 368 с.

ISBN 978-5-9765-0814-9

Данный сборник посвящен 55-й годовщине со дня смерти Мамеда Эмина Расулзаде, основоположника Азербайджанской республики (1918-1920), писателя и журналиста. Здесь впервые публикуются перевод его знаменитой книги «Азербайджанская республика», изданной в Турции в 1923 г., его ранее неизвестные научной общественности статьи, посвященные внутривосточной ситуации в СССР и в Азербайджанской ССР в 1920-1930-х годах. Впервые перепечатаны его статьи, вышедшие в парижском журнале «Prométhée» («Прометей») с середины 1920-х до конца 1930-х годов, а также его письма. Публикуемые материалы существенным образом расширяют представления о жизни этого человека и его многогранном творчестве.

Для широкого круга читателей.

УДК 82-94 (081.2)
ББК83.3(5Азе)я44

ISBN 978-5-9765-0814-9

© Исхаков С., составление, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Произведения

Азербайджанская Республика

La République d'Azerbaïdjan

La Politique orientale des Bolchéviks

L'unité du Caucase

En esclavage chez les russes

Rzeczpospolita Azerbajdżańska

Réponse aux Kérénski

Le Fantôme du Pantouranisme

Le Mouvement insurrectionnel en Azerbaïdjan

Sous le mot d'ordre de l'Unité du Caucase

Un nouveau témoignage de servitude nationale

Politicien contre historien

The Caucasian Confederation

Caractère du mouvement national

Достижения Азербайджана на международной арене

О национальном уклоне в Азербайджане

Современная литература Азербайджана

La Terreur soviétique et la résistance en Azerbeydjan

Le mouvement national en Azerbeydjan

Le "patriotisme soviétique" ou les nouvelles tendances rassificatrices

Письма

М.Э. Расулзаде — М. Чокаеву

М.Э. Расулзаде — И. Бенцингу

М.Э. Расулзаде — Дж. Гаджибейли

Именной указатель

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основоположник Азербайджанской республики (1918-1920), выдающийся политик, писатель, журналист, общественный и государственный деятель Мамед Эмин Расулзаде родился в семье ахунда 31 января 1884 г. в селе Новханы Бакинского уезда Бакинской губернии. Еще во время учебы в Бакинском техническом училище он активно включился в общественно-политическую жизнь. В 1902 г. организовал в Баку мусульманское молодежное общество, с 1903 г. участвовал в революционном движении, в 1904 г. являлся одним из организаторов первой в Закавказье мусульманской социал-демократической группы «Гуммет» («Энергия»), а затем принял участие в революции 1905-1907 гг., охватившей всю Российскую империю.

Эта революция была обусловлена глубоким экономическим и общественно-политическим кризисом, поразившим империю в начале XX века, что закономерно привело к острым столкновениям различных общественно-политических сил и движений, от чего не остались в стороне и многочисленные народы, входившие в ее состав. Народные массы испытывали напряжение и беспокойство, так же как и самые верхи общества, не сумевшие ответить на вызовы времени и эффективно управлять государством. Русское общество переживало резкую поляризацию, которая усугублялась социальными и политическими конфликтами, однако в этих условиях мусульмане империи не впали в революционную эйфорию, в большинстве своем они выбрали путь сплочения своих рядов. Обладая чувством ответственности за свою национальную судьбу и судьбу будущих поколений, они не воспринимали проявления социального экспериментаторства и политического прожектерства и не стремились влиться в тот бурный и мутный поток разнообразного экстремизма и терроризма, какой распространился тогда по всей стране.

Не случайно одна из первых статей М.Э. Расулзаде на страницах газеты «Гуммет» была озаглавлена изречением Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата пророка Мухаммеда, четвертого и последнего из праведных халифов: «Объединенные усилия мужей сдвигают горы». Эти слова стали девизом «Гуммет», члены которого отказались от антирелигиозной пропаганды, присущей русской социал-демократии, и в своих обращениях к мусульманским рабочим пользовались исламской риторикой. В этой статье М.Э. Расулзаде не соглашался с утверждениями, что в среде мусульман формируются группировки, в которых по-разному видят путь к достижению прогресса народа, и призывал всех объединиться

под знаменем ислама, что, с его точки зрения, не противоречило ни идеям социализма, ни демократии. Такая позиция «Гуммет» вызвала недовольство среди социал-демократов, в том числе у И.В. Джугашвили, и в 1906 г. он попытался оказать давление на часть гумметистов с целью вовлечения их в РСДРП, в противном случае даже угрожал ликвидацией их организации. Но это не подействовало, «Гуммет» продолжал самостоятельное существование¹. 24 августа 1907 г. в Баку с участием Джугашвили состоялось собрание пяти районных организаций РСДРП и «Гуммет»². Именно здесь, скорее всего, Джугашвили и познакомился с известным к тому времени бакинским журналистом М.Э. Расулзаде, который затем помог ему избежать ареста, спрятав у себя.

1905 год, вспоминал М.Э. Расулзаде, «служил очень важной исторической датой и в жизни тюрко-мусульманских народов России. Тогда же создались новые условия и для Азербайджана, повлиявшие на дальнейшее развитие азербайджанской общечественности... Пользуясь относительной свободой, гарантированной революцией, национально-общественные силы Азербайджана начинают быстро разворачиваться. Отмечаются большие сдвиги в области беллетристики, поэзии, театра, музыки, ...печати и народного образования»³. Сам М.Э. Расулзаде, в частности, в декабре 1906 г. - марте 1907 г. издавал в Баку мусульманскую газету под характерным названием «Текамюль» («Эволюция»). Общая направленность этой и других газет, издаваемых гумметистами, не отличалась революционным, большевистским напором⁴.

В течение двух лет после царского манифеста 17 октября 1905 г., который мусульманами воспринимался, прежде всего, как гарантия свободы вероисповедания, они ожидали очень многого от русской власти в плане социально-духовного раскрепощения. Однако за это время как в столице, так и на местах было сделано крайне мало для развития просвещения и подъема культуры мусульман, для того, чтобы они ощутили реальные результаты претворения манифеста в жизнь. Поэтому революция стала важным этапом консолидации мусульманского населения империи как крупной социальной силы, о чем свидетельствовали три мусульманских съезда, которые укрепили их солидарность, помогли представителям разных этносов сообща усваивать политические уроки, укрепить живой интерес к политике.

Подавив революционные выступления, самодержавие организовало настоящий «крестовый поход» против мусульманских народов империи, развязав кампанию борьбы с панисламизмом. Однако через несколько лет поисков этого мифического «чудовища», в том числе в Азербайджане, представители власти в 1911 г. докладывали из Баку в Петербург, что

«движение панисламизма представляется... преследующим чисто культурные задачи просвещения мусульман»⁵. Действительно, именно такие цели стояли перед созданной тогда в Баку мусульманской демократической партией «Мусават» («Равенство»). И все же, несмотря на это, под репрессии попали многие мусульманские общественные деятели, хотя некоторым лидерам удалось избежать их. Так, М.Э. Расулзаде уехал в Иран, где принял деятельное участие в революционном движении, стал редактором первой в Иране газеты европейского типа - органа иранских социал-демократов «Ирани-Ноу», оказавшей большое влияние на общественно-политическую жизнь, часто и по делу критиковавшей действия русского правительства. Но Петербург сумел оказать давление на Тегеран, и М.Э. Расулзаде в мае 1911 г. пришлось перебраться в Стамбул⁶. После того как многие политические оппоненты были в России амнистированы в связи с 300-летием дома Романовых (в феврале 1913 г.), М.Э. Расулзаде вернулся в Баку, где стал идеологом партии «Мусават». Особенно возросла популярность этой партии во время двух Балканских войн в 1912-1913 гг. Тогда «явно тенденциозная политика русского правительства и шовинистическое настроение русского общества, не скрывающего свою вражду и злобу» не только против Турции как государства, но и вообще против всего тюркского, вызвали, по свидетельству М.Э. Расулзаде, «взрыв национального чувства и политического негодования во всем Азербайджане»⁷. В условиях Первой мировой войны в правящих кругах и в русском общественном мнении исламофобия и тюркофобия еще более усилились, поскольку Османская империя стала одним из противников России, что ухудшило взаимоотношения православных и мусульман, углубив раскол российского общества.

После Февральской революции, покончившей с самодержавием, М.Э. Расулзаде в качестве лидера «Мусават» выступил 3 мая 1917 г. на I Всероссийском мусульманском съезде в Москве, отметив, что поддерживает создание Российской демократической республики, построенной на федеративных началах. По его словам, российская государственность должна покоиться на двух основаниях: общечеловеческих интересах, с одной стороны, и свободе развития отдельных народов - с другой. Поэтому, заявил он, мусульмане выступают за то, чтобы их особенности были сохранены и их особые интересы обеспечены. Причем сохранение национального облика необходимо в интересах всего человечества. К тому же, подчеркнул М.Э. Расулзаде, каждый народ должен организоваться самостоятельно. Если ислам, по его выражению, «здание», то отдельные мусульманские народы пусть будут «комнатами» в этом общем доме. «Мы сначала должны дифференцироваться, а потом объединиться». «Мы желаем, чтобы будущая

форма государственного управления была демократическая республика на федеративных началах, но мы прибавляем, что не хотим воспользоваться критическим положением русского государства, а откладываем разрешение вопроса до созыва Учредительного собрания»⁸. Впоследствии, уже в эмиграции, М.Э. Расулзаде вспоминал: «Партия наша, исходя из действительности бывшей русской империи, требовала создания русской республики в форме федеративной народной республики, основанной на национально-местных автономиях. Одновременно партия требовала национально-местную независимость для автономного Киргизстана (Казахстана. – *С.И.*), Башкирдистана (Башкурдистана. – *С.И.*), Туркестана и Азербайджана и национальную автономию для Поволжья и Крыма»⁹. Ничего общего с сепаратизмом, пантюркизмом и панисламизмом все эти проекты не имели.

После слияния в 1917 г. Демократической партии федералистов «Мусават» и Тюркской партии федералистов М.Э. Расулзаде был избран председателем ЦК Тюркской демократической партии федералистов «Мусават», а затем депутатом Всероссийского Учредительного собрания¹⁰, которое было разогнано в Петрограде большевиками в январе 1918 г. После этого депутаты от Закавказья собрались в Тифлисе и создали Закавказский сейм, первое заседание которого состоялось в феврале 1918 г. Однако в результате противоречий между азербайджанскими, армянскими и грузинскими депутатами сейма 26 мая 1918 г. произошел его самороспуск, в результате чего М.Э. Расулзаде стал одним из инициаторов провозглашения 28 мая 1918 г. Азербайджанской республики.

В ходе русской революции 1917 г. многие народы, в том числе азербайджанцы, «не могли добиться от центрального правительства своих неотъемлемых прав и были предоставлены самим себе, что побудило их взять на себя инициативу в деле устройства своей судьбы», - заявил 17 ноября 1918 г. М.Э. Расулзаде на открытии заседания Азербайджанского Национального Совета¹¹. Несомненно, что мартовская трагедия 1918 г. в Баку, когда погибли более 12 тыс. мирных жителей, ускорила этот процесс, поэтому «Мусават» взял курс на полную государственную самостоятельность Азербайджана¹².

Азербайджанцы, говорил М.Э. Расулзаде в 1919 г., будучи тюрками, «никогда не теряли надежду на светлое будущее. Мы верили, что наша идея осуществится, и эта вера спасла нас, как когда-то эта вера спасла наших предков... Будучи мусульманами, мы всегда верили, что наш народ, временно лишенный своих политических прав и казавшийся мертвым, в недалеком будущем воскреснет и займет подобающее ему место»¹³. 30 июня 1919 г. по

случаю Орудж-Байрама в бакинской мечети Таза-Пир состоялось моление, на котором присутствовали члены правительства Азербайджана, шейх-уль-ислам Ага Ализаде, зарубежные мусульмане и др. После шейх-уль-ислама по-персидски и по-туркски выступил М.Э. Расулзаде, подчеркнув, что, вопреки внешним различиям, очертаниям лиц, языка, политического и географического положения, свод мечетского купола и вера в величие божественных начал, выразившаяся в праздничном лозунге «Аллаху акпер!» («Аллах велик!»), безусловно, объединяет «нас всех»¹⁴.

Несмотря на кратковременное существование Азербайджанской республики, ее руководству и многонациональному населению удалось достичь немалых успехов в деле государственного строительства и демократизации общества¹⁵. Однако в апреле 1920 г. Красная армия вторглась в Азербайджан и при поддержке местных большевиков установила здесь советскую власть. Начались аресты, обыски, расстрелы сторонников независимого Азербайджана, прежде всего тех, кто пользовался авторитетом среди населения. М.Э. Расулзаде был арестован в Шемахе¹⁶, о чем 6 сентября 1920 г. сообщила тифлисская газета, а затем препровожден в Баку. Приехавший в Азербайджан глава Наркомата по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин распорядился отправить его в Москву¹⁷. В коммунистических кругах Баку говорили, что его авторитет и знания хотят использовать для разработки национальной политики Кремля среди тюркских народов¹⁸. «Вы мой старый товарищ по совместной борьбе с царизмом, - сказал Сталин М.Э. Расулзаде в Баку перед отъездом в Москву, вспомнив о том, как тот спас его от ареста во время первой русской революции. - ...Я знаю, сколько вы сделали для борьбы с царизмом и вообще для революционного движения»¹⁹. 29 ноября 1920 г. М.Э. Расулзаде зачислили в штат Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, которым руководил Сталин, по его личной рекомендации. Отвечая на один из вопросов анкеты Наркомнаца о своей профессии, М.Э. Расулзаде написал, что является «литератором-журналистом». Так он стал сотрудником печатного органа этого ведомства - газеты «Жизнь национальностей»²⁰. Но отношения со Сталиным у М.Э. Расулзаде не сложились, и в 1922 г. ему удалось бежать из Петрограда в Финляндию, а затем - дальше, в Западную Европу и Турцию²¹.

Опубликованная в Стамбуле в 1923 г. книга М.Э. Расулзаде «Азербайджанская республика» произвела на И.В. Сталина настолько сильный эффект, что в Баку руководящие работники Г.М. Мусабеков²², Л.И. Мирзоян²³, Р.А. Ахундов²⁴, С.М. Киров²⁵ и И.Д. Орахелашвили²⁶, получив его письмо от 16 сентября 1923 г.²⁷, стали опровергать ее положения, пытаясь

доказать, что при мусаватистском правительстве Азербайджан не являлся независимым, что свобода республики была обеспечена только советской властью. Г. К. Орджоникидзе, 1-й секретарь Закавказского крайкома коммунистической партии, выступая перед бакинскими коммунистами и указав, что у него в портфеле лежит книга М.Э. Расулзаде, заявил, что следует устранить «наши дефекты и национализировать учреждения Азербайджана», привлекать азербайджанцев к работе, и не потому, что этого требует М.Э. Расулзаде, а только потому, что «эта наша настоящая задача» и «Азербайджан должен быть примерной республикой для всего Востока»²⁸.

В 1923-1927 гг. под редакцией М.Э. Расулзаде в Стамбуле издавался журнал «Ени Кавкасия» («Новый Кавказ») ²⁹. Понятно, что это издание, а также азербайджанская эмигрантская печать под его руководством вызывали сильное раздражение в Кремле и большой общественный резонанс в Закавказье. В результате после протеста Москвы этот журнал был кемалистскими властями закрыт, а М.Э. Расулзаде пришлось уехать в Европу, где он жил в Варшаве³⁰ и Берлине. В эмиграции он стал главой Заграничного представительства партии «Мусават» и президиума Азербайджанского национального центра, а также членом международной организации «Прометей» (Лиги угнетенных Россией народов), созданной в 1928 г. в Варшаве Генштабом и Восточным отделом МИД Польши в связи с поставленной Ю. Пилсудским задачей объединения и использования всех групп эмиграции против СССР. В эту организацию входили представители Азербайджана, Дона, Карелии, Грузии, Поволжья, Крыма, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана, Украины и др. Прометеевское движение было нацелено на то, чтобы вынудить советское руководство признать на деле права нерусских народов, а также раскрыть для мировой общественности подлинную национальную политику Кремля.

Прометеевцам приходилось не только критиковать действия Москвы, но и постоянно дискутировать с представителями русской эмиграции. Характеризуя ее враждебное отношение, в частности, к мусаватистским изданиям, М.Э. Расулзаде писал, что они подвергаются нападкам с ее стороны, «как к сепаратистам»³¹. Ему приходилось много работать, чтобы объяснить европейцам: Азербайджан на самом деле боролся за восстановление своей государственности. В 1930 г. в Париже вышли в свет его самые известные книги: одна (на французском языке) раскрывала европейскому читателю подробности того, как Азербайджан боролся за свою независимость в 1918-1920 гг., а другая - сборник на русском языке «О пантуризме. В связи с кавказской проблемой» - продолжала известную давнюю полемику. В 1934 г., объясняя суть своей политики как лидера

«Мусават», М.Э. Расулзаде отмечал, что мусаватизм - это «сочетание национальной идеологии, сохранившей в себе модернизированные понятия идейных традиций исламизма и тюркизма, социалистической программы народно-социалистического толка и революционной тактики в смысле стремления к отторжению Азербайджана и всего Кавказа от России». А в 1936 г., развивая свою политическую программу, он заявил, что «мусаватизм - это азербайджанский патриотизм, преданный идеалам республики, свободы и национальной независимости и органически связанный с высокими идеалами общечеловеческой цивилизации и великой тюркской культуры»³². Никакого влияния таких политических доктрин, как пантюркизм и панисламизм, в идеологии «Мусават» не было.

Не только публикации М.Э. Расулзаде, но и его лекции вызывали большой интерес. Послушать его доклад на тему «Азербайджанский вопрос» в уважаемом клубе Гумбольдтской высшей школы в Берлине 21 мая 1937 г. собрались около 200 представителей различных ведомств и учреждений Германии, науки, прессы и общественно-политических кругов, а также эмигранты из России, Персии и Турции. Во второй половине 30-х годов в Германии, Италии, Англии и Франции резко возрос интерес к национальным проблемам в СССР, где межэтнические противоречия, вопреки заявлениям кремлевских вождей и советской пропаганде, не только не исчезли, но и отчасти разгорелись с новой силой вследствие предвоенных репрессий.

Творчество М.Э. Расулзаде, много писавшего критически о проблемах нерусских народов, в СССР замалчивалось и искажалось, он был необоснованно заклеймен «панисламистом», «пантюркистом», «туркофилом», «буржуазным националистом» и «русофобом». В постсоветских публикациях оценки роли М.Э. Расулзаде в истории претерпели существенные изменения. В научной литературе появилась точка зрения, что под его руководством была произведена успешная попытка создания в мусульманском регионе светского демократического государства, что он являлся лидером азербайджанского национального движения, основоположником Азербайджанской республики. М.Э. Расулзаде заслуженно вошел в ряд крупных общероссийских политиков, сыгравших заметную роль во время революции и гражданской войны на территории бывшей Российской империи³³. Между тем в средствах массовой информации и некоторых изданиях можно по-прежнему встретить в его отношении устаревшие оценки и недостоверные суждения, о чем свидетельствует, к примеру, «художественно-документальная» книга генерал-майора в отставке Л.Ф. Соцкова, состоящая из очерков о борьбе советских спецслужб с

кавказскими, туркестанскими, украинскими, татарскими и башкирскими эмигрантскими лидерами в период до и после Второй мировой войны³⁴. Эти, по оценке генерала, «национал-сепаратисты» являлись якобы главными внешними врагами советского строя, представителями «радикальной эмиграции сепаратистского толка», действовавшими с целью дестабилизации обстановки на Кавказе, в Средней Азии и других регионах СССР. Л.Ф. Соцков, пользуясь недоступными для историков документами из архивов спецслужб, дает, в частности, такие оценки: во главе партии «Мусават» стоял ее основатель М.Э. Расулзаде - «туркофил, националист, русофоб»³⁵. Представленная под таким тенденциозным углом зрения его борьба за восстановление государственности своей страны, которая в свое время была уничтожена, за освобождение своего народа от большевистского гнета анализируется вполне в духе советской идеологии. По существу книга Соцкова является попыткой скомпрометировать не только М.Э. Расулзаде, но и других прометеевских деятелей, боровшихся в Европе за интересы различных нерусских народов Советского Союза.

Находясь в эмиграции, М.Э. Расулзаде продолжал критиковать историю феодального Азербайджана за «косность нравов, губительность предрассудков, схоластическое суждение квазиученых, ханжество и мракобесие», «шарлатанство отсталого духовенства и разных лжецов-шейхов, эксплуатирующих народную темноту в интересах своих низменных страстей» и одновременно призывал народ «проснуться от вековой спячки, приобщиться к современной науке и общемировой культуре и идти вперед», чтобы «приноровиться к прогрессивному шествию общечеловеческой цивилизации»³⁶. М.Э. Расулзаде исходил из того, что «Азербайджан, населенный мусульманским и тюркским элементом, ни в религиозном, ни в культурном отношении ничего общего не имеющим с Россией и завоеванный ею только силою оружия, духовно никогда не мирился с русской государственностью» и «больше, чем христианские его соседи, подвергался угнетению царского режима»³⁷. Вместе с тем он, будучи объективным аналитиком, отмечал, что «в зарождении рационально-реалистической школы нашей литературы русская власть объективно сыграла... некоторую роль». В целях борьбы с персидским влиянием на территориях, завоеванных у Персии, Петербург решил поддержать стремление азербайджанской интеллигенции к развитию народной культуры и азербайджанской словесности³⁸. В результате «с течением времени и развитием социальных сил, когда к общественному движению приобщались все более широкие круги населения, в Азербайджане, раньше, чем где-либо на мусульманском Востоке, национальное движение принимало европейский характер».

Характеризуя социальную психологию мусульманских народов, он подчеркивал, что, «находясь под общим гнетом Российской империи, следующей... антимусульманской политике, политическая деятельность тюркских народов России происходила в одном направлении и в тесной идейно-организационной связи между собой»³⁹. При этом никакого сепаратизма до прихода к власти большевиков мусульманские народы не проявляли, надеясь, что Всероссийское Учредительное собрание установит в стране демократический строй, при котором все их интересы будут учтены, чего не произошло.

Проблема статуса Азербайджана как независимого государства - самая главная в творчестве М.Э. Расулзаде. Размышляя над причинами поражения Азербайджанской республики в 1920 г., он писал: «Оккупация Азербайджана Советами произошла в очень невыгодной обстановке для азербайджанцев. В то время, когда интересы балтийских государств в борьбе с русско-большевистской агрессией совпадали с политическими интересами западных держав, и они в этой борьбе имели как моральную, так и материальную их поддержку, на Кавказе сложились совершенно другие обстоятельства». Европейские державы не оказали своевременной поддержки кавказским республикам, в том числе Азербайджану, а Персия и Турция были в таком положении, что в борьбе за свое существование вынуждены были опираться на помощь со стороны большевиков. Это обстоятельство оказалось роковым, по мнению М.Э. Расулзаде, для Азербайджанской республики⁴⁰.

Свою роль политика, вынужденного жить в эмиграции, М.Э. Расулзаде видел в следующем: пропаганда идеи национальной государственности и борьба за восстановление утраченной независимости Азербайджана; критика большевизма как «социально-политической догмы» и разоблачение национальной политики советской власти как «наихудшей формы колониальной эксплуатации»; социально-политический анализ повседневной жизни находящейся под «русско-большевистской оккупацией» страны с выводами, устанавливающими актуальные лозунги борьбы, соответствующие требованиям политического момента; развитие и разработка «социально-политической программы радикально-демократического мировоззрения в духе революционного национализма»; критика советской прессы и полемика с ней⁴¹.

При этом М.Э. Расулзаде поддерживал проекты общекавказской интеграции, полагая, что только силами всего Кавказа можно освободиться от диктата Кремля и создать независимый от него Кавказский конфедеративный союз⁴². М.Э. Расулзаде подчеркивал: партия «Мусават» никогда не отрицала реальность объединения кавказских народов в одно

политическое целое, что не противоречило интересам освобождения тюркских народов от «ненавистного русского империализма» и, «служа гарантией прочного мира на Востоке и играя роль барьера против русского проникновения на юг», могло, по М.Э. Расулзаде, «служить наилучшим фактором» в борьбе тюркских народов за независимость⁴³.

Касаясь перспектив своих идей, М.Э. Расулзаде полагал, что «в разоренной коммунистическим и оккупационным режимом родине... все усилия оккупационной советской власти разложить национальный дух Азербайджана... не имеют успеха», что «в недрах азербайджанской действительности растет и крепнет железная воля к освобождению страны и восстановлению ее потерянной независимости». «Мы ни на минуту не сомневаемся, что ...на очередном этапе истории, наступление которого не за горами», Азербайджан обретет независимость. Факты, на взгляд М.Э. Расулзаде, давали основание «отвергать всякое пессимистическое суждение о том, будто коммунизм в корне убил национальное чувство в советских странах», не только среди азербайджанцев, но и среди других нерусских народов СССР⁴⁴.

Как теоретик и идеолог мусаватизма и общекавказской интеграции М.Э. Расулзаде пытался выяснить, каким образом происходили изменения в азербайджанском обществе, как изменялось видение мира мусульманскими массами, как вырабатывались новые ориентиры. Его критика советской власти, национальной политики коммунистов оказала сильное влияние на общественное развитие в Закавказье, а его творчество внесло заметный вклад в развитие общественной мысли азербайджанской и всей кавказской эмиграции. После оккупации в 1939 г. Польши Германией М.Э. Расулзаде перебрался в Румынию, а в 1947 г. - в Турцию, где он скончался 6 марта 1955 г. Его творческое наследие обширно, многое, им написанное, еще неизвестно.

Несомненную ценность для существенного расширения наших знаний о жизни и творчестве М.Э. Расулзаде представляет впервые публикуемая в этом сборнике его переведенная сразу же на русский язык (6 глав из 11-ти) и присланная советским дипломатом из Турции в Москву книга «Азербайджанская республика», изданная в Турции в 1923 г. Перевод обнаружен в бакинском архиве доктором исторических наук Джамилем Гасанлы, профессором Бакинского государственного университета. В сборник также включены написанные М.Э. Расулзаде по-русски статьи под названием «Достижения Азербайджана на международной арене» (1934), «О национальном уклоне в Азербайджане» (1934), подлинник доклада «Современная литература Азербайджана», прочитанный им 17 января 1936 г. в Париже, а также его письма. Большинство из них написаны по-

азербайджански арабской графикой и адресованы Джейхуну Гаджибейли в Париж, где были обнаружены в 1988 г. дипломатом Рамизом Абуталыбовым во время его работы во Франции. Кроме того, в сборнике впервые перепечатаны статьи М.Э. Расулзаде, вышедшие по-французски в парижском журнале «Prométhée» («Прометей») в период с 1926 по 1939 гг., а также его статьи (на английском и польском языках) из варшавского журнала «Wschód» («Восток»).

Эти публикации на разных языках свидетельствуют, что М.Э. Расулзаде придавал большое значение тому, чтобы подробно и глубоко освещать для европейцев все основные проблемы Азербайджана. В частности, две статьи, опубликованные в «Прометее» в 1938-1939 гг., достаточно полно демонстрируют его взгляды на прошлое, настоящее и будущее не только Азербайджана, но и других народов, входивших в состав СССР, накануне Второй мировой войны.

Первая статья «Советский террор и национальное сопротивление в Азербайджане» (1938) является фрагментом последней главы книги М.Э. Расулзаде «Das Problem Aserbeidschan», изданной в Берлине в 1938 г. В ней говорится о том, что во всех союзных и автономных республиках Советского Союза «чистка» привела к кровопролитию, многие их руководители были обвинены в «измене народу», и некоторые из них покончили с собой. М.Э. Расулзаде подробно описывает, как происходила «чистка», коснувшаяся и тех руководителей, которые с самого начала «оккупации» Азербайджана Москвой были ярыми пропагандистами коммунистических идей и организаторами в политических, экономических и культурных областях жизни страны.

В то время как в Москве шла борьба различных политических групп за власть, подчеркивал М.Э. Расулзаде, сопротивляющиеся московскому империализму нерусские народы окраин вели сражение за независимость и свободу. Так, чтобы ослабить и по возможности уничтожить национальное движение на Кавказе, Сталин, принимая новую советскую конституцию в 1936 г., распустил ЗСФСР, якобы «возвращая» республикам, входившим в ее состав (Азербайджан, Армения и Грузия) их «национальную независимость». При этом Кремль заявил об исчезновении сепаратизма в этом регионе, что, на взгляд М.Э. Расулзаде, явно противоречило небывалому взрыву народного сопротивления на Кавказе. Очевидно, что настоящую причину ликвидации ЗСФСР нужно, по его мнению, было искать в другом: освободительные движения этих трех народов, шириющиеся с каждым днем, имели связь между собой и были нацелены на объединение Кавказа. Даже в своей ушербной,

советской форме Закавказская Федерация являлась символом единства Кавказа, идеи конфедерации.

Характеризуя провал политики Кремля в Азербайджане, М.Э. Расулзаде пишет также в этой статье, что в 1920 г. московские большевики захватили Азербайджан путем обмана и силой оружия, но за 18 лет своего правления они не только не смогли установить здесь прочный мир, им даже не удалось подготовить достаточного количества кадров, на преданность которых коммунистическая власть могла бы положиться. Эта власть не находит поддержки даже в повсеместно созданной ею бюрократии, не может рассчитывать на симпатии широких слоев населения. Азербайджан, резюмирует М.Э. Расулзаде, ведет неравными средствами жестокую борьбу за существование и культуру, развитие которой возможно лишь в независимом азербайджанском государстве.

Другая статья «Советский патриотизм, или Новые тенденции русификации» (1939) посвящена анализу борьбы Кремля с новой волной национальных движений в разных регионах страны, когда власть использовала в качестве орудия советский патриотизм. Но под этим камуфляжем, пишет М.Э. Расулзаде, проступают черты знакомого царского империализма. Кремль целенаправленно занимается идеализацией русской национальной истории в советских республиках, и полученные за рекордно короткое время результаты являются, поражался автор, впечатляющими: реабилитированы герои борьбы против Польши в XVII в. Минин и Пожарский, прославлены защитники Москвы от Наполеона, генералы империи Кутузов и Багратион, превознесен Суворов, подавлявший освободительное движение европейских народов. Все эти меры были направлены на то, чтобы старый русский патриотизм послужил образцом для молодого советского патриотизма. Но вызванное таким образом у русского народа патриотическое чувство привело, естественно, к негативной реакции со стороны коммунистов нерусского происхождения. Последствиями такой политики стали, с одной стороны, усиление сепаратизма в нерусских республиках, а с другой - «чистка» среди руководителей и членов коммунистической партии в союзных и автономных республиках. После этого кремлевские руководители решились на новое надувательство. В ряде нерусских республик были организованы помпезные юбилеи - 750-летие Ш. Руставели в Грузии, 800-летие Низами в Азербайджане и др. Однако на этих юбилейных торжествах акцент делался не на том или ином произведении и его выдающемся авторе, и даже не на творческом гении того или иного народа, а только на том, что «лишь благодаря великому русскому народу» эти народы начали знакомиться с богатствами собственной культуры и

истории! При этом советские агитаторы избегали приводить любые сведения, относящиеся к силовому захвату этих народов, отмечая только те детали из истории, которые демонстрировали их отсталость. К примеру, азербайджанский поэт, писатель и энциклопедист XVIII в. Мирза Фатали Ахундов был превращен в ученика русских декабристов, его позитивистская мораль приравнена к марксистскому материализму, критика ханжества и суеверия представлена атеистической пропагандой, а его ода, посвященная Пушкину, - как выражение «глубокого убеждения» автора в необходимости воссоединения Азербайджана с Россией. Истории, по выражению М.Э. Расулзаде, «младших братьев» (нерусских народов) были нацелены на то, чтобы направить все их мечты на темы, которые не могли навредить сближению и союзу с Россией, объединяли бы их в защите «общей матушки-родины» от поляков, французов, немцев, японцев и т.д. Цель подобной акции была все та же - укрепление русского патриотизма, его духовных основ и идеологии. Попытка русификации, завершившаяся безрезультатно в царские времена, теперь возрождалась под названием «советский патриотизм» и претворялась в жизнь силой. Как пишет М.Э. Расулзаде, большевизм заменяет православие и коммунистическая партия берет на себя процесс осуществления русификации, пытаясь искусственно создать «национальную культуру по форме и социалистическую по содержанию». Национальная политика Сталина на самом деле является лишь системной русификацией Советского Союза, когда советизируются идеология, культура, история, искусство, литература, наука и пр. Однако подобные усилия, в свое время обернувшиеся крушением «белого царя», и сейчас не достигнут успеха у лишенного родины красного космополитизма, так как история работает в интересах народов, борющихся за свое сохранение и победу, - прозорливо полагал М.Э. Расулзаде в конце 30-х годов XX в.

Прошло менее полувека, и процессы, охватившие Советский Союз в период горбачевской «перестройки», подтвердили его прогноз, сделанный на основе объективного изучения далекого прошлого и событий, современником которых он был.

Составитель выражает искреннюю благодарность всем, кто содействовал появлению этого сборника.

¹ Багирова И.С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века (1900-1917). Баку, 1997, С. 31,32,37.

² Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб.; М, 2002. С. 261. ³См. настоящее издание. С. 177.

⁴Багирова И.С. Указ. соч. С. 35-36.

⁵Государственный архив Российской Федерации, ф. 124, оп. 51, д. 811, л. 6 об. - 7, 27 об.

⁶ *Исаханлы Г.* Младший из «большой пятерки» // Азербайджанская Демократическая Республика: Сборник статей, посвященный 90-летию Первой республики. М., 2008. С. 61.

⁷ См. настоящее издание. С. 181.

⁸ Утро России. 1917.4 мая.

⁹ *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 8.

¹⁰ В ходе избирательной кампании кандидатура М.Э. Расулзаде была выдвинута не только в Закавказье, но и в Ферганской области (Государственный архив Российской Федерации, ф. 1810, оп. 1, д. 433, л. 3), что свидетельствует о его большой популярности в Туркестане.

¹¹ Азербайджанская республика: Документы и материалы. 1918-1920 гг. Баку, 1998. С. 65.

¹² См.: *Балаев А.Г.* Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. М., 2008.

¹³ Азербайджанская республика... С. 382.

¹⁴ Азербайджан. 1919.1 июля.

¹⁵ См. подробнее: *Балаев А.* Создание Азербайджанской Демократической Республики - первый опыт по внедрению европейской модели национального государства на Востоке // Азербайджанская Демократическая Республика: Сборник статей, посвященный 90-летию Первой республики. М., 2008. С. 17-41.

¹⁶ По данным Дж. Гасанлы, М.Э. Расулзаде скрывался от большевиков в высокогорном селе Лагиче, но 17 августа 1920 г. в селе Гарамарьям близ Гейчая был арестован и доставлен в Баку.

¹⁷ В первые дни ноября 1920 г. И.В. Сталин прибыл в Баку для участия в торжествах по поводу годовщины Октябрьской революции. Здесь он отдал распоряжение начальнику особого отдела XI армии В. Панкратову освободить М.Э. Расулзаде. Причем И.В. Сталин лично отправился в Баиловскую тюрьму, где некогда томился и сам, и вызволил М.Э. Расулзаде. (*Прим. Дж. Гасанлы.*)

¹⁸ Вольный горец. 1920.15 ноября.

¹⁹ *Расулзаде М.Э.* Указ. соч. С. 7.

²⁰ *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917-1923 гг.): Документы и материалы. М., 2007. С. 34, 280, 281.

²¹1 января 1923 г. в письме И.В. Сталину М.Э. Расулзаде, в частности, отмечал: «Волею судеб очутившаяся у власти партия коммунистов, отступая на всех фронтах от своей идеологии, приходит к идее восстановления старой Российской империи...» В письме есть и такой пассаж: самостоятельность Кавказа при царских наместниках была не меньшей, чем «при нынешних секретарях Кавказского крайкома», о процесс ликвидации независимости теперь идет быстрее, чем при царе» (Источник. 1994. № 6. С. 83-84). (Прим. Дж. Гасанлы.)

²²Мусабеков Газанфар Махмуд оглы (1888-1938) - в 1920-1922 гг. нарком продовольствия Азербайджанской ССР, в 1922-1928 гг. председатель Совнаркома Азербайджанской ССР. Получив это указание, он написал директору Музея революции и Института С. Г. Шаумяна в г. Баку Я. Раггаузеру: «Очень прошу Вас представить в мое распоряжение необходимые материалы, имеющиеся в музее революции, для составления мною брошюры, согласно тезисам т. Сталина» (Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 558, оп. 1, д. 4491, л. 1).

²³Мирзоян Левон Исаевич (1897-1939) - в 1920-1925 гг. нарком труда Азербайджанской ССР, секретарь Бакинского комитета КП(б) Азербайджана.

²⁴Ахундов Рухулла Али оглы (1897-1938) - в 1920-1924 гг. зав. отделом ЦК КП(б) Азербайджана, секретарь Бакинского комитета КП(б) Азербайджана.

²⁵Киров Сергей Миронович (1886-1934) - в 1921-1926 гг. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана.

²⁶Орахелашвили Иван (Мамия) Дмитриевич (1981-1937) - в 1922-1927 гг. председатель Совнаркома ЗСФСР.

²⁷Сталин писал: «Мои советы гг. Мусабекову, Мирзояну, Ахундову, Кирову, Орахелашвили по поводу реакционной брошюры Расулзаде. Общий тон брошюры против Расулзаде должен быть наступателен. Ни в коем случае не оправдываться, а наступать, обвиняя его в следующих грехах:

1. В ренегатстве. Он был большевиком, но изменил нам.
2. В измене интересам самих турок. Так как он сам и его партия «Мусават» мешали Красной армии помогать туркам, препятствовали взятию Баку.
3. В измене азербайджанскому народу. Препятствовали передаче земли крестьянам и ликвидации владений беков.
4. В измене интересам всех народов Востока и помощи Англии в сохранении колониального господства над мусульманами.
5. В организации армяно-татарской резни. Обозвать его азербайджанским Пуришкевичем.

6. Обвинить в организации шамхорского погрома. Обозвать его азербайджанским погромщиком.

Нужно прямо указать, что Расулзаде является отсталым, невежественным, средневековым утопистом, поскольку он не понимает того простого факта, что мир раскололся на два основных лагеря, лагерь советских республик и лагерь империалистических держав, что угнетенные народы должны пристать либо к одному лагерю, либо к другому, что необходимо стоять либо за советские республики против империализма, либо за империализм против советских республик, что тот, кто старается занять третью позицию, он либо прикрывает свою измену угнетенным народам в пользу империализма лживыми фразами о несуществующей и неосуществимой третьей позиции, либо он является невежественным алхимиком, невежественным и утопическим попом от мелкотравчатого и бесхребетного национализма. Только круглые идиоты могут утверждать, что при буржуазной России мыслимы свободные Турция, Персия, Азербайджан и пр. Только круглые идиоты могут забыть, что буржуазная Россия расширялась (и будет расширяться) лишь за счет Турции и Персии и лишь в союзе с Англией и прочими империалистическими державами. И т.д. и т.д.

Я думаю, что брошюра будет вполне удовлетворительной, если будут учтены при ее составлении все эти (и подобные им) тезисы» (Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 558, оп. 1, д. 4491, л. 1-2).

В начале 1924 г. в Казани вышла книга известного татарского писателя Г. Ибрагимова «Черные маяки», направленная против мусульманских лидеров, оказавшихся в эмиграции. Один из параграфов в ней был посвящен М.Э. Расулзаде и его «контрреволюционной брошюре». Аргументы, приводимые здесь против него, полностью совпадали со сталинскими инструкциями кавказским руководителям. (Прим. Дж. Гасанлы.)

²⁸Расулзаде М.Э. Указ. соч. С. 24-25.

²⁹Упомянутое письмо к И.В. Сталину было опубликовано М.Э. Расулзаде в пятом номере этого журнала в 1923 г. (Прим. Дж. Гасанлы.)

³⁰О его жизни и деятельности в Польше см.: *Yaqublu N. Azərbaycan-Polşa əlaqələrində M.Ə. Rəsulzadənin rolu*. Bakı, 2007.

³¹Расулзаде М.Э. Указ. соч. С. 26.

³²Там же. С. 8,13.

³³Исмаилов Э. Расулзаде М.Э. // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 273; Расулзаде М.Э. // Революция и гражданская война в России. 1917-1923: Энциклопедия: В 4 т. М., 2008. С.

484-485; *Исхаков С.М.* Расулзаде М.Э. // *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия.* М., 2009. С. 486-488.

³⁴*Соцков Л.Ф.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. Другим примером являются книги О.В. Романько, которые написаны на недоступных обычным исследователям архивных источниках, извлеченных из недр соответствующих спецслужб, о которых автор, в отличие от Соцкова, умалчивает: *Мусульманские легионы третьего рейха: мусульманские добровольческие формирования в германских вооруженных силах (1939-1945).* Симферополь, 2000; *Мусульманские легионы во Второй мировой войне.* М., 2004; и др.

³⁵*Соцков Л.Ф.* Указ. соч. С. 123.

³⁶См. настоящее издание. С. 172,176.

³⁷*Расулзаде М.Э.* Указ. соч. С. 11,13.

³⁸См. настоящее издание. С. 173.

³⁹*Расулзаде М.Э.* Указ. соч. С. 11,12.

⁴⁰Там же. С. 15.

⁴¹Там же. С. 24.

⁴²Там же. 28-29.

⁴³Там же. С. 9.

⁴⁴См. настоящее издание. С. 185, 190, 202.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Азербайджанская республика

ОДНО МНЕНИЕ

Дорогой товарищ Эмин!

Вы спрашиваете, каковы мои мысли и мнение о созданном Вами труде под названием «Азербайджанская республика». До мировой войны я, более или менее, следил издали за культурой и общественной жизнью Азербайджана, но с началом войны, естественно, возможности продолжать это в должной мере я был лишен. Занавесь из густого тумана, явившаяся следствием хода событий между двумя братскими тюркскими народами - Стамбулом и Баку, и вообще, между Турцией и Азербайджаном, не позволяла видеть, слышать или чувствовать что-либо. Ныне занавесь постепенно приподнимается, Вы же являетесь одним из тех, кто приподнимают эту занавесь.

Правду можно вывести из выслушивания враждебных друг другу сторон. Так как я с давних пор обязал себя следовать, при определении вывода, правилу *audiatur et altera pars*, т.е. «должны быть выслушаны и противоположные стороны», то поэтому я только с этой точки зрения могу высказать свое мнение о вашей книге: Вы работали, как активный борец, в самое критическое для Азербайджана время, очень многие важные факты и события Вы видели с близкого расстояния собственными глазами, пребывали среди различных течений и прожили богатую приключениями жизнь...¹ К имеющимся, естественно, у Вас положительным знаниям и эрудиции, Вы прибавили много ценных и полезных наблюдений и сведений, и это Вы, несомненно, постарались отметить и зафиксировать в Вашем труде.

Но только Вы представляете в Азербайджане одну сторону, одну силу, одну политическую партию: в какой степени Вы, вопреки Вашему желанию, можете быть объективным - этого я, в нынешней обстановке, не в силах определить... Но вместе с тем, без всякого сомнения, Ваш труд заполняет одну пустоту: одним из больших недостатков турецкого издательства является то, что оно не охватывает достаточных уму и сердцу сведений о соседних странах, в особенности, о соседних нам тюркских краях. С этой стороны Ваш труд, если даже считать, что он рассматривает все односторонне, послужит ценным вкладом в наши печатные издания, ибо затронутая в нем тема касается вопросов, связанных со святой, дорогой независимостью и будущностью Баку, экономическое и политическое положение которого в Азербайджане имеет всемирное значение, и по этой причине - для всего тюркизма.

Подобно тому как достижение каким-нибудь народом спокойной и плодотворной жизни, благоденствия и счастья в тесной связи с установлением между социальными расами экономического равновесия и справедливости, так и пользование благами мира и спокойствия со стороны всего человечества возможно лишь в результате господства и осуществления в международных отношениях понятия права и справедливости. Всеобщий мир на всем свете, который родится из международной справедливости и права, сделает необходимыми свободу и независимость Азербайджана... Но борцы и стражи независимости должны быть сильны и бдительны... В «экономическом обете», принятом на экономическом конгрессе в Смирне, говорится также об учреждении «Праздника книги»; я надеюсь, что на первом банкете «Праздника книги» «Азербайджанская республика» из всех духовных яств будет самым вкусным и питательным... будет укреплять и пробуждать борцов и стражей тюркской независимости.

Гусейн Заде Али²

I

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НАРОД

До мировой войны, согласно прежней официальной географии, под Азербайджаном подразумевался Тавриз с его районами, расположенными в Северной Персии. После войны и великой Российской революции под общеупотребительным словом Азербайджан сделалась известной северная часть вышеупомянутого Азербайджана, находящаяся на юго-востоке Кавказа с центром в Баку.

Азербайджанцы по национальности тюрки, по религии - мусульмане, по культуре примыкают к Востоку.

Что касается особенностей языка, то азербайджанский тюрк говорит на наречии, близком к тюркскому языку анатолийцев и составляющем одну из ветвей великого тюркского древа, обладающих различными наречиями и носящих различные имена по месту их расположения.

Те места, в каких живут ныне азербайджанские тюрки, с давних времен заселены были тюркским народом. Такие вилайеты (губернии), как Баку, Гянджа, Шемаха, Эривань, Тавриз, Марата, Ардебиль и др., а также такие края, как Мугань, Аран, Карабах и Карадаг, были испокон веков стоянками тюркского народа и пастбищами тюркских ханов. Эти места стали свидетелями образования больших и малых государств многими тюркскими династиями, правившими здесь годами.

Хазарские тюрки, основавшие свое великое царство на том месте, где река Атиль³ впадает в море Кузгун⁴, в 700 годах после Рождества Христова пустились по направлению вниз, по Калмыцкой степи и по побережью Кумука и расположились в Муганской степи. Несколько позже за ними последовали и другие тюркские потоки. Воинственные кочевники великого Чингиза⁵ и Теймура⁶ выбрали себе стоянкой берега реки Куры и бассейн реки Аракс, которые они нашли похожими на реки Джейхун и Сейхун. При сельджуках эти места уже окончательно стали тюркским краем.

После сельджуков эти места переходили из рук в руки и управлялись государями из различных династий. При прекращении рода больших династий их места занимали другие, хоть и маленькие, но все же тюркские ханства. Одна из этих династий - Шамседина Ильдигеза⁷ - под именем азербайджанских Атабеков объявила здесь независимость и правила в течение 80 лет. Независимость эта была объявлена в Гяндже в 541 г. Кроме них, здесь правили также и туркменские династии Кара-Коюнлу⁸ и Ак-Коюнлу⁹.

Сто лет тому назад ханами Дербента, Кубы, Ленкорани, Шеки, Ширвана, Баку, Карабаха, Гянджи, Эривани и Нахичевани, независимости которых был положен конец русским царизмом, также были тюркские правители - азербайджанцы.

Господство тюрков в этих местах не было подобием господства их в Индостане, Аравии, Персии и Египте, где они правили и являлись военной кастой для народов из другого племени. За исключением османов, большинство тюркских кочевников ассимилировались с подвластными им народами, тогда как азербайджанские тюрки в массе своей сохранили в прежнем виде свой язык, являвшийся главной основой национальности.

Между 1808¹⁰ и 1826 гг. после борьбы и войн, вошедших в разные страницы истории, где главное место занимает национальный герой Джавадхан*, сопротивление которого стало эпопеей, азербайджанские ханства, еще не осознавшие свое «я», не выявившие сознательно свое национальное лицо, полностью находившиеся под влиянием персидской культуры и идеи, хотя и сдали свои позиции могуществу русских, прибывших с современной армией, и подчинились судьбе, однако народ со своей литературой, поэтами, ашугами (певцами) и дервишами¹¹ на родном языке воспевал свою горечь и радость и на основании собственного разума чувствовал себя единым целым.

Да, его Физули¹², никогда не исчезавший с его рехле (книжный столик), его ашуги, плачущие о Кер-Оглу¹³ и Керему¹⁴ с израненным сердцем, душу обжигающие звуки сазов¹⁵ этих ашугов, вдохновляющие песни чабанов, и мелодии, воспеваемые с любовью детьми, колыбельные песни матерей, укладывающих спать своих малюток, - все это указывало, по мнению аристократии, на пребывание народа, считавшего себя персами, в страшном заблуждении.

Нет, неправда, ты тюрк - говорилось в них.

II

ЛИТЕРАТУРНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Заселяя оба берега реки Аракс, делящей Азербайджан на две части, тюрки эти, связанные отчасти в той или иной форме с Персией, жили

* Джавад-хан был героем защиты Гянджи против князя Цицианова. Этот герой, смело отвергнув неоднократные предложения о сдаче, до последнего вздоха защищал город и, сидя на крепостной пушке, сражался до того момента, пока его не разрубили на куски.

полунезависимой жизнью и являлись народом не подвластным, а господствующим, потому что господствующий класс в Персии в течение веков составляли тюрки.

Так как азербайджанский народ тяжесть строя переносил от своих соплеменников, а не от чужих, потому он и не признавал свою действительную подчиненность, того, что в идейном отношении он являлся подвластным чуждой ему культуре. Он постепенно подвергался оперсиванию. Аристократия получала образование на персидском языке, воспитывалась по-персидски, мыслила как персы и прямо-таки считала себя персами. Как аристократия, державшая в своих руках судьбу народа, так и духовенство, духовно подчинявшее себе тот же народ, были одного духа, воспитания и помыслов.

Вполне естественно, что аристократия, выросшая на этой земле, давшая персидской литературе таких мастеров, как Низами¹⁶, Месхети¹⁷ и других, должна была раствориться и утратить самосознание перед языком Саади¹⁸, смотреть на тюрка и на тюркский язык с пренебрежением, тем языком Саади, который в свое время едва не принял Сулейман Кануни¹⁹.

Тюркская аристократия, капитулировавшая и ассимилировавшаяся перед лицом могучей идеологии, созданной на основе блестящей и ценимой во всем мире персидской литературы, естественно, должна была оказать влияние и на простой народ.

И оказала. Тюркский язык считался языком простонародья и крестьян, а языком официальным и литературным сделался для всех персидский язык. В результате образовался странный народ: говорящий на одном, а пишущий на другом языке.

Заараксовый Азербайджан по настоящее время находится в таком положении. Там каждый говорит по-тюркски, но, когда дело доходит до письма, употребляется персидский язык.

В то время, когда аристократия подобное положение не считала чем-то противоестественным, простой народ не совсем был равнодушен к этому: он оказывал групповое сопротивление такому положению. В то время как аристократия не придавала этому никакого значения, народ восстал против отпадения от своей нации. Героями восстания, выразившими это настроение, были ашуги, вдохновленные поэтическим чувством народа. Авторы стихийно созданных «Кер-Оглу», «Асли ве Керем», «Ашиг Гариб» и других поэм под гармоническими душеуспокаивающими звуками разжигающих сердце ашугских сазов так захватывали сердца тюркской массы, являлись для них настолько родными и близкими, что перед ними не могли устоять не только «Нуш Аферин» и «Фархад и Ширин» персов, но даже Фирдоуси²⁰ с

Хафизом²¹ не могли конкурировать с ними. Народ искал своего Фирдоуси, своего Хафиза, своего Саади, тюркского поэта, вышедшего из его среды, он искал азербайджанского певца, который бы выразил его настроения.

Хорошо, что не вся аристократия отвернулась от него. И вот поэты Азербайджана, которые оставались близкими к той среде, из которой вышли, для того чтобы удовлетворить эстетическое чувство народа, стали писать стихи по-тюркски. Рядом с народной литературой создавалась литература письменная.

На этом пути оказал глубокое влияние один из гениальных поэтов не только Азербайджана, но и всего тюркского мира: это был Физули, получивший у азербайджанцев имя отца поэзии.

В Азербайджане Физули известен больше, чем где бы то ни было. Физули - поэт, который читается и пользуется любовью более всех в Азербайджане. «Диван» Физули печатался больше всего в Табризе. Для азербайджанцев «Диван» Физули является тем же, чем «Диван» Хафиза для персов.

В то время как персидский язык очень поэтичен,
Изящная поэзия трудно дается на тюркском языке,
Если удастся, я преодолею эту трудность,
С наступлением весны шип расцветает в розу.

Начавший писать по-тюркски этими словами, Физули действительно сделал легким то, что в его время представляло «трудность». Время, внушившее Физули подобную решимость, увлекло писать по-тюркски стихи и его современника*, персидского шаха. Успех, достигнутый гениальным поэтом в сочинении стихов на тюркском, привел к тому, что число подражателей Физули увеличилось. И азербайджанская тюркская литература вошла в самостоятельное русло. С какими особенностями и достижениями развивалась, какие произведения создавала тюркская литература - само по себе составляет отдельную тему. Здесь же достаточно сказать только то, что эволюция азербайджанской литературы в точности похожа на литературную жизнь Физули.

Физули начал писать по-персидски, потом - по-тюркски; и при этом он раньше писал на азербайджанском наречии, с переходом же Багдада в руки

* Шах Исмаил (1501-1524), из династии Сефевидов, писал стихи на тюркском под псевдонимом Хатаи. Общеизвестен «Диван» Хатаи.

османов язык Физули постепенно османизировался, и, отойдя от восточного²² наречия, он приблизился к наречию западному. Такова и азербайджанская литература: азербайджанцы сначала писали по-персидски, потом Физули и его единомышленники-поэты стали писать на чисто местном, азербайджанском наречии, тем самым, открыв весьма продолжительный период. Этот период взрастил сперва Кевси²³, Набаты²⁴, потом Вагифа²⁵, Сеида Азима²⁶, Лаали²⁷, Раджи²⁸ и др. Наконец, наступил третий период: азербайджанская литература, подпавшая под влияние жизни и мыслей запада и вдохновленная турецкой литературой, стала употреблять современный литературный тюркский язык. Поэты этого периода - Абдул Селим Заде (Мухаммед Хади)²⁹, Сабир³⁰, Гусейн Джавид³¹, Ахмед Джавад³², Саххат³³, Музниб³⁴ и другие находились под воздействием, в одной стороны, русской литературы, а с другой - турецкой.

Когда Северный Азербайджан перешел под владычество русских, он полностью потерял все свои политические права и вскоре испытал горечь подчиненности. Ранее под влиянием общности религии и культуры он не ощущал свою подчиненность, ибо в то время не осознавал себя как нацию в том смысле, в каком это понимается ныне. Подвергавшийся постепенному оперсиванию, азербайджанский тюрк на этот раз сделался объектом политики обрусения.

Естественно, такое положение должно было затронуть чувствительные струны народа и глубоко возбудить в нем инстинкт самозащиты, поэтому-то народ и должен был осмыслить себя.

Для обрусения Азербайджана царизм действовал с двух фронтов. С одной стороны, он подчинил своему контролю духовенство, которое управляло религиозным чувством народа, с другой стороны - путем лишения возможности получить национальное воспитание заставлял народ обучаться в русских школах. Для обеспечения первой цели он основал специально для шиитов и суннитов два отдельных духовных управления и, подчинив посредством этих управлений духовенство, сделал из него подобие чиновничества. В обеспечении второй цели были открыты школы с определенной русификаторской программой.

В народе не было доверия как к тем муллам, которые согласились стать чиновниками, так и к тем сыновьям беков, какие вышли из вышеупомянутых школ. Народ, давший муллам, назначенным со стороны

правительства название «дефтер муллеси»*, а молодежи, обучавшейся в русских школах - «рус баласи»³⁵, по возможности оказывал сопротивление русификаторской политике. Дефтер муллеси он противопоставлял своего ахунда³⁰, а против школы - мектебханэ³⁷.

Хотя эти ахунд и мектебханэ, за которые крепко держался народ, не принадлежали ему полностью, а были учреждены под персидским влиянием, однако - в противовес чуждому его духу русизма - они представлялись более близкими и родными. Поэтому в борьбе за свободу ахунда и независимость мектебханэ народ был прав и боролся разумно, так как, хоть и был политически побежден, погибнуть духовно не желал.

Но аристократия опять ошиблась: раньше был мирза**, теряющий сознание перед романтизмом Фирдоуси, глубокой философией Саади, сладкими газелями³⁸ Хафиза, теперь же появился учитель, влюбленный в витающую над горами душу Лермонтова, влюбленный в речь Пушкина, похожую на текучую воду, и в христианскую философию Толстого.

Прошли годы; на одной стороне стоял мирза, на другой стороне - учитель; они долгое время не могли понять друг друга. Как оперсившийся мирза, так и обрусевший учитель долго не могли понять желание народа, осознанного им на основании личного чувства. После бессистемной борьбы против мектебханэ и медресе учитель понял цель: изучение Саади и Толстого для тюркского народа и ознакомление с ними тюрка необходимо и полезно. Но вместе с тем нельзя его лишать собственных Саади и Толстого.

Для того чтобы понять Саади и Толстого и других известных мировых литераторов, нужно изучить своих Физули, Набати, Сеидов, Сабири, Джавидов и Джавадов, какими бы маленькими они ни казались.

На этой почве открылась эра взаимного понимания между народом и образованными людьми, познакомившимися с помощью русской школы с современной культурой.

Лет 50-60 тому назад были положены основы современной азербайджанской литературы. Театральная литература зачиналась Мирзой Фатали Ахундовым³⁹, хорошо знакомым с восточной культурой, а также с

* Дефтер муллеси - указной мулла. Так назывались муллы, назначенные со стороны правительства, духовные муллы, которым выдавались книги для записей так называемых бакаи эрбэ (четырёх событий). - *Прим. перевод.*: брака, развода, рождения, смерти.

** Мирза - по-персидски учитель.

помощью русской литературы ознакомившимся с основами западной литературы. Ему подражали и продолжили его дело Наджаф бек Везиров⁴⁰, Абдулрагим Ахвердов⁴¹, Султан Меджид Гани заде⁴², Нариман Нариманов⁴³, Джалил Мамед Кули заде⁴⁴ и другие литераторы. Комедии, написанные Мирза Фатали, являются первыми комедиями в тюркском мире. Полное собрание сочинений Мирза Фатали, прозванного критиками «восточным Мольером», переведено на русский, немецкий, английский и, отчасти, на французский языки.

Касаясь театра, нельзя пройти мимо азербайджанской музыки. Театральное искусство ни в одном месте мусульманского мира так не прогрессировало как в Азербайджане. Здесь создана первая тюркская опера и оперетта. Первым азербайджанским композитором Узеир беком⁴⁵ была написана опера «Лейли и Меджнун» с сюжетом из Физули. Кроме этого созданы оперы «Асли и Керем», «Ашиг Гариб», «Шах Абас» и «Хуршид Бану», оперетта «Аршин мал алан» известна во всем Кавказе, Персии и, отчасти, Турции. «Аршин мал алан» ставилась авторами на сценах Константинополя и переведена на армянский, грузинский и русский языки, неоднократно повторялась в театральных сезонах.

Вслед за театральной литературой появились газеты. В 1875 г. покойным Мелик Заде Гасан Зардаби⁴⁶ была основана газета «Экинчи», после этого вышли газеты «Зия Кавказ» и «Кешкул», основанные братьями Унси Заде⁴⁷. Первая закрыта правительством за некоторые статьи во время русско-турецкой войны в 1877 г. Вторые же после выхода нескольких номеров закрылись сами по себе (1880-1891).

До 1905 г. азербайджанская литература и печать не могли систематически расти, развиваться и совершенствоваться. Только газета «Шарки Рус», издаваемая в 1903 и 1904 гг. в г. Тифлисе положила конец долголетнему периоду затишья. Газета эта, основанная Мамед Ага Шахтагинским⁴⁸, через год была переведена в Баку, где и закрылась. 1905 год, ознаменовавшийся малой Российской революцией, явился для российских тюрков началом периода национального процветания. Революция эта, закончившаяся незначительными уступками в отношении свободы для общественных организаций и печати, была использована всеми российскими тюрками, в том числе и азербайджанскими тюрками, среди которых началось сильное национальное движение. Это движение было направлено, с одной стороны, в сторону создания национальной прессы, с другой - за передачу в руки выборных народом лиц управления национальными школами и духовными делами.

Баку был центром этого национального движения. В 1914 г., в начале всемирной войны, в Баку на тюркском языке выходили две ежедневные газеты «Икбал» и «Садай Хак». С целью защиты прав мусульман выходила также газета «Каспий» на русском языке. Кроме того, существовало еще несколько тюркских типографий. Эти газеты продолжали национальную борьбу, начатую газетами «Хаят» и «Иршад», основанными уважаемыми Ага оглу Ахмед беком⁴⁹ и Гусейн Заде Али беком. Основанная во время войны газета «Ачыг Сёз»^{*} продолжала эту борьбу. «Ачыг Сёз» впервые настойчиво и в открытой форме поставила вопрос о том, что народ, которому дали название кавказских мусульман или татар, является тюркским народом, и в этом направлении вынуждена была вести упорную борьбу с военной цензурой.

Кроме ежедневной прессы, издавалось еще несколько еженедельных политических и сатирических журналов: среди них журнал «Молла Насреддин» является шедевром азербайджанской сатиры. Из литературных журналов самым ценным был «Фиюзат», выходивший под редакцией уважаемого Гусейн Заде Али бека. Журнал «Фиюзат» стал одним из важнейших факторов, подтолкнувших азербайджанскую литературу на подражание турецкой литературе, Баку служил центром как национальной печати, так и тем общественным объединениям, какие только можно было создать в условиях того времени в форме благотворительных обществ. Помощь, оказанная Бакинским мусульманским благотворительным обществом во время мировой войны беженцам из эльвиэ-и-силасэ⁵⁰, взбудоражила всех российских мусульман. Поддержка, оказанная названным обществом турецким военнопленным, достойна отдельного внимания и должна быть отмечена особо.

Этому благотворительному обществу принадлежало здание, выстроенное одним из бакинских купцов, покойным Мусой Нагиевым⁵¹. Это здание, сожженное в 1918 г. большевиками и армянами, быть может, занимало по величине первое место в мусульманском мире среди зданий, построенных для подобной цели. Рядом с ним было расположено другое здание, привлекающее внимание своим восточным стилем. В нем помещалась мусульманская женская семинария, заведение, впервые основанное для азербайджанских тюрков филантропом Гаджи Зейнал Абдин

^{*} Основателем газеты «Ачыг Сёз» является автор этой книги.

Эфенди⁵². Среди построек в национальном духе выделяется также и величественное здание общества «Саадат», предназначенное для школы.

Кроме названных организаций, в Баку были основаны «Ниджат», «Нешри-Маариф» и «Сафа», преследующие просветительские цели.

Вторым по значению в национальной жизни Азербайджана является город Гянджа. Открытое в одно время здесь «Духовное медресе» («Медресе-и рухание») было крупнейшим центром, где укреплялись патриотические чувства. Отсюда вышли многие азербайджанские учителя, журналисты и поэты.

Царизм, понявший значение этой школы, для предотвращения «опасности» поспешил закрыть ее. Подобная участь постигла и бакинские школы: семинарию «Нешри-Маариф» и училище общества «Саадат».

* * *

Изложенная нами схема литературного пробуждения была связана с экономическим и общественным развитием. Азербайджанские ханства, переходя под владычество России, экономически еще не были развиты. Каждое ханство являло собой обособленный производственный район, как говорится, варившийся в собственном соку. Отношения одного района с другим были весьма ограничены. Каждое ханство, по сути, жило средневековой феодальной жизнью. Города были в виде маленьких местечек с кустарной промышленностью, а торговля представляла собой простой товарообмен.

Естественно, общественная жизнь и политическое сознание того времени были связаны с этими материальными условиями. Литература была достоянием ханских кругов и находилась в положении маленькой дворцовой литературы - являлась не чем иным, как отражением в ограниченном масштабе эстетических вкусов и скрытого противостояния на данной местности. Отношения между теми или другими литературными кругами развивались обычно между тем или другим городом. Они не могли быть тесными и искренними. Случалось, они приобретали даже враждебный характер. Враждебные отношения между литературными обществами являются реальностью даже нашего века. Но эта враждебность определяется не по признаку места, а по признаку слоя, класса или группы.

Пришедшая на Кавказ Россия была Россией, ставшей сильной после реформ Петра Великого. Эта страна, проводя современные порядки, вступила на путь развития. Как всякое большое государство нашего времени, оно преследовало идеал империализма. Двигаясь в этом направлении, Россия

расширялась к югу и на своем пути встречала мусульманские государства. Особенно важен был для нее Кавказ. Отсюда и планы необходимости проведения на Кавказе дорог, разработки источников богатств и создания судоходства на Каспийском море. Осуществление этих планов в конце концов завершилось постройкой железной дороги, связывающей Баку с Батумом и с крупными центрами России. В результате изменилась географическая карта Кавказа. На месте постоянно враждовавших и конкурирующих между собой слабых ханств было образовано подчиненное единой власти единое экономическое целое. Политика русских в этом отношении заключалась в том, чтобы большую долю прибыли от всего этого переправлять в Россию, а оставшееся передать в монополию местных властей. Поэтому азербайджанская часть Кавказа волей неволей получала свою выгоду: азербайджанские города расширились, увеличились обмен и отношения между ними. Их особенности времен ханств были уничтожены. Получили развитие торговля и экономика страны. Она вступила на путь эволюции. Эволюция эта подняла производительность и вызвала разделение труда. В результате этого возникли новые общественные слои.

Россия в полном смысле слова не являлась ни Европой, ни Востоком. После реформ Петра Великого русское государство странным образом смешало остатки феодализма с буржуазными основами. Поэтому оно, по сравнению с другими европейскими государствами, очень медленно прогрессировало. Русский капитализм стал быстро развиваться в последней четверти прошлого столетия, в результате чего возникла демократия, с которой нужно было считаться. Баку играл очень важную роль в развитии русского капитализма. Благодаря нефти, Баку стал двигателем значительной части русской промышленности и всех железных дорог, сделался центром торговли. В этом плане, помимо нефти, он обязан и своему географическому положению: Баку - единственный порт, обеспечивающий торговлю России с Персией, Персии с Туркестаном и России с Кавказом. С возникновением демократии, роль которой в нынешнем обществе весьма велика, значение Баку еще более возросло. Вместе с другими элементами здесь родились тюркские общественные классы, зародилась тюркская демократия.

Да, ханства были ликвидированы, но на их месте возник единый тюркизм. С исчезновением ханств, представляющих собою пример разъединения, местечки, одно за другим, превратились в города, и родилась демократия, являющаяся фактором национального единства. В среде этой демократии вырастали вооруженные современной наукой интеллигенция, промышленники, купцы и рабочие. Поначалу эти классы не особо противились русскому владычеству и русской культуре. Наоборот,

отличительной чертой передовых элементов этих классов было подражание России. Поэтому их называли «рус-мааб» (т.е. русофилами). Против русофилов же стояли «Иран-мааб» (т.е. персофилы). Эти являлись идеологами старых общественных слоев, которые не желали под влиянием русского владычества сдавать свои позиции новым силам. Первые представляли либеральную часть общества, а вторые - консервативную.

Борьба между либералами и консерваторами продолжалась годами. Учитель и мирза продолжали оставаться врагами, и консерваторы предавали анафеме либералов. В конце концов, это положение изменилось. По логике развития общественных законов либералы должны были восстать против русизма, державшего страну под экономическим и правовым гнетом. Правда, города увеличивались, в них росла демократия, но только при этом они подвергались обрусению. В отношении местных жителей проводилась колониальная политика, не дававшая развиваться местному производителю. Против этого должна была вести борьбу тюркская интеллигенция, тюркское купечество и вообще - тюркские производители. Но они не могли вести борьбу одни, необходимо было привлечь народные массы. Значит, нужно было обратиться к этим массам и повлиять на них. В момент, когда выявилась такая необходимость, началось хождение в народ представителей интеллигенции. Сочувствие и поддержка, оказанные частью купечества, укрепили эту инициативу интеллигенции. И здесь сыграла огромную роль периодическая печать.

С основанием печати на Кавказе возникла политическая, общественная и национальная мысль. Начало вырабатываться общественное мнение. Подверглись обсуждению некоторые вопросы, имеющие очень серьезное значение для национальной жизни. Известно, какую важную роль в наши дни играют газеты в пределах национальных образований. Такую роль они сыграли и для тюркизма в России. Они пробуждали в народе национальное чувство, а также освещали вопросы национальной цели. Если проанализировать те вопросы, которые выдвигались печатью, все это можно свести к нижеследующему:

1. Вопрос о новом методе. Обучение тюркскому языку в школах должно вестись по звуковому методу, с включением в программу медресе современных наук.

2. Открытие национальных школ. Преподавание в ныне существующих мечетских (приходских) школах тюркского языка вместо персидского. Открытие новых школ современного типа.

3. Требование преподавания тюркского языка в правительственных школах.

4. Передача в ведение духовных должностных лиц, избранных мусульманским населением, всех духовных управлений и управления по делам вакуфного имущества мусульман⁵³.

5. Организация мусульманами по примеру других национальностей «нешри-муариф», просветительских и благотворительных обществ.

6. Кампания против ограничений, существующих по отношению к мусульманам в избирательных законах по выборам в городское самоуправление и в городскую думу.

7. Распространение на мусульман всех гражданских и имущественных прав и уравнивание их в политических и гражданских правах со всеми остальными гражданами.

Печать, увеличившаяся после революции 1905 г., выдвигая подобного рода требования и преследуя такие цели, породила сильное общественное течение. Эти требования не оставались только на страницах газет, а были частью проведены в жизнь, а частью послужили материалами для петиций, подаваемых правительству, и для постановлений, выносимых на собраниях. Для популяризации этих идей были организованы как легальные, так и нелегальные комитеты, общества и партии. Главной целью этих политических организаций, часть из коих была сильной, а часть - слабой, было свержение царского строя. Большинство из этих обществ продолжительное время находилось в связи и даже в союзе с партиями, которые боролись против царизма.

Революция 1905 г. не получила того развития, какого желали революционеры, и закончилась победой реакции, в результате чего революционное движение несколько замедлилось. Последовали преследования, и мусульманские общества, находившиеся в зародышевом состоянии, так же, как и другие русские политические партии, распались. В русском обществе появилось шовинистическое политическое течение. Во время Балканской войны это течение еще больше увеличилось. Русский шовинизм был направлен против тюркского мира. Один из известных русских писателей в статье, написанной по случаю отправки на Балканы отрядов Красного Креста, писал: «Как славянин, как христианин он не должен оказывать помощь туркам». Подобный шовинизм в то же время вскармливал национальное движение других народов. В особенности взращивал тюркский национализм. В Киеве выявили собрание студентов-азербайджанцев, обучавшихся в русских университетах, и его участники были арестованы. Пропаганда в пользу Красного Креста, которая велась в то время, была самым подходящим средством для популяризации

национальных чувств. Из бакинских женщин были такие, которые отдавали свои серьги. Молодые учителя, студенты бросали свои занятия и шли волонтерами в турецкую армию. В это время организовалось тайное, нелегальное политическое общество, составленное в большинстве своем из молодежи, получившей опыт в революционных организациях 1905 г. Это общество добивалось того, чтобы проживающие в России турки были приравнены к русским во всех отношениях, и в то же время своим идеалом оно сделало свободу тюркского и мусульманского мира. Идеологией этого общества было полное равенство в правах между всеми народами, поэтому оно получило название «Мусават».

Для того чтобы показать, какой дух чувствовался в этом обществе, приведем выдержку из прокламации, помещенной в свое время в газете «Себиль-Эль-Решад»⁵⁴: «...Знайте и помните, что единственным средством спасения для нас является независимость Турции и ее прогресс. Если мы и теперь не оставим свою бесчувственность, то, без всякого сомнения, мы на глазах всего мира потеряем свое человеческое право и национальность и станем у врага в обычном положении поденщика, подчиненного и пленного народа...

Весь мир знает, что война, начатая против Турции, являющейся держательницей мусульманского Халифата, не есть дело маленьких и мелких балканских государств. Ибо, как бы ни был слаб лев, к нему не осмелятся близко подойти шакалы и лисицы. Эти дела творит враг человечества и мусульманства - северный медведь, получивший прозвище "мирового жандарма" - деспотическое правительство... Воистину Бог взял у правоверных их жизнь, имущество и обещал им рай с тем, чтобы они воевали во имя Бога, убивали других и умирали бы сами. Это есть истинное обещание, данное им в Библии, Евангелии и Коране. Никто как Бог не сможет сдержать свое обещание. Да послужит для вас радостной вестью тот торг, который вы совершаете. Это есть великий торг спасения».

Ш

МИРОВАЯ ВОЙНА И ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Борьба за народовластие в результате малой Российской революции 1905 г. принесла плоды в виде незначительных уступок, касающихся права открытия национальной школы, создания национальной печати, национальных организаций и т.п.

Количественно эти плоды были весьма незначительны, а по качеству своему - новы. Используя эти уступки, кавказский тюркизм поэтому накануне войны и в момент, когда вспыхнула великая революция, был не совсем подготовлен. Хотя его организация и не соответствовала величине и сложности национальной цели и задачи, но вместе с тем он и не представлял собой беспорядочную массу с неопределившейся национальной целью и лишенную политического сознания. Он представлял собою существо, обладающее средствами к выявлению своей жизни, способное дать почувствовать, что он живет и хочет жить.

Небольшой десятилетний период сделал азербайджанский тюркизм обладателем нескольких печатных органов, различных организаций, политических кружков, тайных обществ интеллигенции, могущей разобратся во времени и пространстве, превратил его в сознательное общество.

Это общество страстно следило за переоценкой понятий и ценностей, произведенной мировой войной, вспыхнувшей в 1914 г. Оно с напряжением прислушивалось к крику «право наций свято», поднявшемуся с грохотом пушек. Этот лозунг оно слышало часто из уст государственных деятелей воюющих великих держав. И если оно не верило в искренность тех, кто его провозглашал, то верило в то, что эта великая истина так или иначе должна победить.

Во время мировой войны, еще до того, как началась российская революция, когда беспощадная военная цензура немилосердно вычеркивала все, что писалось, в особенности враждебно относясь к слову «тюрк» и к тюркской идее, газета «Ачыг Сёз», выражая веру в вышеизложенное⁵⁵, писала нижеследующее: «Всякая победившая сторона, решившая добиться некоторой продолжительной передышки, не должна оставить национальную мысль, которая в настоящее время больше всего оказывает действие на совесть нынешнего века. Что это так - подтверждают европейские мыслители, которые высказываются иногда о будущем мире. По мнению политиков, сторонников мира, при заключении мира, если не будет обращено должное внимание на права национальностей и на права народов, то мирный договор не сможет продержаться, разорвется и не обеспечит продолжительного спокойствия.

Покуда останутся народы с растоптанными естественными правами, равновесие государств в Европе будет лишено возможности видеть лицо действительного и продолжительного мира, государство, делящее своих граждан на сынков и пасынков, не может опираться на реальную силу, не сможет приобрести прогрессивную и крепкую организацию.

Таким образом, народы, обладающие определенной идеологией, идеалом, получившим оформление со стороны большинства его членов, могут приобрести значение во взаимоотношениях между государствами, а также оказать влияние на внутреннюю политику этих государств. Так что каждый народ для того, чтобы жить как нация, прежде всего, должен осознать себя, объединившись вокруг определенной мысли и идеи, стать обладателем великого идеала и светлой звезды - цели сокровенной мысли. Так как жизнь, которая будет построена на новых основах, не будет считаться с народами, не обладающими единым духом и коллективным идеалом, то люди, лишенные этого оружия, не смогут заставить кого-либо выслушать себя».

Такова была надежда, рожденная великой войной в кавказском тюркизме. Надежда, основанная на грядущей победе национального принципа.

* * *

Невиданное поражение Российской империи на карпатских рубежах, в долинах Польши и на берегах Балтийского моря в 1917 г. разорвало одно из важных звеньев огненной цепи войны, объявшей мир.

С этим звеном был также низвергнут и царизм, губивший Россию в когтях деспотизма. Великая война родила великую революцию.

Великая революция эта, родившаяся в самой большой империи в мире, управлявшей, в свою очередь, 180-миллионной огромной массой, состряпанной из различных народов, должна была решить два важных вопроса. Иначе своим духом, своей природой создала бы противоречия и погубила бы вместе с собой и Россию.

Революция 1917 г. должна была дать угнетенным классам свободу, а угнетенным народам - автономию.

Первые дни революции проходили в ожиданиях Учредительного собрания. Учредительное собрание должно было собраться, чтобы дать крестьянам землю, а народам обеспечить автономию. Вот каково было всеобщее чаяние.

Кто и что ожидал от Учредительного собрания? Собрания, съезды, постановления и меморандумы определили бы все это...

Российские тюрки, в том числе и Кавказ, не могли не придавать этому значения. В Баку 15 апреля впервые созывается под названием «курултай» съезд кавказских мусульман. Курултай, прежде всего, более горячо, чем другие вопросы, обсуждает вопрос, какую форму правления должна принять

свободная Россия, и после его обсуждения выносится нижеследующее постановление:

«А - Кавказский мусульманский съезд, обсудив вопрос, касающийся национальной политической цели, постановляет, что формой правления, более всего обеспечивающей интересы мусульманских народов, является демократическая республика, построенная на территориально-федеративных началах.

Б - Принимая во внимание духовную и культурную связь между народами, исповедующими ислам, съезд кавказских мусульман считает необходимым организацию управления, обладающего полномочием выработки законов для всех российских мусульман».

Это постановление было принято в форме компромисса, единодушно, в результате прений, продолжавшихся несколько дней. Прения велись тюркистами, с одной стороны, и исламистами вместе с социалистами - с другой, защитниками принципа федерации были тюркисты, требовавшие специально для Азербайджана территориальную автономию. Оппоненты довольствовались народной республикой, а разрешение национального вопроса представляли не в форме территориальной автономии, а в форме автономии - культурной.

В мае в России состоялся съезд всех российских мусульман. На большом съезде участвовали 1000 делегатов от всех тюркских народов в России, после горячих споров и прений пришли к заключению - требовать установления народной республики на основе национально-территориальной автономии⁵⁶. Это требование полностью показало, какую политическую цель преследовали российские мусульмане в великой революции.

Наконец, при выборах в Учредительное собрание список* партии «Мусават» и национальных комитетов, получивший подавляющее большинство среди закавказских мусульман, выставил своим лозунгом «федеративное устройство России и автономия Азербайджана».

На первом съезде партии тюркских децентралистов⁵⁷ «Мусават», состоявшемся в те месяцы, при большом сочувствии со стороны бакинского населения, в развитии преследуемой российским тюркизмом цели в отношении формы государственного управления в России, потребовать предоставления территориальной автономии таким чисто тюркским странам, как Азербайджан, Туркестан, Киргизстан и Башкирстан, а для поволжских и крымских татар, а также других тюркских народов, живущих в России, в

* Выборы производились по пропорциональной системе и избирательным спискам.

случае невозможности предоставления территориальной автономии, требовать национальную автономию.

А вот надежду, которую возлагала газета «Ачыг Сёз» в 1915 г. на лозунг победы национального господства, ожидаемой ею от мировой войны, в 1917 г. партия «Мусават», вышедшая из подполья в связи с революцией, поставила в определенной форме так, как было изложено выше.

Таким образом, азербайджанский тюрк ждал от мировой войны и российской революции результата, долженствующего обеспечить свободу и власть его народа.

* * *

Революция разразилась вследствие возмущения двух важных сил, давивших изнутри на императорскую власть. Требовали своих прав, с одной стороны, обездоленные классы, а с другой - угнетенные народы. Крестьяне требовали земли, рабочие - работы, а невеликорусские народы - автономного управления.

Революция вынуждена была отчитываться перед всеми. По, вместе с тем, она столкнулась лицом к лицу еще с одним вопросом, стоявшим выше других. Подлежал разрешению еще вопрос о войне. Временное правительство, унаследовавшее от царского правительства, а в особенности правительство Керенского, революцию сделало средством для того, чтобы довести начатую ранее войну «до победы». Был произведен опасный опыт. Революционная армия перешла в наступление против немцев.

Таким образом, революционное правительство, направившее всю свою энергию и смелость исключительно на победу до конца, вполне естественно, что отложило разрешение остальных основных вопросов. Общественное мнение требовало немедленного осуществления выставленных революцией лозунгов «Мир без аннексий и контрибуций», «Самоопределение народов», а также разрешение аграрного и рабочего вопросов, в то время как правительство все это откладывало до Учредительного собрания. Отсрочка эта укрепляла, с одной стороны, большевизм, с другой - национальные движения. Выступлению большевиков в особенности открыла путь поза угрозы, занятая Керенским по отношению к финляндскому сейму и Украинской Раде, а также оппозиция организации мусульманских национальных полков и неудачное наступление на немцев.

Петроград переживал важные дни. Губернии испытывали невообразимый кризис. С одной стороны, совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, с другой - основывались национальные советы.

Миллионная армия покидала фронт и, никого не спрашивая, в беспорядке отступала.

Наконец, наступил ноябрь. В то время, когда собиралось Учредительное собрание великой России, власть в центре перешла от Керенского к большевикам. Учредительное собрание было разогнано правительством Ленина на первом же его заседании.

Ввиду того, что большевики захватили власть насильственным путем, во всех концах России началась анархия. Армия со словами «Домой, домой» оставляла фронт. Вооруженные крестьяне, возвращающиеся по домам, начали грабить усадьбы и громить имения дворян. Вся Россия горела в ужасном огне анархии. Все великорусские губернии для того, чтобы предохранить себя от анархии, охватившей центр, пришли к заключению, что необходимо взять управление в свои руки. Украина, Польша и прибалтийские республики отделились от России. Опираясь на сплоченные национальные татарские и башкирские полки, в Казани, Уфе и Оренбурге создавались национальные организации.

Большевистское правительство, находившееся в Петрограде, безостановочно выпускало декреты. Этими декретами оно ускоряло начавшийся распад великой империи. Согласно этим декретам, крестьянину предоставлялось право насильственно конфисковать недвижимое имущество помещика и поступать с ним по своему усмотрению. При желании народы могли совершенно отделиться от России.

* * *

Каково было при этом положение Кавказа?

Поволжские тюрки ввиду того, что несли военную службу во время развала русской армии, организовали национальные полки, был создан Мусульманский военный шуро⁵⁸, и в то время как они, благодаря всему этому, в первые дни революции представляли внушительную силу, положение кавказских мусульман оказалось весьма трудным. Русская армия на Кавказском фронте разваливалась. С большой поспешностью начав отступление, армия вершила неслыханные оскорбления и насилие над встреченным мусульманским населением. В местечках, близких к турецкой границе, пущенные провокаторами зловерные слухи вызвали угрозу резни среди солдат, нарушивших дисциплину в отношении местных тюрков. Линчевание мусульман стало повседневным явлением. Эта ситуация приняла такие ужасные размеры, что находившийся в Петрограде татарский военный

совет вынужден был для защиты своих соплеменников послать на Кавказ специальную делегацию.

В Тифлисе под названием Кавказского комитета (ОЗАКОМ) функционировало учреждение, считавшееся представительством российского Временного правительства. Как в Петрограде место царя заняло Временное правительство, созданное из членов Государственной думы, так и здесь - место наместника занял комитет, созданный из членов Государственной думы. Впоследствии с переходом власти к Керенскому управление Закавказья также перешло к Закавказскому комиссариату, образованному при участии тюркских, грузинских и армянских политических организаций.

Когда началась большевистская революция, члены, избранные в Учредительное собрание, находились еще на Кавказе. В Тифлисе они устроили заседание и создали представительный орган под названием Закавказский сейм. Он состоял из тюркских, армянских и грузинских депутатов, а также там было небольшое количество русских. Закавказский сейм должен был определить особенности, касающиеся турецко-кавказского фронта, оставшиеся в наследство от России, а также взять на себя власть и управление Закавказским краем.

Однако положение в Баку на тот момент развивалось совсем в другом русле. Так как этот город являлся центром промышленности, там было много рабочих. Они составляли треть населения и были, в основном, из пришлых. Пришедшие из России были пропитаны большевистскими идеями, их дополняли возвращавшиеся с персидского фронта русские солдаты. Моряки военных и торговых судов бакинского порта, тоже, в основном, русские, представляли собой отдельный революционный элемент. Опираясь на эти силы, большевики организовали в Баку один сильный совет.

В то время как все местности Закавказья признали власть сейма, Бакинский совет ее не признал. Он признавал петроградское правительство. Одновременно с этим существовала вновь избранная городская дума. Дума была против совета, за сейм, и по этой причине город разделился на две части. Рабочая часть признавала советы, а остальные - думу. Опасавшиеся друг друга эти две силы, волей неволей, а должны были столкнуться. Но наступление этого момента ни та, ни другая сторона торопить не хотела. Каким-то образом все сводилось к соглашению.

Кроме сейма и совета, на Кавказе существовали еще национальные советы: армянский, грузинский, тюркский. Эти органы, хотя и не имели официального лица, но в общем политическом раскладе занимали весьма важную позицию, имели большое влияние. Центральный Комитет Закавказского мусульманского национального совета находился в Баку.

Развитие политических событий открыто показывало, что в будущем национальные советы примут форму национальных правительств. Как говорилось выше, русская армия разваливалась. Для замены ее Закавказским комиссариатом был отдан приказ об организации национальных полков - грузинского, армянского, а также мусульманского. Но ввиду того, что кавказские мусульмане были освобождены от несения военной службы, о чем говорилось ранее, реализация этого приказа встречала в их среде сильное неприятие.

И пока вопрос об организации мусульманских полков пребывал еще в стадии обсуждения, организация грузинских и армянских полков была совершенно закончена.

Пока большевики в центре находились в положении оппозиции, они на местах, казалось, поддерживали организации, распространяющие идеи национальной автономии. В том числе, бакинские большевики больше, чем другие русские партии, выказывали свое сочувствие мусульманскому национальному движению. Например, в то время, когда умеренные русские социалистические партии называли партию «Мусават» партией буржуазной и не принимали ее в совет, большевики предпочитали ее меньшевикам и эсерам*.

Как только петроградское правительство перешло к большевикам, Ленин выпустил обращение к мусульманам всего мира. В этом обращении он тоном пророка давал обещания свободы и независимости угнетенному Востоку. Это было в первые дни, когда большевики еще не упрочили свои позиции. По мере укрепления большевистского правительства выяснилось, в какой степени их слово не соответствует делу. Слова: «Азербайджанская автономия это не автономия демократии, а автономия ханов, беков и агаларов» - совершенно изменяли первоначальный тон. По мере укрепления позиции Ленина в центре его «апостолы» в губерниях начали проявлять свою физиономию как централисты и великодержавники. Резня в Туркестане, кро-

* Большевики придерживаются социал-демократической идеи, разница между ними и большевиками объясняется тем, что меньшевики считают, что еще не наступило время социалистической революции. Эсеры - продукт чисто русской социологической теории, эта партия сделала своим идеалом возможность совершить социалистическую революцию, опираясь на крестьянство; партия эта в настоящее время является противницей большевиков. Название «эсер» есть сокращенное произношение слов социалист-революционер.

вавые события в Ташкенте, крымская трагедия, кровавые события в Киеве, ужас в Казани - все это явилось результатом этого^{**}.

Азербайджанская автономия теперь уже была выставлена на арену в форме политической программы. Партия «Мусават» и Закавказский комитет следовали этой программе. Орган большевистской партии «Бакинский рабочий» в одной из полемик с нами писал, что азербайджанская автономия есть автономия тюркской буржуазии. На эту автономию не могут согласиться ни буржуазия, ни демократия русская. Мусаватисты, добивающиеся азербайджанской автономии, в результате получают развалины.

Удивительно то, что Шаумян⁵⁹ - закавказский представитель большевистского правительства, занимающий угрожающую позицию по отношению к идеологии «Мусават» - держал в кармане декрет, подписанный Лениным, об объявлении автономии Армении на территории Турции, оккупированной русскими войсками. По этому декрету Шаумян обязывался оказывать помощь армянским органам и организациям «для проведения в жизнь национальной идеи, которую создал в течение веков угнетенный армянский народ». Вероятно, под действием этого документа, находящегося у Шаумяна, партия «Дашнакцутюн», угрожавшая в городской думе пулеметами и бомбами большевикам, разогнавшим Учредительное собрание, теперь вошла в тесную связь и заключила военный союз с советом.

Руководимый Шаумяном Бакинский совет рабочих и солдат, обеспечив за собой помощь армянских полков и партии «Дашнакцутюн», повел свирепую тактику против мусульманских организаций. Мусульманский народ, видевший свободно прохаживавшихся перед ним солдат армянских полков и задержанных советской милицией офицеров, прибывших из Тифлиса для организации мусульманского полка, естественно, должен был возмущаться. Наконец, этот горячий материал, увеличивавшийся день за днем, воспламенился искрой, брошенной провокатором, и стал причиной событий 1918 г., продолжавшихся с 17 по 21 марта.

^{**} В 1917 г. большевики силой оружия подавили мятежи населения Коканда, Ташкента, Крыма и Украины, вступившего в борьбу за автономное самоуправление. Также были разогнаны находившиеся в Казани Мусульманский военный совет, Татарский национальный совет, под кровавым давлением большевиков пали республика Башкирстан и правительство Крымского курултая.

Во время этих событий большевики из Баку провели кровавые операции, подобно тому, что они творили во многих губерниях. Бакинский совет, от имени диктатуры пролетариата объявивший войну партии «Мусават» и мусульманскому Национальному совету, при участии армянских полков вырезал приблизительно 10 тысяч мусульман. Среди вырезанных, в большинстве из рабочего класса, были тысячи женщин, детей и не могущих владеть оружием стариков.

Баку был центром тюркского патриотизма. Большевистская партия, являвшаяся русской партией, хотела разгромить этот центр, и в этом направлении она нашла армян, традиционных союзников России против тюрков. И в самом деле - резня во время мартовских событий была абсолютно не похожа на классовую борьбу. Для всякого беспристрастного свидетеля все это было ничем иным, как беспощадной резней беззащитных мусульман. Пушки, пулеметы, залпы армянских солдат, аэропланы, стрельба с военных пароходов - все было направлено на мусульманские районы. На них сыпался огонь, низвергался ад.

Спрашивается: в чем же заключалась вина мусульманства, тюркских районов?

Официально эту вину возлагали на партию «Мусават» и на Национальный совет. Тогда как обе эти организации приняли ряд мер и попыток для предотвращения этой провокации, что документально доказано. Объявление войны одному народу было не к лицу большевикам, поэтому они «Мусават» сделали для себя предлогом, а комитет - объектом.

Но результаты?.. Было до десяти тысяч убитых мусульман, бедняков, рабочих... Минареты мечети Таза-Пир были перебиты снарядами, сожжены народный дом «Исмайилие», принадлежащий национальной организации, редакция органа тюркского общественного мнения газеты «Ачыг Сёз» и типография газеты «Каспий». Мусульманское население находилось в ужасном положении, многие интеллигенты были задержаны и заключены в тюрьму.

После этого трагического события Баку полностью перешел под власть совета и, отделившись от Закавказья, занял враждебную позицию по отношению к Тифлису.

С падением Баку распался также и мусульманский комитет, представлявший закавказских мусульман.

После этих событий взор всех закавказских мусульман обратился на заседавший в Тифлисе сейм.

Члены сейма, мусульмане, организовали специальную фракцию. Фракция эта, уполномоченная вначале заняться вопросами чисто

законодательного характера, была поставлена перед необходимостью взять на себя все вопросы, касающиеся мусульман. То, что мусульманские члены сейма находились от обслуживаемых районов на большом расстоянии, еще больше осложняло и без того трудное положение. Кроме того, произошло еще несколько трагических событий, сделавших ситуацию еще более опасной. Приходили одно другого кошмарнее известия об учинении кровавой резни над мусульманами со стороны армян в турецких местностях, оккупированных русскими войсками, а потом в Карской области и Эриванской губернии.

Для того чтобы дать некоторое представление, с одной стороны, о бакинских событиях, а с другой - о трагедии в Эривани и Карсе, приведем нижеследующие строки, извлеченные из протокола заседаний мусульманской фракции от 15 апреля:

«Прибывшие в Тифлис греки-колонисты дают такое описание положения мусульман в Карской губернии: Отступающие перед турецкой армией армянские воинские части и вооруженные армяне-беженцы, все предавая на пути огню и мечу, сносят с лица земли мусульманские селения, создают ужасы и бедствия, не поддающиеся описанию. Трофеями победоносной армянской армии являются пронзенные штыками дети и захваченные ими по дороге мусульманские женщины, раздетые догола. По словам греков, надо иметь сверхчеловеческую силу, чтобы видеть адские муки и слышать раздирающие сердце стоны женщин, детей и беспомощные крики стариков. В одном уезде подвергнуты этому неподдающемуся описанию бедствию 32 селения»*.

Разрушения, произведенные в результате ужасных зверств, совершенных в богатой Карской области капитаном Мовсесяном вместе с генералом Арешевым, заставляют забыть ужасы, совершенные в 1915 г. во время мировой войны русскими казаками.

Вести, полученные из Эриванской губернии, были не менее ужасны. По докладу председателя делегации, посланной сеймом для расследования эриванских событий и оказания помощи пострадавшим, Ибрагим Аги, сровнено с землей 211 мусульманских сел, а количество беженцев достигает 100 тысяч.

Событие это не является случайным, а делалось по определенному плану в целях обеспечения национального большинства независимой Армении.

* Выдержка из сборника «Независимость», напечатанного в Баку.

Таким образом, предотвращение развития событий для мусульманской фракции сейма, лишенной средств для осуществления необходимых мероприятий и не опирающейся на воинскую силу, находилось за пределами ее возможностей, попытки, предпринятые ею, естественно, не соответствовали масштабу событий и являлись временными мерами.

IV

ПОМОЩЬ БРАТСКОЙ ТУРЦИИ

Большевики решили задушить в крови, пролитой ими на улицах Баку, выступление азербайджанского тюркизма, пожелавшего использовать «право на самоопределение», объявленное великой российской революцией, и потушить зажженный в «Исмайилие» факел свободы под развалинами и пеплом этого великолепного здания.

В то время, как совершалось это историческое преступление, мусульманские депутаты, являющиеся носителями национальной мысли и идеала находились в Тифлисе, где заседал сейм, занятый, как говорилось выше, вопросами, касающимися унаследованного от царизма Кавказского фронта, а, с другой стороны, изучением вопросов об окончательном отделении от России и об объявлении независимости Закавказья.

Вся энергия мусульман в сейме была направлена как к мирному разрешению вопроса о фронте, так и незамедлительному осуществлению независимости Кавказа. Ибо они были уверены в том, что такого удобного момента для отделения от России и основания независимого Кавказа может не быть. Существование независимого Кавказа было в интересах не только кавказских мусульман, но и других мусульманских стран, находившихся под вечной угрозой России. Бакинская трагедия, собственно говоря, была наказанием, устроенным большевиками в отместку за «преступную политическую ориентацию мусульман».

Естественно, что Баку ждал от Тифлиса помощи. Помощь от сейма и закавказского правительства, организованного с участием мусульман, ждал не только Баку, но и весь Азербайджан. Но, увы... Громкий голос и вопли членов сейма - азербайджанцев - не подействовали в надлежащей степени на грузинских меньшевиков, действительных хозяев тифлисского правительства. Эти господа, со всей свирепостью уничтожавшие большевизм внутри Грузии, не пожелали даже сделать пустого объявления войны большевикам. Освободительной армии, организованной в Гяндже

мусульманским Национальным комитетом, хотя и были обещаны миллионы патронов, десятки пулеметов и несколько пушек, но эти обещания не были полностью выполнены. Тифлисская же пресса выразила протест против «башибузукской» помощи, идущей на новое взятие Баку, назвав это «реакционным событием». Наконец, заявления их о том, что «пока существует турецкая опасность, мы не можем быть во вражде с большевиками», дали удивительное разъяснение такому странному положению.

Есть ли необходимость после всего этого подробно описывать поведение армянской части сейма?..

Опасения мести мусульман и поддержка из Тифлиса придали смелости бакинским большевикам-бунтовщикам, до того занимавшим оборонительное положение, они теперь уже перешли в наступление. От агрессивной силы, возглавляемой армянскими фидаями (партизанами), Амазаспом, Аветисовым и русским артиллеристом Петровым, ведшей войну, в первую голову, пострадала Шемаха. Эта старинная столица ширванских шахов была предана огню, сожжена вплоть до знаменитой исторической мечети. Сохранился в целости только армянский квартал. В конце концов, после того, как оборонительные силы Гянджи в результате контрнаступления вошли в город и опять отступили, оставшийся нетронутым этот квартал также сгорел. Не сгорели лишь две церкви. Подобно Шемахе, нападению подверглись такие уединенные города и местечки, как Сальяны, Ленкорань, Куба, Наваи и Кюрдамир. Сожженные дома, акты насилия, вырезанные старухи и старики, разграбленное имущество, уведенный скот во время этих событий - все это стало настоящей трагедией, не поддающейся описанию.

Опасность стала уже угрожать и Гяндже. С другой стороны, карабахские армяне соединились с бакинскими большевиками и составили единый план. План предания всего Азербайджана огню и мечу.

Как писала газета Шаумяна: «Вы получите не автономию, а развалины».

Перед лицом подобной опасности народ могла защищать только Гянджа. А она не могла выполнить эту тяжелую обязанность, выпавшую на ее долю. По мере того, как продолжались дни защиты, нити управления выходили из рук, и даже в местах, не перешедших к большевикам, воцарялись безвластие и анархия.

В общественном мнении Азербайджана, признавшего власть Тифлиса, но встретившего от нее равнодушие, вполне естественно рождалась надежда. Для того чтобы вывести народ из сложившегося трудного положения, оставалось единственное средство - Турция.

Все надежды были направлены туда - «Этот братский народ придет и спасет нас от врага». Больше никакой надежды у народа не оставалось.

Однако этот вопрос был не так прост. Закавказье, отделенное от России и фактически управляемое самостоятельно, хотя и стремилось заключить мир с Турцией, но не могло добиться своей цели. Делегации в Трапезунде, требовавшей от имени закавказского правительства сохранения границы Кавказа на линии до войны 1914 г., Турция предложила полностью принять Брест-Литовский договор. По этому предложению закавказское правительство должно было отказаться от трех вилайетов: Карса, Ардагана и Батума, отнятых в свое время у турок взамен военной контрибуции. Эти вилайеты были переданы большевистским правительством по Брест-Литовскому договору Турции. Из-за этого осложнялись трапезундские переговоры. Армяне с грузинами говорили, что «без войны не сдадимся Турции». Положение мусульман, с одной стороны, оставшихся между большевиками, а с другой - между грузинами и армянами, было очень трудным. Поэтому трапезундская мирная делегация, осознавшая серьезность положения, единогласным решением армянских, грузинских и тюркских делегатов постановила принять турецкий ультиматум. Однако сейм большинством из грузинских меньшевиков и армянских дашнаков принял решение о войне. Конференция была прервана, началась война, делегация вернулась в Тифлис. Но пока делегация находилась в пути, война, собственно, и закончилась. Батум пал, а Каре был осажден.

Больше медлить было нельзя, нужно было приостановить войну, заключить мир и официально объявить независимость Закавказья; «мы отделимся и подумаем о том, как нам самим справиться», говорили члены сейма - мусульмане, обращаясь к этому, как к последнему средству.

Грузины, понявшие, что они вовлеклись в ложную авантюру и что народы Закавказья совершенно не были готовы к такой войне, также согласились с тем, что больше ничего нельзя сделать. Правительство воинствующего (Гегечкори⁶⁰) пало, его место занял кабинет миролюбивого (Чхенкели⁶¹).

В Батуме начались новые переговоры. Чхенкели надеялся, что трапезундские требования турок не будут увеличены, но в реальности все оказалось не так, как он представлял. Константинопольское правительство требовало еще некоторых территорий в виде возмещения за пролитую турецкую кровь в Батуме и Карее. К этим территориям относились Ахалцкский уезд, а также - Ахалкалакский, Александропольский, Сурмалинский и Нахичеванский уезды.

В то время как турецко-закавказская делегация занималась в Батуме переговорами, Нури паша⁶² и вместе с ним несколько офицеров его свиты через Персию и Карабах прибыли в Гянджу. Охваченная страшной анархией, Гянджа находилась под угрозой большевистского наступления и Нури пашу приняли здесь, как сошедшего с неба ангела-спасителя. Подобных встреч, какая была устроена ему народом, Гянджа не знала в своей истории. Переговоры в Батуме проходили трудно, затягивались. Грузины уже считали для себя невыгодным оставаться частицей закавказского правительства и втихомолку сговаривались с Германией. Разногласия между Турцией и ее союзницей Германией давали повод грузинам понять, что подобные действия для них полезны. В конце концов, факт свершился: 26 мая Грузия объявила о своем отделении от Закавказья и о самостоятельном формировании ею независимой республики. И, вследствие выхода Грузии из Закавказской Федерации, единое правительство распалось. Тогда мусульманские члены сейма также объявили себя Азербайджанским национальным советом. Через два дня после этого, 28 мая, Национальный совет провозгласил независимость Азербайджана, а 30 мая* извещил об этом все державы.

Одновременно с объявлением независимости Национальный совет Азербайджана также образовал правительство. Его первым председателем стал, впоследствии убитый в Тифлисе врагами азербайджанского национального движения, Фатали Хан⁶³.

С роспуском Закавказского комитета, естественно, распалась также и делегация в Батуме. Делегации Азербайджана, Армении и Грузии продолжали мирные переговоры по отдельности.

4 июня в Батуме от имени империи - министром юстиции, первым делегатом Халил беем⁶⁴ вместе с командующим восточными армиями и вторым делегатом, Вехиб пашой⁶⁵, а от имени Азербайджана - председателем Национального совета Мамед Эмином Расулзаде, министром иностранных дел Мамед Гасан беем⁶⁶ был подписан дружественный договор. Согласно 4 пункту этого договора Азербайджан для установления спокойствия и порядка в стране имел право требовать военную поддержку.

Азербайджанские представители во время встреч с турками в Батуме и Трапезунде дали им понять в письменной и в устной форме, в каком трудном положении находится Азербайджан, и, для того чтобы выйти из этого опасного положения, он нуждается в помощи турков. На этот раз, опираясь

* См. брошюру «Образование Азербайджана».

на 4 пункт вышеизложенного договора, от имени Национального совета - мы, а от имени Министерства иностранных дел - Мамед Гасан бей обратились к турецкому правительству с просьбой о военной поддержке. На обращение наше, являвшееся отражением надежд, и на которое были устремлены взоры всего азербайджанского народа, турки дали соответствующий ответ. Однако помощь, которая должна была прийти через Грузию, вследствие препятствий, оказанных германским правительством, не могла поспеть с той быстротой, с какой ожидалась.

Национальный совет, объявивший независимость, в таких чрезвычайных условиях перебрался в Гянджу.

На своем историческом заседании от 18 июня Национальный совет образовал второй кабинет Фатали Хана Хойского и передал ему всю полноту власти. А далее, ввиду чрезвычайного положения, самораспустился. По данному поводу Национальным советом было принято следующее постановление:

«Принимая во внимание тяжелое положение Азербайджана во внутренней и внешней жизни, Азербайджанский национальный совет передает всю полноту власти и права кабинету, образованному под председательством Фатали Хана Хойского и обязует названный кабинет никому не уступать свою власть до скорейшего созыва народного представительства - Учредительного собрания».

Роспуск Азербайджанского национального совета был осуществлен в такой форме в результате некоторой политической борьбы, имевшей место в Гяндже. Эта борьба велась вокруг формы государственного управления между демократическим течением и аристократическими понятиями. В стране, которая была окружена со всех сторон вражескими силами, необходимо было отложить подобную борьбу на некоторое время. Необходимость эта обеспечивалась созданием правительства с широкими полномочиями.

Для того чтобы показать, какие чувства переживал Национальный совет во время этого события, являвшегося одним из важнейших в истории Азербайджана, приведем часть заключительной речи, произнесенной нами в качестве председателя:

«...Да, эфендияр, уход со сцены учреждения, являющегося, хотя бы отчасти, народным представительством во временной столице Азербайджана, г. Гяндже, без сомнения, должен считаться отступлением демократии и успехом реакционных сил. Это отступление усилит черные, грязные силы в ущерб силе святой и чистой. С этой точки зрения наше положение, на первый взгляд, очень похоже на положение Украины. Это положение рождает у нас

мысль о крахе принципов русской революции. Но, эфендияр, не обманем себя внешним видом, не станем думать столь поверхностно, не будем отчаиваться. Пусть говорят, что хотят, русская революция не потерпела краха. Что должна была совершить российская революция? На этот вопрос не надо отвечать с точки зрения русских революционеров, отравленных мыслью о "великой России", следует анализировать природу самой революции. Если будем смотреть так, то скажем, что русская революция должна была освободить униженные и обездоленные классы и поработанные народы. Мы должны признать, что обездоленные классы получили больше, чем хотели, а народы получают независимость один за другим. Да, разрушается великая Россия, охватывавшая шестую часть суши. Но разве революция обязана была воссоздать великую Россию? Категорически нет. Крайние классовые свободы, конечно, должны урегуливаться и получить нормальный вид, так как настоящий вид этой революции не свобода, а бедствие. Но, я уверен в том, что реакция по этому пути протечет не по ту сторону, а по эту от границ дореволюционных.

Значит, во всяком случае, положение будет лучше прежнего.

Эфендияр, я так смотрю на события, происходящие на территории России. А потому до сих пор живу надеждами. Я знаю, эфендияр, что Азербайджан полностью будет пользоваться положительными теориями и свободами Российской революции, и не сомневаюсь, что в независимом Азербайджане общественные и личные свободы, во всяком случае, будут шире, чем в деспотической России. Даже, эфендияр, настаиваю, что Азербайджан счастливее Грузии, считавшейся самой свободолубивой и революционной республикой на Кавказе, так как силы, от которых ожидается вмешательство во внутренние наши дела, нам не чужие, а родственные (аплудисменты).

Будущее должно объединить различные ветви этой мощной и великой нации (аплудисменты). Если мы потеряем часть наших общественных и личных свобод, то, во всяком случае, выиграем в политическом отношении и этим возместим нашу потерю. Грузия, Украина и проч. не в таком положении...

Да, эфендияр, не надо отчаиваться. Не забудем, что исторический момент благоприятствует нашим национальным вожелениям, и настал удобный момент для объединения тюрков. Приложим все старания к упрочению политической свободы, а для этого будем готовы на любую самоотверженность».

Согласно выше цитированному постановлению, правительство, которому Национальный совет поручил управление страной, должно было незамедлительно освободить Баку.

В короткое время с помощью армии, находившейся в распоряжении Нури паши, были восстановлены порядок и спокойствие во всем Азербайджане, исключая Бакинскую губернию. Только Баку и его районы оставались в руках большевиков. Временами они делали вылазки и осуществляли нападения. Они воспользовались передышкой и в течение 5-6 месяцев подготовили весьма внушительную оборонительную силу.

Однако большевистские и дашнакские отряды, сжатые извне турецкими и азербайджанскими национальными силами, были внутренне расшатаны и между ними начинались разногласия. В результате в осажденном Баку против большевистской диктатуры вспыхивает революция, и власть переходит к директории, состоящей из армян и русских, опирающихся на армянские полки и на моряков бакинского порта. Директория приглашает в Баку англичан. Приняв это приглашение, английское командование, находящееся на тот момент в Персии, высаживает в Баку войска.

Когда ситуация принимает такую форму, возникает необходимость переброски новых сил из Турции. Но немцы, как было изложено выше, задерживают турецкие войска, направлявшиеся в Баку через Грузию. Поэтому взятие Баку затянулось до 15 сентября.

Наконец, после кровопролитной битвы и упорного сопротивления азербайджанские национальные силы в результате самоотверженности, проявленной героем «Мехмеджиком»⁶⁷, жертвующим собою ради освобождения братьев, о чем в истории тюркского единения будет написано золотыми буквами, входят в свою столицу. И воссияли лица мусульманского населения, истекавшего кровью в течение шести месяцев.

В день такого радостного праздника, как Курбан-байрам, Баку снова переходит в руки его хозяев.

В то время мы были в Константинополе, состояли председателем делегации, представлявшей Азербайджанскую республику и явившейся вместе с делегациями других кавказских республик на созываемую конференцию с участием государств срединной Европы.

Тогдашний военный министр и помощник главнокомандующего Энвер паша⁶⁸ позвонил по телефону: «Эмин бей, Баку взят».

Невозможно описать, какое впечатление произвела на меня эта краткая весть. И до сих пор я не могу забыть того впечатления.

За несколько дней до этого мы опротестовали одно решение германского правительства. Германское правительство в добавление к Брест-Литовскому договору заключило договор, по которому Германия выражала согласие оставить русским Бакинскую губернию до реки Куры, чтобы взамен этого обеспечить себе нефтяную концессию. По выражению нашего учителя Ахмед бея Агаева, они продали нас «за один бидон керосина».

Обратившись к нам по поводу этого газетчикам мы заявляли, что «Азербайджан без Баку - это тело без головы».

В какой степени жизнь сладка для человека, голова которого была бы освобождена из-под машины знаменитого Гильотена⁶⁹, в такой же степени стало событием-чудом освобождение Баку. И в действительности было так. «Мехмеджики», могилы которых потом, в результате несчастной революции, были преданы забвению, своим свидетельством под Баку придали тюркизму новое политическое измерение.

Фактически забытые, но духовно не похороненные в сердцах, эти павшие герои в Баку ли только находятся? Найдется ли такое место, начиная от Нахичевани, Карабаха, Шемахи, Гянджи и кончая Баку, где бы ни спали вечным сном эти доблестные самоотверженные герои?..

Да, повсюду в Азербайджане, где найдете могилу, укрытую вьющимися растениями, «как это описано поэтами», и могилу, почитаемую как святыня «девушками и невестами», это будет могила «турка», пришедшего на помощь своему брату.

V

РЕЗУЛЬТАТЫ МУДРОССКОГО ПЕРЕМИРИЯ НА КАВКАЗЕ

История имела еще и другие капризы.

Турцию принудили подписать Мудросское перемирие. Мы тоже возвращались обратно, не увидев конференции, которую ожидали. «Юрюк Вапор»⁷⁰, несмотря на сильный ветер, дувший с севера, выходит из проливов и везет нас по направлению к Батуму.

В последних числах октября мы были в Баку. На лицах, еще радостных, заметна была глубокая печаль. Уход турецких и прибытие английских войск беспокоили всех.

Что же будет? С англичанами вернутся также русские войска и армянские отряды, кто знает, как они будут мстить населению?

Нури паша на основании Мудросского перемирия требовал от командующего союзными войсками, находящегося в Энзели генерала

Томсона недельного срока для эвакуации Баку и месячного для всего Кавказа. Хотя Нури паша попытался остаться в Баку, мотивируя это своим переходом на азербайджанскую военную службу, его попытка осталась безрезультатной. Ультиматум Томсона был категоричен, никаких отступлений и толкований не допускал. Была получена телеграмма Тевфик паши⁷¹, являвшегося в то время председателем правительства. В этой телеграмме сообщалось, что, согласно особому пункту мирного договора, необходимо эвакуировать оттоманские войска из Азербайджана. Офицерство, не желавшее поставить родину-мать в затруднительное положение, предпочло подчиниться приказу, полученному из Константинополя.

После взятия Баку вновь был собран Национальный совет. 16 ноября им был издан новый закон, по которому предоставлялись права национальным меньшинствам, не имевшим своих представителей в Национальном совете, а также предписывалось некоторым частям страны послать своих депутатов. По этому закону должен был собраться меджлис в составе 120 депутатов и образовать коалиционное правительство, соответствовавшее создававшемуся положению.

Тяжелый день, который никогда не забудется. Было 17 ноября. Флотилия с поднятыми английскими и русскими царскими флагами подходила к бакинскому порту. Какова будет позиция этой силы, отступившей недавно из Баку и сосредоточившейся в Энзели, в отношении азербайджанского правительства, восседавшего в Баку? Было неизвестно.

Турецкая армия ушла, нет и азербайджанских частей, потому что прибывшее командование не признавало войск, называвшихся азербайджанскими частями. Собственно говоря, азербайджанские войска и не представляли собой организованной силы. Из письма Нури паши, написанного мне в бытность мою председателем Национального совета, явствует, что азербайджанские соединения были численностью в 1500 человек, они не были сосредоточены в одном месте, а располагались в различных пунктах страны. Сила, поддерживавшая в то время азербайджанское правительство в Баку, это полиция численностью в 500 человек. Но если бы даже предположить, что военная сила имела, для Азербайджана было бы немислимо открывать военные действия против той силы, перед которой капитулировали Германия и Турция. Вот почему все вопросы должны были решаться дипломатическим путем.

Последнее слово английского командования конфиденциально посланной за три дня до этого делегации* было следующим: «По нашему мнению, республики, родившейся в результате всеобщего желания азербайджанского народа, нет; имеется только правительство, организованное интригой турецкого командования. Но раз вы настаиваете на обратном, мы все расследуем на месте и вынесем соответствующее решение».

Уповавая на Бога, в ожидании этого «решения» азербайджанское правительство в ноте, предъявленной английскому командованию, выражало надежду на то, что прибытие союзных войск на территорию Азербайджана не нарушит независимость страны и цельность ее территории.

17 ноября было два Баку: печальный мусульманский Баку и счастливый христианский Баку. Аэропланы, летавшие над городом, принадлежавшие к частям Бичерахова⁷², разбрасывали воззвания, где поздравляли русских граждан с обратным присоединением Баку к матушке-родине.

Высадка совершилась без всяких происшествий. На пристани, разукрашенной азербайджанскими флагами, Томсона приветствовал товарищ министра иностранных дел. В ответ на это Томсон поздравил с окончанием войны и восстановлением мира.

Через два дня командование выпустило воззвание, опечалившее мусульманское население. В этом воззвании, как и в воззваниях Бичерахова, указывалось на то, что победоносная армия Антанты, прежде чем вернуться в свою страну, выполнит свой долг в отношении самоотверженного русского народа, вложившего столько помощи в достижение общей победы. Во исполнение этого долга армия Антанты очистит от неприятеля вырванный у России Кавказ, и с этой целью в согласии с русским правительством, организованным в Уфе, она прибыла сюда.

Понятно, какие тяжелые часы переживались в то время под впечатлением этого воззвания, а также вследствие происшествий и оскорбительных для мусульман действий, совершаемых в городе бичераховскими частями и армейскими отрядами, прибывшими вместе с английскими войсками.

Срывание вывесок с тюркскими надписями, поругание азербайджанского флага, бесцельная стрельба; оскорбления и нападения,

* Эта делегация состояла из Усуббекова Насиба, Ага оглы Ахмеда и Гаджинского Мехти бека.

которым подвергались мусульмане, ежеминутно могли вылиться в провокацию, которую трудно было бы предотвратить.

Пока Баку переживал такие тревожные дни, Гянджа с печалью провожала турецкое командование, задержавшееся там на несколько дней.

VI

ПАРЛАМЕНТ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В такой трудной обстановке Азербайджанский национальный совет был занят укреплением основ государственности.

7 декабря открывается парламент. Речь, произнесенная на этом заседании, которое открылось в присутствии большого количества народа, была закончена словами, обращенными к азербайджанскому знамени, лозунг: «Однажды поднятое знамя никогда не падет» - был встречен горячими и продолжительными аплодисментами и тем вышел в новую жизнь.

Но в какой тревожной и беспросветной ситуации...

С одной стороны, поддержанная авторитетом союзного командования вооруженная сила, а с другой - правительство, черпавшее силу из чаяний и воли народа и не опирающееся на организованную военную силу. Русские организации и политические партии, являвшиеся подголоском союзного командования, были избалованы до невозможности и в высшей степени осмелели. Азербайджанцам говорили: «откажитесь от независимости, объявленной вами, и мы окажем вам благоволение», и к этому любезно добавляли, что в правительстве, организуемом ими, азербайджанцам, сравнительно с другими, будут предоставлены важные посты. Враждебность же и упрямство армянской организации были еще более явными. Перед лицом стольких политических трудностей азербайджанским государственным деятелям было действительно весьма нелегко оставаться верными основам независимости, сохранять равновесие и выказывать твердость. Были такие, кто перед этими трудностями изменил свое направление на 180 градусов. Для того чтобы понять создавшиеся опасности, достаточно сказать, что некоторые уважаемые лица, в патриотизме которых нельзя было усомниться, впали в такое малодушие, что предлагали поставить на обсуждение вопрос об отказе от независимости. Хорошо, что возглавлявший правительство Фатали Хан вместе с лидерами партии «Мусават», составлявшие большинство в Национальном совете, и группа левого крыла не поддались этой панике. Они сказали: «По принятому

основному положению русские и армяне могут участвовать в правительстве; больше этого мы категорически ничего принять не можем» - и добились своего.

Вслед за организацией парламента Фатали Хану было поручено сформировать правительство. Сформировав кабинет, Фатали Хан зачитал свою декларацию и получил доверие. После этого 18 декабря 1918 г. генерал Томсон обнародовал собственную декларацию, где доводил до всеобщего сведения, что под председательством Фатали Хана Хойского организовано коалиционное азербайджанское правительство, союзное командование считает это правительство единственно законным, и будет оказывать ему полную поддержку.

Эта вторая декларация командования, сводящая на нет его первую декларацию, вызвала настоящую революцию во мнениях в бакинской среде. Русская и армянская пресса, до сих пор певшая дифирамбы английскому командованию, начала осыпать грубой бранью и проклятиями того, кому днем ранее поклонялась. А мусульманская пресса, защищавшая интересы Азербайджана, естественно, отметила такое поведение командования хвалою и признательностью.

Русские организации не довольствовались борьбою против такого положения помещением статей в газетах, они организовали еще некоторые революционные действия против союзного командования. В ответ на это из их среды, в первую очередь, были арестованы несколько человек и высланы в Энзели. Это вызвало забастовку в Баку части русских и армянских рабочих. Ввиду того, что рабочие центральной электрической станции были, главным образом, христиане, с их забастовкой вся жизнь в городе замерла. Это событие возымело свое действие. Арестованные были возвращены. Вдобавок по требованию русской организации контроль над печатью был также поставлен вне рамок полномочий азербайджанского правительства.

По причине другого происшествия, спровоцированного подобной же организацией, была сделана попытка второй забастовки, и она была, отчасти, направлена против азербайджанского правительства. Целью ее было доказать слабость правительства и создать затруднения. Но на этот раз мусульманские рабочие оказались в соответствующей степени организованы партией «Мусават». Во второй раз мусульманские рабочие не участвовали в забастовке с рабочими-христианами. Они опротестовали объявление забастовки. Кроме того, энергичными мерами, принятыми правительством, удалось запустить работу электрической станции. Удар пришелся в пустоту. Политика национального правительства обретала твердость. Одним из фактических результатов этого стало упразднение должности иностранного

комиссара при полиции, вторым - возвращение права правительству контролировать печать.

Правительство не довольствовалось этим. В ноте, предъявленной им командованию, прозвучало требование, чтобы русские войска Бичерахова, не являвшиеся частью союзных войск, и армянские отряды, не приносявшие никакой пользы, кроме нарушения общественного порядка, при наличии азербайджанского правительства, правомочность которого признана союзным командованием, были бы немедленно удалены из Азербайджана. Согласно этой ноте бичераховский полк должен был в течение предоставлявшегося ему 48-часового срока покинуть Баку, велено было также расформировать армянские отряды.

Одной из первых мер, предпринятых английским командованием в первые дни своего появления, было установление контроля над портом и финансовыми учреждениями. Теперь азербайджанское правительство устраняло и эти два изъятия.

Вслед за организацией правительства была образована делегация для участия на собиравшейся в то время в Версале Мирной конференции. Во имя единства национального фронта, являвшегося единственной силой республики, примирению между различными группами и даже миндальничанию с ними тогда придавалось чрезвычайное значение. Вот почему члены этой делегации были назначены не правительством, а на основе представительства от всех течений, фактически, были избраны парламентом, официально же посылались правительством.

Эта делегация* была уполномочена сделать известным существование Азербайджана за границей, представить его на Мирной конференции, защищать национальные права и независимость республики.

Делегация, благодаря той политической обстановке, которую создало союзное командование, выехала из Баку с целью защиты независимости Азербайджана в международном масштабе.

* Делегация эта состояла из одного председателя, трех членов и трех советников. Возглавлял делегацию председатель парламента Топчибашев Алимардан бек, ее членами были: депутаты Ага оглу Ахмед бек, Шейхулисламзаде Акпер Ага, Гаджинский Мамед Гасан бек; советниками - депутаты Мехти заде Мир Якуб бек и Магерам заде Мамед бек; из журналистов - Гаджибейли Джейхун бек. Среди них только один принадлежал к партии «Мусават», а остальные представляли другие течения. Мамед Гасан бек возвратился в Азербайджан еще до падения республики и остался здесь. Затем Мамед Гасан бек изменил своей партии, сделавшись ренегатом, перешел к большевикам.

Уважаемый читатель видит: было основано правительство без армии. В описываемый момент азербайджанских войск в Баку не было, так как командование распространяло Мудросское перемирие не только на турецкую армию, но и на азербайджанские части. Потому-то военный министр генерал Самед бек⁷³ находился не в Баку, а, преимущественно, в Гяндже. Он занимался формированием первого азербайджанского полка. Наконец, удалось добиться того, чтобы сформированный в Гяндже полк прибыл в Баку. И день его прибытия также стал одним из самых радостных дней, пережитых в Баку во времена национального правительства.

Именно в апреле 1919 г. (вход азербайджанских войск в Баку) обнаружилось, какие напрасные страхи испытывали те, кто в преувеличенном виде воспринимал доблесть и агрессивность русской и армянской организации, проявившиеся после декларации, изданной англичанами в день прибытия их в Баку. Если бы весь Национальный совет был объят подобной боязнью, то, возможно, что Азербайджанская республика погибла бы раньше, чем организовалась.

Естественно, такое поведение англичан вытекало не из того, что они были влюблены в черные глаза азербайджанцев. Собственно говоря, то, что любовь не может служить политическим фактором, вместе с первобытным временем эпоей давно кануло в область преданий. Здесь имела место не любовь, а политические и экономические интересы. Нахождение нефти в руках независимого кавказского правительства и вообще отделение Кавказа от России было выгодно англичанам. Азербайджан же должен был использовать это обстоятельство, чем и объяснялись дипломатические успехи национального правительства.

Для того чтобы полностью можно было представить, перед какими трудностями очутилась азербайджанская интеллигенция, которая должна была выполнить такое колоссальное и ответственное дело, как создание заново правительства, необходимо помнить, в какой степени азербайджанская часть была лишена прав по сравнению с другими частями, отделившимися от России, иначе читатель не уяснит как следует ситуацию.

Азербайджан являлся тюркской мусульманской областью, граничащей с мусульманскими странами. К таким областям своим царизм всегда относился с недоверием.

Кавказский наместник до мировой войны за христианское население был спокоен, а вот насчет мусульманского населения предполагал, что сепаратизм здесь найдет почву. Царское правительство в особенности лишало возможности проявить деятельность, направленную на подъем самосознания и умственного развития, мусульманские области,

расположенные у границы. Не призывая его на военную службу, оно внешне делало ему облегчение, но, внутренне, оно не хотело давать оружие тому народу, верность которого вечно ставило под сомнение. Таким путем достигалось то, что народ, отучающийся от военной привычки, не мог создать организованную силу при необходимости, и этим устранялась воображаемая опасность.

Его соседи армяне и грузины несли воинскую повинность, поэтому они для защиты своего физического существования были знакомы с современными военными методами. Тогда как мусульмане забыли даже те методы обороны, которые они употребляли в военных организациях времен ханств. Тогда как было очень много христиан-полковников, генералов, офицеров-азербайджанцев можно было по пальцам пересчитать. Пребывание на полицейской службе в чине уездного начальника считалось для мусульман удивительным случаем. А среди судейских чиновников вообще нельзя было найти чиновника-мусульманина выше должности переводчика.

Среди республик, образовавшихся на развалинах России, обстановка для организации армии в Азербайджане была самой неблагоприятной. Из российских тюрок на военную службу призывались только поволжские турки. И брались они на военную службу лишь потому, что и географическое их положение не допускало возможности их отделения от России. Что касается туркестанских и кавказских тюрок, то их не брали в солдаты. Поэтому организация армии для азербайджанцев была делом очень трудным. Скажем, если отделившиеся от России грузинское или армянское правительства издали бы приказ, призывающий к оружию солдат и офицеров, служивших в русской армии в таком-то году, то через десять дней возник бы отряд кадровых военных, видевших войну, битвы, как говорится, понюхавших пороха.

Азербайджан же был лишен этого. Известно, армию делает армией офицерство, но в этом отношении мы испытывали огромный недостаток. Офицеров, служивших в русской армии, было очень мало. Оказалось очень трудно найти для формируемых частей командира полка не только азербайджанца, но даже просто мусульманина. Из прибалтийских государств, если не ошибаюсь, Эстонская республика в одном из сражений с большевиками в борьбе за независимость понесла потери в 1000 человек, половина из которых были офицеры. Все эти офицеры ранее находились на русской службе и в большинстве своем являлись кадровыми военными. Азербайджанская же республика не только 500, даже 50 офицеров из своей среды не могла найти. Поэтому офицерский состав азербайджанской армии был интернациональным. Вся тяжесть командования армией легла на плечи

младшего офицерства, это были самоотверженные азербайджанские юноши, срочно выпущенные из военной школы, организованной в Гяндже Нури пашой. Без сомнения, все они были патриоты и националисты.

Затруднения эти касались не только формирования армии. Для работы в других органах правительства азербайджанцы также не могли найти в достаточном количестве специалистов-чиновников. Царизм не брал в свой государственный аппарат чиновников-мусульман. В этом отношении положение наших соседей-грузин было более благоприятным. В свое время очень много грузин бралось на службу в должности телеграфных, почтовых и железнодорожных чиновников. В полиции, в ведомствах государственных имуществ, в финансовых и судебных органах мусульмане были в ничтожном количестве.

В то время, как церковные школы армян и национальные школы при организациях грузинского дворянства в течение многих лет распространяли армянское и грузинское просвещение, мусульманам не давали подобной привилегии. Национальное просвещение ограничивалось только обучением по старому методу в специальных школах и мечетских мектебханэ.

В городском самоуправлении права мусульман тоже были ограничены. В таких городах, как Гянджа, Баку, где большинство населения составляли мусульмане, по закону половина членов должны были быть христианами.

Естественно, все это давало о себе знать с отрицательной стороны при образовании нового правительства. Прибавьте к этому трудность, сопряженную с приведением в порядок огромных Бакинских нефтяных ромыслов, пришедших в состояние разрухи в результате коммунистического эксперимента 1918 г.

При царизме центром края был Тифлис. Все центральные органы Закавказья, военное депо, цейхгаузы - все находилось там. Азербайджанское правительство, сделавшее своим центром Баку, должно было все создавать заново.

Баку не только обладает источниками нефти, привлекающими взоры всего мира. Он имеет также самый важный порт в Каспийском море и является торговым центром, связывающим Персию, Туркестан и Европу с Россией. Это второй Константинополь. В бакинском порту стоял крупный торговый флот, бездействующий в связи с революционными событиями. Для того чтобы сохранить этот флот на завтра, нужно было сохранить моряков, нужно было управлять ими.

Одновременно с наличием стольких трудностей для организации управления существовали еще такие основополагающие вопросы, как земельный и рабочий, пришедшие вместе с социальными лозунгами

российской революции в раскаленное и обостренное состояние, способные возникнуть в любое время и требующие немедленного разрешения.

К государственному строительству приступили при наличии таких внутренних проблем, как управленческие, общественные, политические, экономические, о границе, существовал также спорный вопрос с армянами, а еще - русская опасность, вроде деникинской армии, под угрозой которой находился Азербайджан. В такой обстановке азербайджанское правительство не имело никого, кто оказал бы ему поддержку и помощь, кроме доверия народа и единения партий.

* * *

Теперь для того, чтобы ясно понять причины текущих событий, считаем необходимым изложить вкратце, из каких партий организован парламент и какую позицию занял он в отношении различных политических течений.

Парламент состоял из 85 депутатов^{*}, из коих армян было 10, русских - 5 и еще 5 от других национальностей. Значит, всего было 20 членов - не мусульман. Остальные 65 человек, кроме нескольких лиц, все были турки.

По партийной принадлежности парламент распределялся так: партия «Мусават» - 27, примыкающие к «Мусават» группы беспартийных - 6; партия «Иттихад» - 11; социалистический блок - 10; партия «Эхрар» - 7; независимые - 3.

Партия «Мусават» в идеологическом отношении была партией, зародившейся в лоне национализма и примыкавшей к идее тюркизма.

Более полное название ее - Партия тюркских федералистов «Мусават». Она - знаменосец Азербайджанской республики. Этот лозунг, т.е. лозунг «Азербайджанская республика», впервые выставила именно партия «Мусават», и она защищала его не только против иностранцев, но и против части азербайджанцев, с этой стороны она является первой партией азербайджанской независимости. По своей социологической теории она верна идее демократизма и обладает радикал-демократической программой.

Председатель Совета Министров - Насиб бек Усуббеков⁷⁴ был одним из основателей этой партии.

* Хотя официально парламент должен был состоять из 120 членов, но фактически он состоял из 85 членов.

Группа беспартийных, состоявшая из нескольких интеллигентов с высшим образованием, принадлежавших к буржуазному классу, не входя в партию, в общей политике действовала совместно с партией «Мусават». Председатель Совета Министров Фатали Хан принадлежал к этой группе.

Партия «Иттихад» была основана сначала под названием «Мусульманство в России». Официальной идеологией ее было единение мусульманства. Во главе ее стоял известный и в Турции Кара бек Карабеков⁷⁵.

Социалистический блок состоял частью из социал-демократов (меньшевиков), а частью - из социалистов «Халгчи», эсеров. Первых возглавлял Самед Ага Агамали оглы⁷⁶, а лидером их был Абилов Ибрагим^{77**}, а вторых - Аслан бек Сафикюрдский⁷⁸. Идеологией партии «Эхрар» являлось тюркское народничество, с программной стороны она была близка к «Мусават», их вождем был Аслан бек Кардашев⁷⁹.

Если подумать немного над этими строками и над цифрами состава парламента, станет ясно, что азербайджанское правительство, не опиравшееся ни на какую силу, кроме единства общественного мнения, волей-неволей, должно было быть коалиционным.

Первая коалиция создавалась после больших затруднений при участии всех групп, кроме «Иттихада». Пребывание «Иттихада» вне коалиции было вызвано тем, что он являлся противником Фатали Хана, признанного всеми другими партиями соответствующим своему назначению.

Первый кабинет образовался по принципу доверия партии к личности председателя правительства и его программе, включение министров в состав кабинета проводилось по принципу партийной принадлежности или же количественного соотношения.

Через несколько месяцев партии нарушили достигнутые между собой гарантии соглашений, и кабинет Фатали Хана подал в отставку, на его месте 14 апреля 1919 г. образовали кабинет Насиб бека Усуббекова.

В то время как кабинет Фатали Хана состоял из «деловых людей» вне партийных принципов, кабинет Насиб бека был составлен из представителей партий, опять-таки без участия «Иттихада». И этот кабинет был также сменен, и 24 декабря сформировался второй кабинет Насиб бека Усуббекова. В этот кабинет вместе с партией «Иттихад» вошло также и ядро кабинета

** После оккупации они сделались большевиками, став тем самым ренегатами.

Фатали Хана. Это был последний кабинет правительства Азербайджанской республики.

Так как партия «Мусават» была сильной партией, центром в парламенте как в количественном, так и в персональном отношении, вся тяжесть при сменах кабинета падала на нее. Однако партия «Мусават» была не в силах, опираясь только на свою численность, образовать однородное правительство. Но, образуя коалиционный кабинет, она не могла провести по своему желанию ту политику, которую считала необходимым провести.

Несмотря на то, что во всех трех, сменивших друг друга кабинетах, мусаватисты количественно составляли одну треть, правительствам этим было дано название «мусаватских», а их деятельность называли «деятельностью "Мусават"», и это просто вошло в привычку. Все, что делалось во имя национализма и Азербайджана, называлось «мусаватское дело». Такие слова были не без причины. Идея Азербайджана являлась порождением идеи партии «Мусават». Поэтому всякое дело приписывалось ей. Относительное большинство в парламенте также объяснялось этим.

Занимавшая позицию центра на начальном этапе образования республики, партия «Мусават», исходя из идущей из России реакционной опасности, более всего опиралась при организации правительства на социалистические партии, составлявшие левое крыло. При появлении деникинской угрозы выяснилось, насколько целесообразной была эта ориентация. В последнее время, когда русская опасность сбросила деникинскую тогу и облачилась в большевистские одежды, социалисты потеряли свое значение надежной опоры коалиции. При таком раскладе отклонение от центра вправо невольно вело к участию в кабинете «Иттихада». Но когда дело дошло до практического осуществления этой теоретической надежды, то она дала такой результат, что осталась за пределами возможного и, одновременно с влиянием некоторых других факторов, послужила одной из причин, приведших к падению республики.

Наряду с существованием между партиями многочисленных группировок, парламент вместе с тем в вопросах ассигнования на армию, заключения военно-оборонительного союза с Грузией против опасности с севера, оказания помощи в борьбе за освобождение Дагестанской республики, оккупированной Деникиным, дипломатические мероприятия по защите независимости от внешних сил, сумел создать единый фронт. Но только этого единства он в себе не обнаружил по отношению к рабочему движению и нападению большевиков.

Почему же, спрашивается?..

* * *

Ответ на вышеуказанный вопрос читатель получит, само собой, по прочтении нижеследующих глав. Мы же пока вкратце изложим вехи деятельности и достижения правительства Национального совета в течение 17 месяцев.

Во-первых, была подготовлена армия численностью в 17 тысяч человек*, состоящая из пехоты, кавалерии, артиллерии, авиации, телеграфистов и т.д. Была основана военная школа; создалась маленькая флотилия. Во-вторых, по всему Азербайджану создавались военные, гражданские и административные учреждения, в стране были установлены покой и порядок. Ленкоранский уезд, находившийся под игом русских бунтовщиков, был возвращен матери-родине. Пришли к соглашению с карабахскими армянами, которые даже во время пребывания турок не желали подчиниться, и заставили их признать азербайджанское правительство. Идеино, материально и политически была поддержана борьба расположенной на очень далеком от Баку расстоянии Нахичевани против правительства Армении. А путем назначения туда губернатора была обеспечена также и административная принадлежность Нахичевани к Азербайджану. В-третьих, приступили к финансовой и экономической реформе, навели порядок в управлении нефтяными промыслами, приведенными в расстройство властью большевиков после мартовской резни 1918 года; ликвидированный ранее государственный банк был основан заново под названием Азербайджанского банка; для укрепления сельского хозяйства были открыты специально для сел мелкие кредитные банки, а в

* Азербайджанская армия состояла из двух пехотных и одной кавалерийской дивизий. Каждая пехотная дивизия, совместно со своими пулеметными командами, состояла из трех полков и двух артиллерийских дивизионов. А кавалерийская дивизия состояла, вместе с пулеметчиками, из трех полков и одного конного артиллерийского дивизиона. 1-я пехотная дивизия состояла из следующих полков: 1-й Джеванширский, 2-й Закатальский и 3-й Гянджинский, 2-я пехотная дивизия - из 4-го Кубинского, 5-го Бакинского, 6-го Шемахинского полков (не Шемахинского, а Геокчайского полка. - *Прим. перевод.*). Был сформирован 7-й Ленкоранский полк (не Ленкоранский, а Ширванский. - *Прим. перевод.*), состоящий вначале из трех дивизионов. Каждый полк состоял из 2000 штыков, каждая дивизия - из 6000 штыков. Кавалерийская дивизия состояла из 1-го Татарского, 2-го Карабахского и 3-го Шемахинского полков. Были также две гаубичных батареи, независимые от пехоты и кавалерийских дивизий. К ним надо добавить еще 6 броневых автомобилей и несколько бронепоездов. В Азербайджанской армии было до 600 офицеров, среди коих 60 штабных.

городах созданы заново сберегательные кассы. В-четвертых, открылись специальные учреждения для обучения низших чиновников, для молодежи - открыты школы телеграфистов, машинистов и железнодорожная.

Удалось достигнуть такого успеха, что 50 процентов железнодорожных служащих могли составлять турки, тогда как раньше их вовсе там не было.

Что касается просвещения, то для тюркизации школ была организована издательско-переводная комиссия и под ее руководством были созданы и напечатаны учебники для начальных и средних школ. Из существующих средних школ - половина была национализирована. В различных частях страны открылись 7 мужских и одна женская семинарии; был основан Бакинский университет; для получения высшего образования в различных областях было послано за счет правительства в заграничные учебные заведения до ста студентов; из Турции привлекли приблизительно до 50 учителей и учительниц в целях распространения начального образования и ликвидации неграмотности, в селах временно открылись педагогические курсы. В национализированных и еще не национализированных школах вместо русской истории была введена всеобщая тюркская история, и во всех школах преподавание тюркского языка по закону сделалось обязательным.

Тюркский язык был объявлен языком официальным. Употребление русского языка разрешалось на время переходного периода.

Для установления основ господства нации в губерниях был изготовлен законопроект об организации губернских земств и передан в парламент. По этому закону губернии обладали правом самостоятельно рассматривать местные дела и даже назначать членов администрации. В то же время в комиссию парламента был представлен для изучения законопроект об аграрном вопросе, согласно которому земля передавалась крестьянину на условии сохранения частной собственности*.

* Проект этот, предложенный партией «Мусават», основывался на началах отчуждения от частновладельцев крупных участков земли и безвозмездного раздела их среди безземельных крестьян на основе принципа частной собственности. Но на земле, передаваемой крестьянину или оставляемой у него, согласно установленному минимуму количества земли, за ним сохранялось право собственности. В пределах предоставленной ему земли крестьянин мог обрабатывать ее по своему усмотрению. Частная собственность не признавалась только над скрытыми под землей горными богатствами, они были собственностью государства. Относительно правил, касающихся пользования подземными горными богатствами, согласно тому же законопроекту, они должны были быть разъяснены в специально составленном законе.

Средства связи и транспорт, подвергшиеся жестокому разрушению в годы анархии, были восстановлены и по договору, заключенному с Грузией, линия Баку - Батум стала нормально функционировать. Заработал и Баку-Батумский нефтепровод, разрушенный во время революции. Продолжалась постройка Баку-Джюльфинской дороги, имеющей большое значение для экономики Азербайджана, ожидалось официальное открытие громадного моста через реку Куру*.

Если изучить то впечатление, которое вынесли и опубликовали в газетах различные европейские и американские делегации, приезжавшие для изучения Азербайджана, будет видно, что они свидетельствуют о том, что азербайджанские турки в самое короткое время выказали много признаков созидательной жизнедеятельности и тяги к благоустройству.

Один из угнетенных восточных народов, лишенный гражданских и политических прав, близко не допускавшийся к государственному управлению, при первой же возможности, несмотря на все трудности, показал такие достоинства в создании культурного строя, что, благодаря этим его способностям, Азербайджанская республика привлекла внимание союзников и всего мира и вошла в международную жизнь.

Заседавший 12 января 1920 г. Высший Совет союзных государств признал де-факто Азербайджанскую республику**. Среди республик, созданных на развалинах Российской империи, Азербайджан был единственным мусульманским образованием, признанным Европой. Это новое тюркское государство в то же время было первой тюркской республикой, образованной во всем мусульманском мире. Это событие, являвшееся крупным и благим событием в тюркском мире и тюркской истории, праздновал не только Азербайджан, непосредственно связанный с ним. Стонавший от своих ран, нанесенных ему губительными ударами Севрского договора, константинопольский тюркизм, присвоив его, также праздновал это событие.

* С постройкой этой дороги Баку непосредственно соединялся с Тавризом кратчайшим путем.

** Если бы не произошла большевистская оккупация, то на состоявшейся конференции в г. Спа 22 января 1921 г. было бы признано, наравне с Грузинской Республикой, полноправие и Азербайджанской Республики, каковое событие произошло через несколько месяцев после оккупации.

Торжественное собрание, устроенное по этому случаю «Тюрк оджаги» («Тюркский очаг») в университетской аудитории, послужило поводом для выражения самого искреннего сочувствия по адресу своих братьев*.

До этого события в августе 1919 г. английские войска, прибывшие на Кавказ, эвакуировались из Азербайджана в согласии с положениями Мудросского перемирия. По этому поводу глава правительства в обращении к депутатам сказал: «Эфендияр! Поздравляю вас с тем, что с сегодняшнего дня государство приняло положение полной независимости».

Азербайджанская республика, основанная таким путем, начинала международную жизнь. Установление прекрасных отношений со своими соседями составляло ее конечное желание.

Из ее христианских соседей - отношения с Грузинской республикой были самыми дружественными. Достигнув соглашения в разрешении спорных вопросов между собою путем тщательного изучения их, эти две республики поняли в надлежащей степени русскую опасность и заключили военно-оборонительный договор против севера. Этот договор, состоящий из 7-8⁸⁰ пунктов, был подписан в начале 1920 г. и утверждение его послужило поводом для выражения взаимных дружественных чувств в парламентах Азербайджана и Грузии.

Стороны, подписавшие договор, предложили правительству Армении также подписать этот договор, но указанное правительство отвергло это предложение. Вместе с тем, вопреки нежеланию армянских политиков, азербайджанский парламент надеялся мирным путем разрешить существующие вопросы с Арменией. С этой целью он участвовал как в Закавказской конференции, состоявшейся в Тифлисе 25 апреля 1919 г., так и созвал в 1920 г. в Баку армяно-азербайджанскую конференцию. На этой конференции азербайджанское правительство для защиты Закавказской республики от внешних сил предложило создать Закавказскую конфедерацию.

В столице Азербайджана состоялась также еще одна почетная конференция. Это была азербайджано-персидская конференция. На этой конференции все политические, экономические и торговые вопросы Азербайджана и Персии были урегулированы.

* Достоин сожаления, что лицо, являвшееся в то время представителем в Константинополе, для того чтобы показать излишнюю осторожность, сочло необходимым отнестись равнодушно к этому торжеству.

В договоре, подписанном на этой конференции, персидское правительство признавало независимость Азербайджанской республики, а республика предоставляла Персии транзит для торговых сношений с Европой. Таким образом, между двумя народами-единоверцами устанавливались весьма искренние отношения. Подобно тому, как в Тегеране находился азербайджанский посол, так и в Баку находился персидский посол. Договор этот в торжественной форме был представлен на утверждение на одном из мартовских заседаний парламента 1920 г., и этим еще больше упрочились дружба и мир между двумя дружественными народами. Одним из вопросов, считавшихся парламентом в высшей степени важным, был вопрос о Северо-Кавказской республике. Эта республика охватывала Терскую область и территорию Дагестана. Хотя Дагестан во времена царизма находился в административном подчинении Закавказья, но во время революции, согласно программе выборов в Учредительное собрание, по требованию части дагестанцев был выделен вместе с Северным Кавказом в один район.

С этого момента последовавшие за тем события отделили от Закавказья вопрос о самоопределении Дагестана. С разделением кавказских губерний на отдельные политические образования Дагестан, совместно с Терской областью, образовал республику под названием Северо-Кавказской. Территория эта, населенная различными народами, встретила с огромными затруднениями при образовании правительства. Основание упомянутой республики было жизненно выгодным для Азербайджана. В особенности, если Дагестан, обладающий такой исторической гаванью как Дербент, не освободился бы от русских. Азербайджан не мог бы чувствовать себя спокойно. Но только Азербайджан, сам находившийся еще в процессе организации, мог оказать ему материальную помощь. Парламент выдал заем северокавказскому правительству в 50 000 000 рублей*. Выделяя такую сумму, парламентские партии смотрели на это не как на выданный заем, а как на сумму, выделенную для употребления ради обоюдной пользы двух братских народов.

* Для того чтобы правильно понять настоящую стоимость этого займа, выданного по азербайджанскому курсу, необходимо сказать, что в то время английский фунт равнялся 20 азербайджанским рублям. Таким образом, этот заем равнялся 2,5 млн фунтов. Если принять во внимание то, что в 1919 г. расходная часть азербайджанского бюджета равнялась 415 млн рублей, то увидим, что заем, выданный Дагестану, составлял одну восьмую часть государственного бюджета.

Азербайджан в данном вопросе не ограничивался только выделением денежной помощи. Поддержку боровшемуся Дагестану всячески оказывали организации Нури паши*. Распад дагестанского правительства, последовавший за нападением Деникина, подействовал на Азербайджан в такой же степени, в какой это подействовало на дагестанцев. Деникинская оккупация Дагестана вызвала неопишное волнение в парламенте и в общественном мнении, для спасения братьев-горцев были приняты все меры, возможные в то время и в той обстановке. Аджарские, карские и зааракские мусульмане, корчившиеся в грандиозных кризисах, тоже приковали свои взоры к Азербайджанской республике, ожидая от нее материальной и идейной помощи. В республику прибывали делегации туркестанцев с противоположной стороны Каспийского моря, просили помощи и поддержки. Находившаяся в невиданном затруднении республика по мере того, как позволяли политические условия и существующее положение, принимала во внимание в надлежащей степени все эти обращения и оказывала посильную помощь. Для того чтобы войти в политическое сношение с Туркестаном, туда был послан в качестве консула специальный чиновник.

Азербайджанская республика, уделявшая внимание и время обеспечению собственного политического существования, вместе с тем нисколько не забывала, что она духовно сильна вследствие того, что добилась сочувствия тюркского, мусульманского общественного мнения. И для того, чтобы стать органом, достойным такого сочувствия, стремилась сделать все, что возможно, и делала.

Форма правления независимого азербайджанского государства строилась на основе принципов демократической республики. Государство полностью придерживалось метода последовательного парламентаризма и ответственного министерства. Свобода слова, печати, собраний была гарантирована полностью. В этом отношении некоторые критики, может быть, укажут на чрезмерный либерализм, выказанный при этом. У этого политического новорожденного, переживавшего организационный период, несомненно, немало достойных внимания ошибок. Самая крупная из них та, что не были созданы соответствующие подобным периодам твердая власть и крепкое правительство. Если бы во имя объединения разнородных мнений,

* Под началом Нури паши, находившегося в то время в Азербайджане, для усиления борьбы Дагестана против оккупации Деникина с ведома и согласия правительства была создана специальная организация.

наряду с осуществлением методов убеждения, несколько сдвинулись бы в сторону метода принуждения, то, возможно, что результат известных событий был бы иной.

Не нужно забывать и то, что бедствие, постигшее Азербайджанскую республику, в большой мере последовало со стороны внешней агрессивной силы, нежели от восстаний изнутри; так как нашей целью не является подробный анализ событий, мы, в соответствии с размером нашей брошюры, ограничимся лишь сжатой схемой.

Государственный архив политических партий и общественных движений при Управлении делами президента Азербайджанской республики. Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 1-62. Перевод с турецкого.

¹ Здесь и далее отточие в тексте. (Здесь и далее примечания к переводу принадлежат Дж. Гасанлы, за исключением примечаний неизвестного переводчика-дипломата, относящихся к 1923 г.)

² Али бек Гусейн Заде (1864-1940) - азербайджанский писатель, публицист, журналист, художник, музыковед, идеолог национального движения в Азербайджане, автор трудов по истории, литературе, философии. Один из идеологов реформ Атаюрка в 20-30-е годы XX в.

³ Волга.

⁴ Каспийское море.

⁵ Чингисхан (около 1155-1227) - основатель единого монгольского государства, полководец.

⁶ Теймур (Тимур) (1336-1405) - тюркский государственный деятель, полководец, основатель империи Тимуридов.

⁷ Шамседдин Ильдигез (1136-1175) - основатель азербайджанского государства Атабеков.

⁸ Кара-Коюнлу (1410-1468) - азербайджанское государство со столицей в городе Тебриз.

⁹ Ак-Коюнлу - азербайджанское государство, основанное правителем Узун Гасаном (1423-1478).

¹⁰ Не 1808, а 1804 г., ибо Гянджа была взята русскими в 1804 г. (*Прим.переводчика.*)

¹¹ Дервиш - персидское слово, означает «нищий» (дословно – порог двери) и употребляется у мусульман для обозначения человека набожного, ищущего спасения души и отшельнической жизни. (*Прим. переводчика.*)

¹² Физули (Мухаммед Физули) (1494-1556) – азербайджанский поэт.

¹³ Кер-Оглы - герой одноименного эпоса, созданного в XVI в.

¹⁴ Керем - герой любовно-романтического эпоса «Асли и Керем», созданного в XVI в.

¹⁵ Тюркский народный струнный музыкальный инструмент, вроде мандолины или балалайки. (Прим. переводчика.)

¹⁶ Низами Гянджеви (1141—1209) — азербайджанский поэт и мыслитель.

¹⁷ Месхети Гянджеви - азербайджанская поэтесса XII в.

¹⁸ Саади Ширази - персидский поэт XIII в.

¹⁹ Известный турецкий султан Сулейман аль-Кануни (1520-1565), Великий или Великолепный. (Прим. переводчика.)

²⁰ Абульгасим Фирдоуси (934-1020) - персидский и таджикский поэт.

²¹ Хафиз Ширази (1325-1389) - персидский поэт.

²² Тюркского. (Прим. переводчика.)

²³ Кевси Табризи - азербайджанский поэт XVII в.

²⁴ Набаты Абульгасим (1812-1873) - азербайджанский поэт.

²⁵ Вагиф Молла Панах (1717-1797) - азербайджанский поэт и государственный деятель.

²⁶ Сеид Азим Ширвани (1835-1888) - азербайджанский поэт.

²⁷ Лаали Мирза Али хан (1845-1907) - азербайджанский поэт.

²⁸ Раджи Абульгасан (1835-1876) - азербайджанский религиозный поэт.

²⁹ Мухаммед Хади (Абдул Селим Заде) (1879-1920) - азербайджанский поэт, основатель романтизма.

³⁰ Сабир Мирза Алекбер (1862-1911) - азербайджанский поэт-сатирик.

³¹ Гусейн Джавид (1882-1941) - азербайджанский поэт и драматург.

³² Ахмед Джавад (1892-1937) - азербайджанский поэт.

³³ Саххат Аббас (1874-1918) - азербайджанский поэт.

³⁴ Музниб Алаббас (1883-1938) - азербайджанский поэт.

³⁵ Русские дети. (Прим. переводчика.)

³⁶ Ахунд - лицо с высшим духовным образованием. (Прим. переводчика.)

³⁷ Духовная школа, находящаяся в ведении мечети. (Прим. переводчика.)

³⁸ Стихотворение, посвященное любви. (Прим. переводчика.)

³⁹ Мирза Фатали Ахундов (1812-1878) - азербайджанский поэт, писатель и драматург.

⁴⁰ Наджаф бек Везиров (1854-1926) - азербайджанский драматург.

⁴¹ Абдуррагим Ахвердов (Хагвердиев) (1870-1933) - азербайджанский писатель и драматург.

⁴²Султан Меджид Гани заде (1866-1937) - азербайджанский писатель и просветитель.

⁴³Нариман Нариманов (1870-1925) - азербайджанский писатель и политический деятель.

⁴⁴Джалил Мамедулизаде (1866-1932) - азербайджанский писатель и драматург.

⁴⁵Узеир бек Абдул-Гусейн оглы Гаджибеков (1885-1948) - азербайджанский композитор, дирижер, публицист, драматург и педагог, Народный артист Азербайджанской ССР, Народный артист СССР, дважды лауреат Сталинской премии.

⁴⁶Гасан-бек Зардаби (1837-1907) - азербайджанский просветитель, публицист.

⁴⁷Саид и Джалал Унсузаде - издатели газет «Зия Кавказ» (1879-1881) и «Кешкюль» (1884-1891) в Тифлисе.

⁴⁸Мамед Ага Шахтахтинский (1851-1931) - азербайджанский просветитель и публицист, издатель газета «Шарк Рус», депутат II Государственной думы от Эриванской губернии.

⁴⁹Ахмед бек Ага оглу (1869-1939) - идеолог азербайджанского национального движения, основатель партии «Дифаи», издатель газеты «Иршад» (1906-1907).

⁵⁰Трех вилайетов. *(Прим. переводчика.)*

⁵¹Муса Нагиев (1842-1919) - азербайджанский нефтяной магнат.

⁵²Гаджи Зейнал Абдин Тагиев (1838-1924) - азербайджанский нефтяной магнат и меценат.

⁵³В национальной жизни российских мусульман этот вопрос занял очень важное место. Для азербайджанских тюрок, не оставаясь в пределах требований избрания народом духовных управлений, в то же время он являлся средством для распространения идеи единения мусульманства. Азербайджанские тюрки требовали также объединения в Мусульманское духовное управление двух независимых органов, созданных русским правительством для шиитов и суннитов. Это требование было изложено как в петиции, поданной от имени кавказских мусульман наместнику, так и в постановлении мусульманского съезда, посвященного вопросу принятия мер по устранению причин, вызывающих шиито-суннитский антагонизм. Нужно особо отметить, что этот антагонизм впервые сошел со сцены у азербайджанских тюрок, что являлось твердой целью и стремлением народа, проникшегося национальным самосознанием. *(Прим. переводчика.)*

⁵⁴«Себиль-Эль-Решад» - турецкая газета, выходившая в Константинополе. *(Прим. переводчика.)*

⁵⁵Т.е. в победу национальной идеи. *(Прим. переводчика.)*

⁵⁶Требование это было принято большинством съезда и зафиксировано после прений, возникших вслед за содокладом автора сей книги. *(Прим. переводчика.)*

⁵⁷Выше было отмечено, что партия «Мусават» была основана в Баку во время Балканской войны. С началом революции 1917 г. в Гяндже основана была партия тюркских децентралистов «Мусават». После того, как из декларации и выступления на первом общекавказском съезде выяснилось, что обе эти организации являются демократическими тюркскими, они обе слились, принято вышеупомянутое название. *(Прим. переводчика.)*

⁵⁸Совет.

⁵⁹Шаумян Степан Георгиевич (1878-1918) - большевик, председатель Бакинского совнаркома в 1918 г.

⁶⁰Гегечкори Евгений Петрович (1879-1954) - грузинский политический деятель 1918-1921 гг.

⁶¹Чхенкели Акакий Иванович (1874-1959) - грузинский политический деятель 1918-1921 гг.

⁶²Нури паша (1889-1949) - турецкий военный деятель, командующий Кавказской мусульманской армией в 1918 г.

⁶³Фатали Хан Хойский (1875-1920) - премьер-министр первых трех кабинетов Азербайджанской республики.

⁶⁴Халил бек Хасмамедов (1873-1947) - первый министр юстиции Азербайджанской республики.

⁶⁵Мехмет Вехиб паша (1877-1940) - турецкий военный деятель, командующий Восточным фронтом.

⁶⁶Мамед Гасан бек Гаджинский (1875-1931) - первый министр иностранных дел Азербайджанской республики.

⁶⁷Мехмеджик - ласкательное произношение имени Мехмед. Мехмеджиками патриотически настроенные турки называют своих солдат. *(Прим. переводчика.)*

⁶⁸Энвер паша (1880-1922) - видный деятель младотурецкой революции, военный министр (1917-1918) османской Турции.

⁶⁹Гильотен Жозеф (1738-1814) - профессор анатомии, французский политический деятель. Его именем названа гильотина - машина для обезглавливания.

⁷⁰Название парохода. *(Прим. переводчика.)*

⁷¹Ахмед Тевфик паша (1845-1936) - в 1918-1919 гг. великий визирь Турции.

⁷²Бичерахов Лазарь Федорович (1882-1934) - полковник казачьих частей русской армии в Иране в 1914-1918 гг.

⁷³Самед бек Мехмандаров (1856-1931) - генерал-лейтенант артиллерии русской армии, военный министр Азербайджанской республики.

⁷⁴Насиб бек Усуббеков (1881-1920) - министр финансов, народного просвещения, внутренних дел Азербайджанской республики, с апреля 1919 г. председатель Совета Министров Азербайджанской республики.

⁷⁵Кара бек Карабеков (1873-1953) - председатель партии «Иттихад», член парламента Азербайджанской республики.

⁷⁶Самед Ага Агамали оглы (1867-1930) - лидер фракции социалистов в парламенте Азербайджанской республики, один из председателей ЦИК ЗСФСР в 1922-1929 гг.

⁷⁷Ибрагим Абилов (1881-1923) - член РСДСП с 1905 г., с 1912 г. редактор газеты «Баки Хаяти» («Бакинская жизнь»), депутат парламента Азербайджанской республики, член фракции социалистов. После победы советской власти секретарь Совета пропаганды и действия, избранного на I съезде народов Востока (Баку, сентябрь 1920 г.). В 1921-1923 гг. дипломатический представитель Азербайджанской ССР и ЗСФСР в Турции.

⁷⁸Аслан бек Сафикюрдский (1881-1937) - член парламента Азербайджанской республики, министр почт и телеграфа, труда, юстиции в правительствах Азербайджанской республики.

⁷⁹Аслан бек Кардашев - представитель партии «Ахрар» в парламенте Азербайджанской республики, министр земледелия в 4-м кабинете Азербайджанской республики.

⁸⁰Договор между Грузией и Азербайджаном от 16 июня 1919 г. Состоит из 12 пунктов.

La République d'Azerbaïdjan

Les Azerbaïdjaniens sont un peuple moderne, dans le sens le plus absolu de ce terme. Ils ont leur propre littérature, leur presse, leur théâtre; en un mot, ils possèdent ce qu'on appelle une culture nationale.

Le grand poète turc Fuzouli, dont on a célébré dernièrement le quatrième centenaire, est le père des poètes azerbaïdjaniens. Les œuvres de ce grand versificateur, dont l'orientaliste anglais Kip a dit que c'est le plus sensible, le plus délicat et le plus sincère des lyriques que l'Orient ait jamais produit, ne sont nulle part aussi répandues dans le monde Islamique qu'en Azerbaïdjan. Jusqu'à ces derniers temps, les poètes de ce pays se sont évertués à imiter les odes de Fuzouli dont ils ont, de tout temps, subi la fascinante influence. Son épopée d'amour "Leïla

et Medjnoun", conçue dans le genre de "Roméo et Juliette", a servi de sujet au premier opéra azerbaïdjanien.

Mais le peuple azerbaïdjanien, pour lequel la poésie est un véritable besoin, et dont le sens poétique trouve son expression dans un folklore d'une richesse et d'une variété surprenantes, ne pouvait s'abreuver éternellement à l'unique source de la tradition fuzoulienne. Aussi vit-on quelque temps après la clôture de l'ère fuzoulienne, surgir des poètes d'un autre genre, tous dignes d'attention, sur lesquels il nous est impossible de fournir des détails biographiques dans le cadre restreint de cet article.

La poésie azerbaïdjaniennne, qui, tant au point de vue de langue qu'a celui des sujets traités et du but auquel elle tend, est actuellement un art tout à fait moderne, a pénétré jusque dans les plus humbles huttes des villages, où elle est représentée par les œuvres des principaux poètes, parmi lesquels il y a lieu de citer notamment Sabir dont les très spirituelles et mordantes satires ont obtenu un succès énorme.

C'est à l'existence de la scène azerbaïdjaniennne que le théâtre turc doit sa renaissance. Le premier des dramaturges turcs fut l'Azerbaïdjanien Mirza Fatali, mort il y a plus de quarante ans. Ce n'est pas sans raison qu'on l'a surnommé le "Molière turc", car ses savoureuses comédies, dont les sujets sont tirés des scènes de la vie populaire, ont conservé toute leur fraîcheur, et leur attrait, et leur retentissement a été tel, qu'elles ont été traduites en plusieurs langues européennes et orientales.

Le théâtre azerbaïdjanien ne mérite pas seulement d'être apprécié pour ce qu'il a fait dans le passé, mais aussi pour ce qu'il continue de faire. Disons, à ce propos, que la vie théâtrale est très intense dans l'Azerbaïdjan, qui compte beaucoup de théâtres, dont quelques-uns monumentaux, où sont représentés par des acteurs et des actrices de valeur, des drames, des comédies, des opéras, des opérettes, des pièces classiques, romantiques, réalistes, dont un grand nombre écrits ou composés dans le pays même, le reste venant de l'étranger.

Shakespeare, Corneille, Racine, Molière, Schiller, Ibsen et d'autres génies occupent la place d'honneur dans ce vaste répertoire.

Tel est l'attrait du théâtre sur les Azerbaïdjanien, qu'ils en sont arrivés à ne pouvoir concevoir de vie civilisée sans spectacle.

Pour ce qui est de la musique azerbaïdjaniennne, elle n'est pas seulement prisée par les seuls Turcs de l'Azerbaïdjan, mais aussi par les autres peuples caucasiens, en raison d'une certaine similitude de goût. C'est ainsi que plusieurs opérettes azerbaïdjanien, comme Archin-Mal-Alan, sont données sur presque toutes les scènes de la Caucasic, notamment dans l'Arménie et la Géorgie, où elles

sont très en vogue. Ajoutons que les livrets en ont été traduits en plusieurs langues européennes.

Bien que cent ans se soient écoulés depuis l'établissement de la domination moscovite, le russe n'est parlé que dans les villes et par les éléments instruits qui sont en rapport avec les autorités. Partout ailleurs, s'emploie le turc azerbaïdjanien dont se servent même les colons russes installés dans le pays à l'époque du tzarisme.

Mirza Chéfi, idéalisé par le poète allemand Bodenstedt, dans le célèbre poème où il chante les beautés naturelles de la Caucasic et les exploits épiques de ses habitants dans leur lutte contre l'envahisseur russe, n'était pas, comme d'aucuns ont pu le croire, un personnage imaginaire, mais bien un philosophe en chair et en os, ayant vécu à Guendjé.

C'est un Azerbaïdjanien du nom de Hassanbek Zardabi, propriétaire du journal Ekindji (Le Laboureur) qui, le premier, a fondé un journal turc en Russie sous l'absolutisme.

La presse azerbaïdjanienne qui vient de célébrer le cinquantième anniversaire de sa fondation, a, dans l'espace des vingt dernières années, pris un développement remarquable. Il en est de même de l'imprimerie: actuellement il existe à Bakou une série d'ateliers très bien outillés ainsi que de grandes librairies où l'on peut se procurer des ouvrages en toutes langues.

L'Azerbaïdjan qui, au moment où il passa sous la domination russe, était composé d'un certain nombre de Khanats, régis pas un système féodal, formait, lors de la chute du tzarisme, un tout indivisible au point de vue culturel, politique et économique. La littérature, la presse, les beaux-arts s'y sont donné pour mission d'inculquer au peuple les idées de démocratie, de liberté et d'indépendance, afin d'en assurer le triomphe final.

Et il ne s'agit pas là d'un rêve nourri par quelques esprits romantiques, mais bien d'un but d'autant plus réalisable que l'Azerbaïdjan réunit toutes les conditions requises pour en assurer la réalisation. Analysons ces conditions.

Il y a d'abord la richesse naturelle du pays qui, grâce à l'abondance et à la variété de ses produits, se suffit amplement à lui-même. Ajoutons que cette richesse a été la principale, sinon l'unique cause du malheur qui s'abattit sur l'Azerbaïdjan, car elle excita la convoitise de son puissant voisin du nord. Toutefois, il n'en faut pas douter, le pays azerbaïdjanien renaîtra de ses cendres, et cette résurrection se produira le jour même où le monde sera témoin de la

consécration définitive du principe proclamant le droit des peuples à se gouverner eux-mêmes.

La ville de Bakou, célèbre par son pétrole, qu'on a appelé avec justesse: "l'or liquide", est la capitale de l'Azerbaïdjan. Les puits qui s'y trouvent produisaient avant la guerre mondiale les 20% du pétrole consommé dans le monde, venant immédiatement après ceux des Etats-Unis, dont le rendement atteignant 600 millions de pouds.

Un autre facteur de richesse sont les mines de cuivre, de fer, d'aluminium, etc., et les salines sans parler de l'or et de l'argent qu'on ne trouve cependant qu'en petite quantité.

Les importantes mines de cuivre de Guédébek, de Zenguézour et de Katar, bien que très imparfaitement exploitées, produisirent en 1913, trois millions 835 mille pouds de minerai.

Le fer, dont l'extraction est encore limitée, existe, selon des évaluations faites par des spécialistes, en quantité suffisante pour faire face à tous les besoins futurs de l'Azerbaïdjan, lorsque ce pays aura été industrialisé.

L'agriculture tient également une très large place dans l'économie nationale, la récolte moyenne de blé d'orge et de seigle, atteignant 56 700 000 pouds. Citons aussi le coton dont la récolte en 1919 a été de 4 725 000 pouds, et dont la culture, ainsi que celle de plusieurs autres plantes textiles, était connue des Azerbaïdjanais dès la plus haute antiquité.

Puis viennent la culture maraîchère, l'arboriculture fruitière et la viticulture, les vignes produisant annuellement 1 470 480 pouds de raisin et les vergers 3 000 000 de pouds de fruits dont on extrait une quantité considérable d'alcool, de vin, d'eau-de-vie et d'autres spiritueux.

Mentionnons également la sériculture, qui est florissante, l'industrie de la soie jouant depuis les temps les plus reculés un rôle prédominant dans la vie économique de l'Azerbaïdjan.

A la veille de la guerre mondiale, le dénombrement du cheptel accusa un total de plus de 4 500 000 têtes de bétail.

L'Azerbaïdjan est peuplé de gibier à poil et à plumes de toute espèce, et les eaux de la Caspienne qui baignent ses rivages sont très poissonneuses, surtout à l'estuaire du Kour et de l'Araxe, 45 millions de pouds de poissons furent pêchés dans les eaux territoriales en 1914, représentant une valeur de 17 135 000 roubles.

Enfin, n'oublions pas le caviar de Bakou, qui jouit d'un renom justifié.

Ces quelques chiffres ne peuvent donner qu'une faible idée de l'état économique de l'Azerbaïdjan, dont les sources de richesses sont si nombreuses qu'il faudrait un volume entier pour les décrire.

Situé sur l'isthme caucasique, le grand pont naturel qui relie l'Europe à l'Asie, l'Azerbaïdjan se trouve, grâce au port de Bakou, qui n'est jamais pris par les glaces, en possession d'un centre de communication unique pour le commerce des deux continents et surtout pour celui de la Russie et de la Perse, et c'est à cette circonstance que cette contrée doit d'être l'une des voies de transit les plus importantes du monde. Toute la vie économique de la Caucasic tourne autour de l'axe formé par le chemin de fer transcaucasique, axe dont l'un des pôles est Batoum et l'autre Bakou.

N'était l'intrusion d'une force usurpatrice étrangère, l'Azerbaïdjan mènerait maintenant une existence libre et indépendante, à laquelle il a droit au même titre que tous les autres peuples.

En ce qui concerne la capacité financière du pays, contentons-nous de dire que, selon une statistique datant de l'époque tzariste, la contribution annuelle de l'Azerbaïdjan au budget de l'Empire dépassait 164 millions de roubles. Que ne peut entreprendre et réaliser avec un revenu pareil un petit pays comme l'Azerbaïdjan, dont la superficie n'est que de 92 160 kilomètres carrés, et qui compte à peine trois millions et demi d'habitants!

Il s'était formé dans l'Azerbaïdjan une classe éclairée et instruite, capable d'administrer d'une manière rationnelle et fructueuse les richesses de cette contrée. Bientôt les producteurs et entrepreneurs azerbaïdjanais commencèrent à jouer un rôle de premier plan dans la vie économique du pays, se distinguant surtout par leur activité et leur énergie dans le domaine commercial, bien que les circonstances ne fussent guère favorables. La terre appartenait aux Azerbaïdjanais, l'élément essentiel et prédominant. Les immeubles des villes étaient pour la plupart la propriété de la bourgeoisie indigène. Les millionnaires, doués d'esprit d'initiative, étaient parvenus à gérer leurs affaires, d'après les méthodes les plus modernes, s'étant initiés à tous les secrets de la science financière.

La totalité des actions des entreprises purement turques et la majorité de celles des exploitations pétrolifères étaient détenues par les Azerbaïdjanais qui avaient également la haute main sur la navigation dans la Caspienne et possédaient à eux seuls l'unique fabrique de toile de la Caucasic, et les grandes minoteries qui y sont installées.

Dans l'ambiance culturelle et économique où il vivait, le peuple azerbaïdjanais devait nécessairement atteindre la maturité politique. Et il y arriva.

L'Azerbaïdjan s'acheminait résolument vers la liberté et l'indépendance auxquelles il aspirait de toute son âme, inculquant cet idéal aux jeunes générations.

Il existait déjà dans le pays un nombre suffisant d'intellectuels pour diriger le peuple dans la voie du salut où il s'était engagé. C'est cette phalange qui, dans le domaine de la littérature, des beaux-arts et de la presse déployait l'activité dont il a

été question plus haut. Politiquement, son action ne se bornait pas à l'Azerbaïdjan, s'étendant à toute la Russie où, durant la révolution de 1905, les intellectuels azerbaïdjaniens jouèrent un rôle des plus actifs dans l'organisation de partie politique *Ittifik* (Union), et servirent de guides à la fraction musulmane de la Douma.

Cette activité devait également se manifester au cours de la révolution de 1917-1918.

Au moment où la Russie se désagrégeait pour se diviser en un certain nombre de républiques nationales, il se constitua en Azerbaïdjan un parti "Moussavat", qui réclama pour les Musulmans de Russie la liberté et l'indépendance, et réussit à faire adopter son point de vue par le Congrès général des Musulmans de Russie qui se tint en 1917 à Moscou.

Sous l'influence du même parti dont il avait fait sien l'idéal politique, le Congrès musulman de Bakou, qui se réunit en avril 1917, proclama le principe de l'autonomie nationale. Plus tard, lors des élections pour l'Assemblée constituante russe, le parti "Moussavat", d'accord avec le bloc des comités nationalistes, lança le mot d'ordre de l'"Azerbaïdjan autonome", cette autonomie devant constituer dans son esprit le premier pas vers la séparation complète d'avec la Russie.

Les événements de 1918, qui se précipitèrent avec une rapidité vertigineuse, amenèrent enfin les Azerbaïdjaniens au but auquel ils aspiraient depuis de longues années. Le 28 mai, l'Assemblée nationale de l'Azerbaïdjan proclama l'indépendance du pays Azerbaïdjan, formé de la partie orientale de la Caucasic. Le manifeste y relatif précisait que la forme du gouvernement serait celle d'une république démocratique. Cet événement historique eut un grand retentissement dans le monde islamique auquel les Azerbaïdjaniens appartiennent de par leur religion, et dans le monde turcs dont ils font partie en raison de l'affinité de race.

Ce fut à une époque agitée que les Azerbaïdjaniens prirent leur place parmi les peuples indépendants. De suite, ils se heurtèrent à deux grandes difficultés, l'une d'ordre administratif, l'autre d'ordre militaire; il fallait former les cadres de l'administration et de l'armée, dont ils avaient été tenus à l'écart sous le régime tsariste; d'où leur inexpérience dans ce domaine. Ils ne se laissèrent pas décourager et, se mettant vaillamment à la besogne, ils réussirent à créer une armée de vingt-cinq mille hommes en l'espace de deux ans. Dans le même laps de temps ils mirent sur pied une organisation gouvernementale moderne, veillant à l'application intégrale dans toutes les branches de l'administration des principes démocratiques et entreprirent l'œuvre formidable des réformes politiques, sociales et

économiques. Le droit de vote fut accordé aux femmes qui, depuis la première fois en Orient participèrent à la vie politique. En même temps furent créés un grand nombre d'établissements d'enseignement, dont une Université.

Durant cette période, le peuple azerbaïdjanien fit preuve d'une remarquable maturité politique, montrant, par son attachement aux institutions républicaines, qu'il était à même de se gouverner lui-même; ce qui lui valut la reconnaissance de son indépendance par les puissances, le problème azerbaïdjanien prit ainsi un caractère international.

Mais hélas! Par un cruel arrêt du sort, cette belle expérience ne devait pas durer. Profitant de ce que certains événements qui venaient de se produire en Orient, des forces supérieures rouges pénétrèrent sans avertissement, dans l'Azerbaïdjan, en violation flagrante des principes proclamés par la Russie bolchevique à la face du monde entier, et dans la lutte inégale qui s'en suivit, l'armée azerbaïdjanienne eut le dessous.

Le pouvoir passa alors soi-disant aux mains des communistes indigènes, ou plutôt ils furent, en apparence, investis par les envahisseurs qui établirent un pseudo-gouvernement qui n'était qu'un trompe-l'oeil destiné à donner le change sur le véritable caractère de l'usurpation. Est-il besoin de dire que la "République soviétique azerbaïdjanienne" était complètement impuissante à mettre un frein à l'oppression sanglante des bolcheviks, qui, croyant n'avoir plus rien à redouter, se livraient à des excès inouïs.

Tout fut mis à sac, l'honneur des femmes outragées, la nation insultée. Outrée, celle-ci se souleva, appuyée par les débris de l'armée nationale. La ville de Guendjé, qui avait été témoin de la lutte épique de Djévad Khan*, fut la première à lever l'étendard de la révolte. On se battit avec acharnement, les bolcheviks éprouvèrent de grandes pertes, mais ils finirent par l'emporter et noyèrent la révolte dans le sang, poussant la sauvagerie jusqu'à exécuter sommairement des centaines d'intellectuels qui n'avaient pris aucune part au mouvement.

Six années se sont écoulées depuis cette tragédie. Ces années qui, semblait-il, se passèrent dans le calme et la tranquillité, furent en réalité une période d'effervescence pendant laquelle le désir de vengeance, qui couvait déjà au fond des cœurs, acquit une intensité ordinaire.

* Djévad Khan est un héros azerbaïdjanien qui tomba sur le champ d'honneur pendant la défense de la forteresse de Guendje contre les Russes, il y a cent ans.

Les combattants azerbaïdjanais, qui ont juré de reconquérir la liberté de leur pays et se consacrent à la réalisation de ce but, n'ont jamais, même dans les moments les plus critiques, perdu courage.

La terreur générale qui, en 1920 et 1921, régnait dans l'Azerbaïdjan, ne les a pas plus effrayés que le régime de terrorisme instauré de temps à autre par le barbare envahisseur sur différents points du pays.

L'envahisseur a beau procéder à des déportations en masse vers la Sibérie, remplir les prisons, violenter les consciences de ses victimes pour les amener à renoncer aux idées d'indépendance, de nationalisme et de démocratie. Rien n'y fait. Cette odieuse oppression a pour unique résultat de renforcer encore davantage l'esprit de lutte et de résistance. Conscient de son bon droit, le peuple est en pleine ébullition et se raidit de plus en plus, décidé qu'il est, à lutter jusqu'au triomphe. Les révoltes qui de temps à autre éclatent de ci, de là, et la résistance acharnée des combattants retranchés dans des montagnes où ne peut les atteindre la main du bourreau, ne sont-ils pas la preuve la plus évidente de l'opiniâtreté avec laquelle le peuple azerbaïdjanien défend sa cause? Les statistiques officielles bolcheviques ne sont pas moins éloquentes à cet égard, car on y déclare en propres termes, qu'en l'espace de trois ans, cinquante-six soulèvements furent réprimés dans l'Azerbaïdjan.

Qui donc ignore aujourd'hui que le pays qui, actuellement, porte le nom de "République soviétique azerbaïdjanienne", n'est qu'une contrée subjuguée à nouveau par la Russie et réduite par elle au rang d'une simple province ou colonie? Six ans auparavant, il se trouvait encore parmi les Azerbaïdjanais un certain nombre de personnes qui croyaient à la sincérité des promesses bolcheviques et qui prétendaient avoir trouvé la panacée qui guérirait les maux dont souffre l'Orient. Même, un grand nombre de compatriotes azerbaïdjanais ont fini par comprendre que tout cela n'est que mensonge.

Les peuples voisins de l'Azerbaïdjan, témoins des malheurs qui se sont abattus sur ce pays depuis l'invasion des bolcheviks, savent maintenant très bien que ceux-ci ne sont autre chose qu'une bande de pillards de la pire espèce.

Un manifeste publié secrètement à Bakou par le Comité de l'indépendance azerbaïdjanienne se termine par ces mots:

"La matière qui a servi à teindre en rouge le drapeau soviétique, c'est le sang des dizaines de milliers d'Azerbaïdjanais innocents.

Ce sang n'a pas été versé en vain, puisqu'il a réveillé le peuple azerbaïdjanien, qui saura bien mettre fin à la tyrannie de son oppresseur. O Turc de l'Azerbaïdjan! Prépare-toi à mener de toutes tes forces la lutte suprême qui assurera ta délivrance. Seule, cette lutte te conduira au salut. Ne t'abandonne pas au

désespoir pour avoir subi un malheur passager. N'oublie pas que le droit est de ton côté".

Ces quelques phrases résument admirablement l'esprit qui anime l'Azerbaïdjan militant de nos jours, esprit de révolte et de liberté.

Les révolutionnaires azerbaïdjanais, qui n'attendent le salut de leur patrie que de la lutte, pleine de sacrifices, engagée par l'Azerbaïdjan contre ses tyrans, se rendent parfaitement compte de la nécessité absolue d'une collaboration étroite, allant jusqu'à l'union, avec celles des autres républiques caucasiennes qui en partagent les peines et les souffrances.

Ressoul Zadé Mehmed Emin

Prométhée. 1926. M. 1. P. 25-31.

La Politique orientale des Bolcheviks

I

Trompeuses devises

L'une des devises trompeuses, bien que particulièrement chères aux bolcheviks, est celle qui s'applique à cette fameuse "politique orientale" don't ils ne cessent de parler. Ils la baptisent souvent de "politique coloniale". Voyons un peu comment les communistes envisagent dans les échanges internationaux, importation ou exportation, n'a jamais dépendu de la Russie; n'empêche qu'avec ce pays le gouvernement de Moscou n'a pu réussir à régulariser ses relations économiques et commerciales que l'an dernier. Il n'en est pas de même de la Perse dont les conditions économiques se trouvent presque exclusivement sous la dépendance de la Russie. Dans la période d'avant-guerre, plus de la moitié des échanges, importations et exportations se faisait pour le compte de la Russie. Profitant d'une situation géographique exceptionnelle, le commerce extérieur des Soviets a amené la Perse à un état d'esclavage sans exemple. Moscou ne se gêne déjà plus pour exploiter ce pays "ami".

La Russie rouge qui, de par un système de monopole d'Etat appliqué dans son commerce extérieur, est la seule acheteuse dans la Perse septentrionale n'a jamais hésité de recourir à des moyens spéculatifs. Le mécontentement de la bourgeoisie commerciale progressiste de la Perse était tel que, nonobstant les sympathies qu'elle avait manifestée au temps de la révolution bolchéviste, elle organisa contre ce régime un mouvement de boycottage qui dura plusieurs mois. L'opinion publique persane exprima son mécontentement en un langage amer, non seulement contre les innombrables sociétés soviétiques qui imposent leurs

conditions aux marchandises persanes, mais aussi contre la pression exercée par différents établissements économiques soviétiques. L'opinion publique persane se révolte encore avec non moins d'énergie contre la honteuse violation des articles du traité d'amitié conclu entre ces deux pays, lequel a pour base des principes élevés. Afin de donner une idée précise, bien que succincte, sur cette affaire dont se préoccupe ajuste titre la presse persane depuis plusieurs années, il suffit de parcourir un journal persan, depuis l'organe semi-officiel *Iran*, jusqu'au plus insignifiant journal de province. Voici du reste quelques cas flagrants de violation du traité par les Russes et dont les clauses se trouvent exposées dans une brochure fort documentée, publiée par M. Key-Ustuvau, député du Ghilan:

1. En opposition, de l'art. 3 dudit traité, les citoyens persans ne sont pas autorisés à utiliser les eaux du fleuve *Atrek*;

2. Le village de *Firoûzé* où se trouvent les célèbres mines de turquoï se n'a pas jusqu'à présent été rétrocédé à la Perse;

3. D'après l'art. 10, les quais du Bender-Pahlavi devaient être restitués à la Perse (ce port a été construit par la Russie tsariste en vertu d'une concession que lui avait accordée le gouvernement du Chah), or, rien quant à présent, n'a été fait dans ce sens;

4. En vertu de l'article 11, la flotte russe ne doit pas stationner dans les eaux territoriales persanes, n'empêche que des vaisseaux de guerre soviétiques circulent dans le Bender-Pahlavi et contrôlent les petits bateaux persans. Par contre, le gouvernement russe a empêché de faire entrer dans la Mer Caspienne par la voie de la Volga un petit bateau que le gouvernement persan venait d'acheter;

5. Contrairement à l'article 14, les Russes détiennent encore la pêcherie de *Chilât* située près de Bender-Pahlavi; l'Etat persan se trouve ainsi annuellement spolié d'une somme de 6 millions de livres au profit de la Russie des Soviets. Or, la pêcherie de *Chilât* dont la concession avait été obtenue par le gouvernement tsariste devait être restituée au gouvernement persan;

6. Les bolcheviks interprètent l'art. 19 d'une façon tout à fait arbitraire; ils insistent notamment pour appliquer, non pas les nouveaux tarifs douaniers, mais les tarifs imposés à la Perse par l'ancien gouvernement tsariste en 1903 et ce, dans l'intérêt exclusif de la Russie;

7. Contrairement aux termes de l'art 20, les produits persans ne jouissent pas du droit de transit sur le territoire russe.

Mais, en dehors de ce que nous venons de citer, le député de Recht parle des difficultés et des injustices auxquelles sont exposés en Russie les commerçants persans.

II

Les mouvements pour l'indépendance nationale et le bolchévisme

La lutte pour l'indépendance nationale a toujours été considéré comme un mouvement au-dessus des intérêts des classes; son but a toujours été de défendre les intérêts communs de la nation contre l'invasion ou l'exploitation étrangère. Alors que pour un communiste pur il n'existe pas de masse dans une nation dont les intérêts seraient communs entre les membres de cette masse. Les sociétés actuelles ne sont pour eux que des sociétés capitalistes, conséquemment, ces sociétés sont loin de constituer une unité compacte. Il n'y a que des classes rivales, se livrant entre elles d'interminables luttes. Si l'on abordait la question à ce seul point de vue, tout communiste, appartiendrait-il aux nations subjuguées et colonisées, ne pourrait lutter au noms des intérêts nationaux. C'est pour cette raison que les bolcheviks du début sont restés fidèles au marxisme primitif et qu'ils ont prétendu que la classe prolétarienne était une classe cosmopolite; d'après eux, la classe ouvrière n'avait guère de patrie et par conséquent entre le nationalisme impérialiste qui exploiterait les colonies et le nationalisme colonial ou semi-colonial qui s'est donné pour tâche de lutter pour la libération des pays orientaux, il n'y aurait, au moins en théorie, aucune distinction. La devise proclamant pour chaque nation le droit à l'autodisposition serait, d'après eux également, des vestiges de recul et de contrerévolution. Mais Lénine qui était un révolutionnaire pratique, avait agi, dans la question du mouvement de libération et d'indépendance nationale, avec plus de prudence encore que pour la question paysanne. Dans la période qui précéda son entrée dans la politique active, il aborda très adroitement les courants qui se dessinaient chez les nations subjuguées; il y découvrit les moyens propres à les exploiter et il adopta dès lors une ligne de conduite inconnu jusqu'à ce jour par les théoriciens bolcheviks. D'après cette ligne de conduite, "dans les pays tels que l'Angleterre, la France, l'Allemagne et l'Amérique, l'unité nationale, c'est-à-dire les points communs entre les différentes classes, a déjà fait son temps". Dans ces pays n'existent plus des questions pouvant intéresser la totalité de la nation d'une manière objective. C'est pourquoi il conviendrait, après avoir détruit l'unité nationale, de la remplacer par l'unité de classe. Par contre, dans les pays coloniaux ou semi-coloniaux, la question se pose d'une manière toute différente. Dans ces pays existent des nations déjà condamnées, peu on point développées au point de vue du capitalisme. Chez elles, la question nationale existe d'une manière objective; elle consiste à fonder la démocratie et à rejeter la domination de la nation étrangère.

D'après Lénine, la révolution sociale doit s'accomplir, non pas seulement sous forme de révolte de tous les ouvriers du monde contre le capitalisme universel, mais dans une combinaison internationale où entreraient les révolutions de différentes démocraties et les mouvements pour l'indépendance nationale des peuples coloniaux.

C'est pourquoi le besoin de faire entrer dans cette combinaison les mouvements pour l'indépendance des peuples orientaux, devenus après la guerre un facteur très important dans l'arène de l'histoire, en les exploitant au maximum, constituait évidemment pour le fondateur de la III Internationale une question de première importance. Pour les bolcheviks qui affirmaient qu'en Europe même, l'unité nationale n'avait pas encore fait son temps, comme on le croyait tout d'abord, et que la révolution sociale projetée "était en retard", il fallait attacher une importance primordiale au mouvement pour l'indépendance qui se dessinait chez les nations non développées de l'Orient et l'exciter dans l'intérêt du communisme.

Ce serait donc pour accomplir avec moins de perte leur retraite devant le capitalisme européen, en voie de retrouver sa stabilisation d'avant-guerre que les bolcheviks sont convaincus d'avoir fait une manœuvre. Si cette conviction, à l'instar des autres devises trompeuses des bolcheviks, n'avait pas caché un autre visage, l'Orient, décidé à se libérer du joug étranger pour entrer dans la voie de la démocratie, n'aurait pas eu des amis plus sûrs que les bolcheviks. Mais, hélas! le communisme qui, tout en donnant la terre au paysan, s'est bien gardé de lui en laisser les produits, et tout en soutenant, dans les pays d'Orient, les mouvements de libération des peuples, n'a pas pu se résoudre à accepter leur indépendance, aboutissement naturel de ces mouvements. Tout en s'efforçant d'expulser des pays d'Orient le capitalisme européen qu'il déteste, le communisme ne consentira jamais à ce que cet Orient libéré forme une démocratie indépendante de l'emprise de la III Internationale.

C'est encore une conséquence de ces manœuvres hypocrites que, tout en encourageant les mouvements pour l'indépendance des peuples orientaux et en leur fournissant une aide matérielle, les bolcheviks ne manquent pas d'organiser en même temps des partis communistes locaux, recevant leurs directives exclusivement de Moscou. Et tandis qu'aux chefs nationaux, aux chefs démocrates qui se trouveraient à la tête de ces mouvements, les bolcheviks se répandraient en témoignages d'amitié, ils n'auraient garde d'autre part de faire sentir aux masses populaires de ces pays que leur vrai libérateur est le parti communiste. Il ferait courir le bruit parmi ces masses que seuls les chefs nationaux sont des gens que l'on peut supporter pour le moment mais qu'en réalité ce ne sont que des usurpateurs et des ennemis de demain, du peuple; de plus, à la première occasion et à la moindre imprudence de ces chefs nationalistes les bolcheviks ne manqueraient

pas d'organiser des complots communistes en poussant le pays à la guerre civile. Les différentes manifestations de cette politique hypocrite se sont fréquemment produites au cours de la guerre de l'indépendance turque. L'aventure à laquelle s'étaient laissés prendre les communistes de Turquie, obligés actuellement de s'expliquer devant la justice républicaine de ce pays, prouve amplement ce que nous venons de dire. Mais l'exemple le plus tragique de pareilles aventures nous en est fourni par la Chine. Le télégraphe nous apporte la nouvelle qu'entre nationalistes chinois, hier encore alliés les plus étroits de Moscou et du gouvernement soviétique, vient de surgir un désaccord sanglant. Comme résultat, nous voyons les communistes chinois se séparer du *Kuomin-dang*, nous assistons à leurs attaques armées contre les nationalistes et à la création d'une république soviétique chinoise.

La manière d'agir des bolcheviks est en tous lieux la même, non seulement en Chine, mais partout où l'occasion se présente.

III

Les Leçons de L'Expérience chinoise

M. Boukharine, qui est le théoricien de la dictature actuelle de Staline, a lu, au XV Congrès communiste, tenu ces jours derniers, un rapport très détaillé sur la III Internationale communiste, traitant de la question des mouvements nationaux et, pour expliquer les liaisons qui existent entre les questions coloniales et l'Internationale communiste, il a cité la fameuse thèse de Lénine que nous avons expliquée dans notre précédent article. Passant ensuite aux événements de Chine, il dit:

"Si, dans les pays arriérés, Lénine appuyait les mouvements qu'on y remarquait dans le sens de l'indépendance et de l'unité nationale, il ne s'ensuit pas que cet appui leur doive être maintenu au moment où ces mouvements menacent de tourner contre la classe ouvrière. Par suite, la cause qui nécessitait le renforcement de *l'unité nationale* n'existant plus, le fait même d'appuyer ce mouvement doit disparaître du même coup". (*Pravda* du 13 décembre, n° 285.)

Le fait de savoir si l'unité nationale est tournée contre la classe ouvrière ou non, peut se déterminer, d'après M. Boukharine, par les rapports et la manière d'agir envers le parti communiste. Si, dans un pays oriental déterminé, la liberté du parti communiste était soumise à des mesures d'ordre général, que les communistes se trouvaient poursuivis et que les droits et privilèges des syndicats ouvriers fussent limités, il ne saurait être question dans de tels pays d'aspirations nationales, communes à ses différentes classes. Un gouvernement qui poursuivrait le parti

communiste, même s'il s'agissait d'un gouvernement oriental luttant pour son indépendance nationale, serait considéré comme un gouvernement réactionnaire et il ne saurait y avoir de distinction entre ce dernier et les gouvernements capitalistes de l'Europe.

D'après M. Boukharine, les nationalistes chinois ne sont autre chose qu'une force noire réactionnaire, passée dans les rangs de l'ennemi. Non seulement la Chine, mais aussi les mouvements nationalistes des Indes, pas plus que la Chine, ne sauraient dorénavant retenir l'attention de M. Boukharine.

L'industrie hindoue s'étant développée pendant la grande guerre, a créé une classe de bourgeoisie locale avec laquelle on doit compter. Cette bourgeoisie se ralliant au début au mouvement de l'indépendance nationale qui se dessinait dans le pays, se déclara pour la devise de l'unité nationale et aida puissamment les révolutionnaires hindous.

Instruit par l'expérience des événements chinois, l'impérialisme anglais se montra beaucoup plus prudent. Il prit, à l'égard des fabricants et industriels hindous, une attitude conciliante, cherchant avec eux un terrain d'entente; et aussitôt certaines mesures furent envisagées, notamment l'abolition des taxes mettant les produits anglais dans une position privilégiée par rapport aux produits hindous; de cette façon il put se concilier les bonnes dispositions de la bourgeoisie hindoue et l'empêcher de se laisser entraîner dans les mouvements extrémistes. Si bien que, de nos jours, la bourgeoisie hindoue s'étant mise d'accord avec les impérialistes anglais, n'a d'autre désir que d'entrer en lutte contre les "agents de Moscou"; conséquemment, elle a préféré tester avec ses anciens maîtres, les Anglais, dont elle connaît les dispositions et le caractère, que d'unir son sort à celui d'un pays dont la position lui est inconnue.

En présence d'une telle situation, M. Boukharine montre de l'esprit et il arrive à cette conclusion: "Désormais, il ne nous sera plus possible d'entrer dans un parti tel que le *Kuomintang*, en Chine, et de nous fixer pour longtemps avec les nationalistes hindous. Car, dit-il, la tâche qui nous incombe ici, dès le début, ne consiste pas seulement à critiquer la bourgeoisie hindoue, mais à découvrir aussi les dessous des agissements de cette bourgeoisie; car, ajoute-t-il encore, elle est loin de se conformer aux conditions posées par Lénine. Tout d'abord, elle n'est pas préparée à soutenir une lutte prolongée avec les impérialistes anglais; de plus, menant contre les communistes une lutte active, elle ne leur donne pas la liberté dont ils auraient besoin".

Après l'échec subi en Chine, M. Boukharine commence à redouter d'en subir un nouveau aux Indes.

"Si nous prenons, dit-il, les autres pays, tels que l'Égypte et la Perse, nous nous voyons obligés de suivre attentivement les conditions objectives dans

lesquelles se trouvent ces pays. Chacun de ces pays, en effet, possède des particularités telles qu'elles nous obligeraient, si elles étaient bien étudiées, à prendre certaines mesures, autres que celles nécessitées par la politique générale dans les colonies".

A l'instar de M. Boukharine qui, au nom du parti communiste russe dont il est le fervent représentant et au nom de la III Internationale communiste, a reçu sa part d'expérience dans les événements chinois, les patriotes des pays orientaux ne sont pas restés en arrière. Dans la glorieuse lutte qu'ils poursuivent, non pour des idées chimériques, telles que la révolution communiste, mais pour des idées réelles, pour l'unité nationale, l'indépendance et la démocratie nationale, ces patriotes doivent tirer parti à leur tour de l'expérience acquise. Ils doivent, avant tout, ne pas perdre de vue les manœuvres des agents moscovites qui agissent sous le masque de l'amitié.

IV

La définition de M. Boukharine et l'interprétation de Mahmoud bey

D'après M. Boukharine, la République turque serait entrée à son tour après la Chine et comme aux Indes dans la catégorie des pays où l'on poursuit "les agents de Moscou". Il est certain, en effet, qu'en Turquie, le parti communiste n'est pas libre et que les membres de ce parti sont l'objet de poursuites. Si M. Boukharine, dans le discours où nous avons puisé ces données, ne parle pas clairement de la Turquie, un des agents de la III Internationale, M. Kitaygorodski, a expliqué en détail cette question dans une série d'articles publiés dans les journaux communistes officiels de Moscou.

La *Pravda* du 26 août dernier (N° 193): "Le mouvement des travailleurs en Turquie"; et dans celle du 30 août (Ne 196).

Dans l'un des précédents numéros de *Prométhée* nous avons parlé de ces deux articles de la *Pravda*. Mais il en est un autre, non moins intéressant, de ce même Kitaygorodski publié dans la revue bi-mensuelle *Bolchevik*, intitulé: "Des extraits sur la Turquie kémaliste". Ledit article est complété d'une note où il est dit notamment ceci: Les publications parues jusqu'à présent dans la presse périodique sur la Turquie kémaliste ont un caractère unilatéral. Nous avons décrit maintes fois, en les expliquant, les actes réformateurs du gouvernement d'Angora. Dans le présent article nous nous proposons de mettre à jour les côtés de la Turquie restés dans l'ombre; les voici:

"La Turquie, disons-le tout d'abord, n'est pas une république démocratique nationale, elle est tout simplement une république bourgeoise libérale. Le parti

populaire est le parti des nouveaux-riches, et Mustapha-Kemal-pacha est le leader et le héros de ces nouveaux riches; le paysan turc est mécontent de ce régime et quant à l'ouvrier turc, il est misérable et malheureux..."

Après avoir parlé de la Turquie d'une manière si incorrecte, M. Kitaygorodski conclut:

"La diplomatie rouge doit être sur ses gardes; dans les conflits internationaux qui peuvent surgir, il est indispensable d'assurer la neutralité de la Turquie à l'égard des Soviets, non par de vaines paroles, mais par des actes!"

De son côté, M. Boukharine expose le problème des garanties dans un discours prononcé au XV Congrès communiste. Il les développe sous une forme plus générale, plus fondamentale, exigeant ces mêmes garanties de tous les pays orientaux. Le plus sûr garant serait, à n'en pas douter, pour la III Internationale, si le parti communiste, dans les pays en question, était prêt à se révolter au moment opportun. Si le journal *Milliyet*, de Mahmoud-bey, député de Séerd, émet l'idée que l'on ne saurait tenir pour responsable le gouvernement soviétique des agissements de la III Internationale, on ne doit cependant pas perdre de vue que M. Boukharine, chef de ladite Internationale, est en même temps membre du Comité central du parti communiste, et du *Bureau politique*. Il ne faut d'ailleurs pas oublier que c'est au parti communiste de l'Union soviétique et non pas au Congrès de la III Internationale que M. Boukharine a fait admettre sa formule, définissant le caractère du pays oriental, lequel doit être considéré comme une force réactionnaire sur lequel on ne pourrait compter. Il n'est donc plus permis de considérer le gouvernement soviétique et la III Internationale comme étant deux institutions distinctes les unes des autres; elles ne sont, en réalité, que les deux faces d'une même monnaie.

V

Le Péril communiste existe

Des faits que nous venons d'indiquer il ressort que la III Internationale ou plutôt, en la désignant par son propre nom, *le parti communiste russe*, mieux encore le gouvernement soviétique, a complètement changé sa ligne de conduite à l'égard des mouvements nationaux qui se dessinent en Orient.

Nous voyons que les stalinistes, tout en refusant théoriquement d'appliquer "l'action directe" dans la question chinoise, la devise que leur avaient proposée les opposants trotskistes, viennent cette fois de l'appliquer en fait.

Les affirmations de M. Tchitchérine, d'après lesquelles le gouvernement soviétique n'aurait absolument rien su de la révolution soviétique de Canton, ne peuvent satisfaire personne. Avant même qu'arrivât à

Moscou la nouvelle concernant la répression par les nationalistes chinois du mouvement révolutionnaire de Canton, le journal *Pravda* publiait en première page un appel du Comité exécutif de la III Internationale adressé aux travailleurs du monde entier. Dans cet appel, lancé à l'occasion de l'anniversaire de la grande révolution chinoise, on félicitait les travailleurs révolutionnaires universels et l'on y annonçait que le gouvernement soviétique, isolé parmi les puissances bourgeoises, trouvait un appui effectif dans cette révolution. Conséquemment, on invitait les masses populaires de l'Union soviétique et surtout les ouvriers et paysans du monde entier, à venir au secours des héros chinois.

Il n'est pas de nation orientale, désireuse d'empêcher la propagande communiste de se développer chez elle, et résolue de mener la lutte pour son indépendance nationale en toute liberté, en dehors de toute protection et tutelle, qui ne puisse être assurée qu'à la première occasion, elle ne soit l'objet d'un tel appel.

Ceux qui croient que, du fait même que leur pays est agricole et de petites propriétés, qu'il ne possède qu'une industrie fort peu développée, conséquemment sans prolétariat, n'a pas à redouter la propagande communiste, commettent une grave erreur. Car le socialisme surgissant spontanément à la suite du développement naturel d'un pays, par suite de l'apparition du prolétariat, de l'agrandissement des villes, de la concentration des capitaux, de l'industrialisation de l'agriculture, obligé qu'il est de revendiquer ses droits est autre chose que le communiste du type russe.

Si, en réalité, le communisme devait être considéré comme étant le produit d'un pays industriellement développé, il devrait dans ce cas apparaître, non pas en Russie, mais en Europe ou en Amérique. On sait que, parmi les Etats européens, la Russie est le pays le moins développé industriellement; un pays dont les 85 % de la population sont des paysans. Or, nous voyons que les pays les plus exposés en Europe à la révolution communiste sont justement ceux qui sont le moins industriels. L'Allemagne elle-même, pays des plus industriels qu'il soit, est considéré, malgré la défaite subie pendant la guerre, comme étant celui où le parti socialiste est plus fort que partout ailleurs. Cela ne l'a pas empêchée de se défendre du communisme. L'on n'ignore pas que, parmi les facteurs qui ont sauvé l'Allemagne du communisme, se trouvaient des social-démocrates allemands, lesquels cependant avaient une éducation conçue dans l'esprit du marxisme. On ne saurait trouver d'adversaire plus acharné du bolchévisme que le théoricien Kautski. Le bolchévisme, au lieu d'être une école européenne, ainsi que se l'imagine le

socialisme "scientifique", est plutôt un courant né de l'esprit utopiste et anarchiste russe.

Les causes sociologiques qui alimentent et renferment ce courant ne sont pas le fait du seul mouvement ouvrier, elles sont plutôt le résultat de mécontentements sociaux. Par ses principes extrémistes, par ses promesses trompeuses, susceptibles d'impressionner les esprits simples et primitifs, le bolchévisme peut, au moment de son apparition, tourner la tête de certains individus. Dans la période de transformation que traverse les pays orientaux, imbus et animés des grands idéals historiques, tels que l'unité nationale, l'indépendance et la démocratie nationale, il est impossible de satisfaire d'un seul coup à tous les besoins du pays et de contenter toutes les classes et tous les groupements.

Il est possible, au contraire, que, par suite des nécessités de l'œuvre entreprise, le nombre des mécontents ait provisoirement augmenté. En pareil cas, le courant qui menacerait les démocraties nationales serait plutôt une réaction rouge que noire. Il peut arriver même que le communisme se serve secrètement de certains groupements avec lesquels il n'aurait aucune affinité dans l'idéal poursuivi, et à l'égard desquels il peut devenir hostile, ennemi même dans l'avenir. Dans les pays d'Orient, y compris la Turquie, les réactions ont toujours été comme des instruments pour les intrigues de l'étranger. Il en a été de même pour le dernier mouvement réactionnaire, en Turquie; mais cette fois il a été bien puni. Il n'a, d'ailleurs, en raison de son passé et vu les nécessités du temps présent, conservé aucun crédit. Par contre, les intrigues du communisme n'ont pas le même caractère; il est capable d'influencer la jeunesse. D'autre part, en raison des nécessités de la politique internationale, la politique suivie jusqu'à présent, en Turquie par exemple, n'a pas manqué d'agir d'une façon objective sur cet égarement des esprits. Par conséquent, tout en appliquant les réformes qu'exige la démocratie, il est bon aussi de faire attention aux intrigues de la III Internationale, ces intrigues pouvant fort bien compromettre ces réformes.

Ceci est très important en ce moment. Car le communisme, sentant sa fin s'approcher, dans l'espoir de respirer plus librement dans l'encerclement international qui l'enserme, se voit obligé de pousser les nations orientales à des actes extrémistes et, pour donner aux luttes de l'indépendance de ces nations la forme qui lui conviendrait le mieux, il voudrait jouer un rôle plus agissant sur ces mouvements. C'est en cela que réside toute la portée des événements de Chine et c'est à cela que faisait allusion la formule de M. Boukharine. C'est aussi ce résultat que voudraient obtenir M. Kitaygorodski et le parti communiste de Turquie. En présence de tels désirs ainsi cristallisés, ne nous laissons pas bernier par l'assurance que manifestent certains journaux lorsqu'ils déclarent que la Turquie n'est pas encore un pays "industriellement développé".

Soyons sur nos gardes contre le communisme du type russe, toujours désireux d'exploiter d'une manière démagogique tous les mécontentements du jour.

Rassoul Zadé

Prométhée. 1928. N°20. P. 10-14; N°21. P. 6-11.

L'unité du Caucase

L'un des principaux stimulants qui contribuent à inspirer les peuples du Caucase, l'Azerbaïdjan en particulier, dans la lutte pour l'indépendance est l'idée de l'unité du Caucase. Le facteur qui pousse les peuples habitant des deux côtés de la chaîne du Caucase entre la mer Noire et la mer Caspienne est la constitution d'un front unique qui doit amener le triomphe de ces peuples dans la lutte entreprise contre l'ennemi commun. L'exemple le plus frappant de cette union est tout entier dans la Suisse actuelle. La réalisation de cette conception de "l'unité du Caucase" est en connexion parfaite avec l'acceptation par les peuples du Caucase de l'idée d'une Confédération du Caucase. De par sa situation géographique, le Caucase constitue une unité géographique. Le jour où cette unité assurera son indépendance politique, elle aura dans le monde une signification importante. Sacrifiée par les méthodes russes d'exploitation, cette riche contrée pourrait produire en abondance, avec un système plus rationnel, du travail adapté à la culture mondiale.

Cette conception occupe une place importante parmi les principes que défend l'organe *Odlu Yourt* ; faire ici-même, dans un article, l'énumération des avantages qu'elle peut offrir est chose difficile, mais dans une série d'articles que nous nous proposons de publier par la suite, il sera, croyons-nous, possible d'éclairer cette question sous tous ses aspects. Pour le moment, nous nous bornerons à présenter le problème au seul point de vue politique.

La Russie traverse en ce moment une crise bien grave. Le système bolchevik s'effondre de lui-même. Les tissus de l'unité soviétique se dissocient. Les causes sociales ayant créé la révolution communiste disparaissent et les hommes eux-mêmes ayant tiré parti des conditions ayant amené le régime bolchevik, disparaissent à leur tour de la scène politique.

Le dictateur Staline, ce deuxième ou troisième apôtre de Lénine qui avec tant de soin a écarté les chefs influents de la classe ouvrière, les Trotski, les Zinoviev, les Radek, les Boukharine, les Tchitchérine et autres, se trouve lui-même entouré d'éléments hostiles au "Pouvoir ouvrier" et c'est avec peine qu'il parvient à gouverner grâce à une poignée de courtisans.

Ayant fait bloc avec l'aile droite du parti, c'est-à-dire avec les partisans des larges concessions aux paysans, Staline écrasa les partisans de la révolution permanente, c'est-à-dire les trotskistes. Mettant ensuite en pratique certaines thèses

de Trotski, il bat les partisans de MM. Rykov et Boukharine. Par l'élaboration d'un plan fantastique d'industrialisation, dit "quinquennal", et grâce au bluff d'une grandiose manifestation du prolétariat mondial, le 1 août, on espère tromper l'opinion publique. En dépit de ces démonstrations, ceux qui connaissent l'état actuel de la situation en Russie, conçoivent parfaitement, que le régime soviétique est voué à la chute. Staline, qui ne gouverne qu'en s'appuyant sur une bureaucratie rouge, est assiégé de tous côtés par une vague hostile au régime, laquelle compte à la fois un front intérieur et extérieur.

On connaît la situation du front intérieur: innombrables oppositions au sein du parti, oppositions des intellectuels et des paysans ayant pour résultat le déchainement d'une effroyable crise économique, des soulèvements paysans, des attentats, le tout précipitant la crise mortelle du régime rouge.

La situation du front extérieur n'est pas moins connue: la Russie qui menaçait d'un incendie le monde capitaliste, se trouve elle-même, en raison de son isolement politique, dans une situation difficile, surtout après le soufflet reçu en Extrême-Orient. N'est-ce point instructif que tout cela?

L'un des facteurs qui, à l'intérieur, contribue le plus à saper les fondements du régime soviétique, est le mouvement des nationalités. Parallèlement avec le mouvement basé sur l'individualisme paysan contre le collectivisme communiste, croît et se développe le mouvement séparatiste des éléments non-Russes contre le centralisme impérialiste rouge. Ces deux facteurs se développent d'un jour à l'autre; ils sont appelés à jouer un rôle de premier plan dans la chute du bolchévisme.

Les séparatistes sont-ils à même de tirer parti de la résistance paysanne, de l'opposition paysanne, et de prendre en mains l'initiative afin de s'opposer aux entreprises agressives des Russes qui viendront après le bolchévisme, ou bien les éléments russes antibolchéviks prenant la tête du mouvement contre le pouvoir rouge, réprimeront-ils le mouvement des nationalités de Russie? Le devoir sacré des séparatistes consiste à ne pas permettre cette deuxième possibilité. Et, pour accomplir ce devoir sacré, les peuples du Caucase doivent constituer un front unique, écarter les divergences qui les séparent. Cette unité ne sera réalisée que le jour où tous les peuples habitant le Caucase accepteront l'idée d'une Confédération. Tout en conservant dans leur entier leur indépendance et leurs particularités, les nationalistes de la Confédération du Caucase accroîtront leurs forces pour défendre leur indépendance. Cette union des peuples du Caucase trouvera une sympathie toute particulière parmi les voisins de Turquie et de Perse. Est-il nécessaire d'expliquer longuement l'utilité que présentera à ces deux Etats musulmans l'existence d'un Caucase indépendant? Laissant de côté tout autre argument, il suffit de s'adresser à n'importe quel officier d'Etat-Major pour obtenir de lui les motifs qui prêchent pour l'utilité de l'existence d'un Etat tampon comme le

Caucase. Après avoir essuyé l'amertume des fautes passées et avoir reçu une instructive leçon pour l'avenir, l'idée de l'unité caucasienne se fortifie parmi les peuples du Caucase, et c'est pourquoi il faut s'accrocher à ce facteur bien naturel et faire l'impossible pour qu'il soit un idéal dominant. Et cela d'autant plus que toute tentative faite à l'avenir en dehors de l'idée de l'unité politique du Caucase ne pourra être profitable qu'à la Russie. Nous sommes convaincus que les peuples du Caucase sont prêts à faire toutes les concessions, tous les sacrifices désirables pour la réalisation de l'unité caucasienne. Les pays qui seraient désireux de ne pas avoir de frontière commune avec la Russie doivent, il nous semble, se réjouir d'une telle perspective.

La tâche qui consiste à unir les peuples du Caucase sous forme de Confédération nous semble d'autant plus facile et naturelle, que la vieille Europe d'après-guerre travaille, elle aussi, au problème qui tend à créer une Confédération des Etats-Unis d'Europe.

Rassoul Zadé

Prométhée. 1929. №36. P. 5-7.

En esclavage chez les russes

Un journaliste du Caucase en même temps qu'homme politique, a trouvé sous l'épithète de "Volontaires de l'Impérialisme russe", une expression particulièrement heureuse. Il ne serait pas superflu, semble-t-il, d'ajouter à ce titre, le déterminatif "esclavage de la Russie"!

Un frappant exemple de cet esclavage nous est donné par un journaliste arménien A. Khondkarian. Pour nous servir de l'expression si réussie de l'organe ukrainien *Trizoub*, ce "patriote russe arménien" a publié, sous le titre "Au service de la Turquie", un article, dans les *Dni*, hebdomadaire de l'ancien Président du gouvernement provisoire russe, M. Kerenski. Ledit article a été écrit à la suite d'une déclaration parue sous la signature des représentants des peuples opprimés de Russie, en vue d'un Congrès qui devait s'ouvrir à Genève.

L'activité séparatiste des peuples groupés autour de la revue *Prométhée*, paraissant à Paris et dont les aspirations ne tendent rien moins qu'à une libération du jong de la Russie, a plus profondément piqué au vif l'Arménien Khondkarian que les Russes même. Songez un peu! Est-ce de ces chagrins qu'on peut facilement supporter?.. Le Caucase, l'Ukraine, et le Turkestan, non seulement ne veulent point rester sous le pouvoir de la Russie, mais encore ils osent le déclarer à la face du monde, exigeant leur indépendance... L'indépendance!! Quels que soient les sentiments esclaves qui se cachent au plus profond de leur âme, quel que soit leur désir de rester dans la "prison des peuples", les Khondkarian ne sont pas assez naïfs

pour ignorer tout, ce qu'ont d'odieux les attaques contre les aspirations dont il a été parlé. Ces attaques ne peuvent être faites sans se trahir eux-mêmes; de plus, de pareilles attaques ne répondraient point à l'idée extérieure qu'on se fait de l'organe de M. Kerenski, lequel porte tout de même les couleurs du socialisme.

La campagne enfin contre le séparatisme trouverait difficilement la sympathie dans le milieu national auquel appartient M. Khondkarian, car là encore on parle de l'indépendance de l'Arménie.

Ces considérations permettent d'affirmer que M. Khondkarian, négligeant la vérité, s'efforce de prouver le manque de sincérité du "séparatisme" en Russie. Dans ce but, agissant à l'exemple de certains démagogues arméniens habitués de longue date à altérer le véritable sens du "pantouranisme", il s'attarde à ce thème et tâche de tirer parti d'un prétendu ouvrage en préparation sur la "Turquie et le Panturquisme" de l'un de ses confrères Zarevand. S'emparant de certains passages de ce livre, en préparation, il essaie de démontrer que le but fondamental des séparatistes turko-tartares qui se trouvent groupés autour de Prométhée, n'est pas d'organiser leur propre existence, mais plutôt de se séparer de la Russie pour s'unir à la Turquie. Et pour arriver à le prouver, M. Khondkarian a recours, suivant ainsi l'inclinaison de son âme d'esclave, à l'étrange méthode que voici: d'après lui, l'un des journalistes de Kazan aurait commis un crime impardonnable du fait qu'il se serait par trop intéressé aux productions littéraires de la Turquie... Il est certain, pense M. Khondkarian, que s'il prend la fantaisie à quelqu'un de développer ses goûts et connaissances littéraires en s'inspirant de productions littéraires autres que celles de la Russie, c'est commettre un crime des plus graves.

Non moins impardonnables est le fait pour les pays turko-tatares d'avoir manifesté de la joie et de l'intérêt pour la Turquie lors de la proclamation de la constitution dans ce pays. Comment admettre que quelqu'un s'intéresse à la constitution turque, à la vie politique de la Turquie, au nationalisme, au Kémalisme, du moment qu'il existe une constitution russe, un nihilisme russe, une anarchie, un communisme, un léninisme russes?..

Si la seule lecture des journaux paraissant à Stamboul et le fait de montrer de l'intérêt pour les libertés turques peuvent être considérés comme une trahison envers le patriotisme russe, il est facile de se représenter l'impression que peut produire tout acte considéré hostile à l'impérialisme russe. N'est-ce point vous qui, au cours de la guerre, n'avez pas défendu les frontières de la Russie avec toute la vaillance que comportait la situation? Peut-on compter pour russophiles ceux qui sympathisent à un Confédération du Caucase? Ne pressentez-vous point déjà quels en seront les résultats? Il vous arrivera en Russie ce qui est arrivé en Turquie à l'Arménie. Attendez-vous à cela!..

M. Khondkarian se trompe profondément s'il croit que nous sommes de ceux qu'on peut asservir par la menace. Dans la lutte pour notre liberté, pour notre indépendance, nous faisons état des formules du siècle. La défense des frontières de l'impérialisme russe, constituées par suite d'annexions successives et d'une politique d'oppression, ne saurait être un idéal pour nous. Lorsque l'empire russe, à une époque où il pourrait nous accuser de lui manquer de fidélité, entra dans le domaine de l'histoire, l'on voit apparaître M. Khondkarian et ses accusations déplacées qui témoignent, on ne peut mieux, de l'état d'esclavage de son âme. L'expression "plus royaliste que le roi" ne convient-elle pas à la personne de M. Khondkarian? Le lecteur jugera!

Quoi qu'il en soit, nous déclarons que nous ne nourrissons aucun sentiment d'animosité contre le peuple russe habitant les frontières de son territoire; au contraire, nous lui souhaitons bien-être et prospérité! Mais nous devons bien reconnaître que nous sommes ennemis de l'impérialisme russe, quelle qu'en soit la couleur, de cet impérialisme, qui nous ayant attelés à son char, empêche l'édification d'une vie à nous, d'une vie qui nous est propre avec ses institutions et sa culture. Affirmer ces sentiments à la face de l'impérialisme russe, que ce soit dans le passé, dans le présent ou dans l'avenir, ne saurait nous déplaire, moins encore nous en cacher. Et nous sommes persuadés que l'histoire et l'opinion publique du monde entier ne sauraient nous désapprouver. L'exemple de la Tchécoslovaquie en est un témoignage; l'on ne saurait en effet l'accuser de "trahison" envers l'Autriche du fait que pendant la guerre, ses ressortissants patriotes passèrent le front russe.

Passant à la question du "pantouranisme" nous estimons utile de donner quelques détails sur certains milieux où ce problème se trouve mis à l'ordre du jour. Il convient tout d'abord de signaler que, de même que parmi les peuples slaves, l'idée de former un seul groupement, a germé parmi les peuples turks.

La conception d'un tel groupement a pris, avec le temps, un caractère romantique qui n'a pas été sans faire sentir son influence bienfaisante et progressive par comparaison avec l'idéologie religieuse-islamiste qui absorbait jusqu'à ce jour la vie du monde turko-tatare. Toutefois, le pantouranisme possédant des conditions et possibilités bien inférieures au panslavisme, est arrivé en un laps de temps bien plus court à des déductions que le panslavisme avait déjà faites. Et c'est pourquoi de nos jours, les plus ardents pantouraniens n'ont d'autre souci que de chercher le moyen de conserver le plus possible la culture générale de leur pays dans son intégrité.

Les Arméniens "patriotes russes" ont exploité à dessein l'article de M. Aïaz Ishaki bey, consacré à l'unité turque et aux obligations de la Turquie par rapport à cette union, pour se livrer à une violente critique dans le journal *Inkilap* paraissant à Angora. Dans cet organe auquel collaborent depuis très longtemps certains journalistes turkistes, a été publiée, malgré l'opposition d'Ali Haïdar Emir bey sur lequel spéculait M. Khondkarian, une vive critique des idées exposées par Aïaz bey sur la nécessité pour la Turquie de défendre les intérêts des autres pays turks.

La discussion autour de ce problème ne se limita pas à une seule polémique de presse, elle se manifesta sous un aspect plus réservé dans la philosophie de la politique des penseurs et des hommes politiques de Turquie. Grâce à cette conception, le nationalisme turk se modernise, il se transpose pour passer du plan raciste à un système essentiellement national.

Les adeptes de ce système national avec le grand historien Mukrimin Halil bey ont même fondé une école spéciale d'"Anatoliens" avec pour but de propager l'idée en vertu de laquelle le mot "turk" indiquerait, non pas une "nationalité", mais une "race". Il n'existe pas de nationalité turque, disent les Anatoliens, mais il existe divers groupements nationaux turks.

Développant cette idée, les "Anatoliens" sont allés si loin qu'ils ont été jusqu'à proposer de désigner la Turquie sous le nom d'*Anatolie*, attendu, disent-ils, que le mot "Anadolou" convient mieux à la personnalité du turc que le mot "turk" (cf. mon article: "Le caractère essentiel du nationalisme de la Turquie", *Prométhée*, mai 1928, n 18).

Il est bon de souligner que le succès de cette idéologie néo-turque n'est pas seulement du domaine académique. La politique appliquée au cours de l'édification d'une nouvelle vie nationale en Turquie, s'harmonise parfaitement avec la conception des principes nationaux qui caractérisent les démocraties actuelles.

Par opposition au romantisme d'hier, le nationalisme effectif d'aujourd'hui en Turquie ne porte plus le nom de "pantouranisme", pas même celui de "panturquisme", mais simplement celui de "turquisme".

Entre le pantouranisme d'hier et le turkisme d'aujourd'hui, existe cette même différence qu'on rencontrait autrefois dans les conceptions du panslavisme des idéologues de Tchécoslavaquie entre Palatski et Gavlitchek. L'on sait que le premier envisageait un grand empire slave sous l'hégémonie de la puissante sœur russe, seule capable de présider à la libération des Tchèques. Le deuxième restait fidèle au slavisme comme par opposition à cette illusion. Il se plaça sur un terrain plus réel et lança le mot d'ordre suivant: "La libération des Tchèques se réalisera par leurs propres forces", si bien que la Tchécoslavaquie actuelle est pour ainsi dire l'aboutissement de cette idée réaliste. Si donc l'idée d'une union des Slaves n'a pas empêché la création d'une Tchécoslavaquie, pourquoi l'idée d'une union de tous les

Turks empêcherait-elle la renaissance de l'Azerbaïdjan au sein d'une Confédération caucasienne? Il peut fort bien se trouver de par le monde un idéaliste dans le genre de Polatski pour envisager qu'un beau jour, tous les peuples slaves, les Tchécoslovaques en particulier, puissent constituer une unité politique, sans que cette idée soit de nature à nier le fait de l'existence de la Tchécoslovaquie en tant qu'Etat indépendant. Cette éventualité peut fort bien se réaliser avec l'union du monde turk. En dépit du désir de conserver certaines richesses culturelles, résultat d'une communauté d'origine, les peuples turks aspirent à constituer une série d'Etats indépendants.

Seuls les volontaires de l'impérialisme russe ou les esclaves de la Russie peuvent ne pas remarquer leurs tendances, les prendre en suspicion du fait qu'ils tiennent à conserver certaines richesses culturelles, communes à tous les Turks.

Sans nier le fait, que la conception d'une union des peuples turks a inspiré jusqu' à un certain point l'idée de l'indépendance azerbaïdjanienne, nous pouvons néanmoins affirmer que pour les nationalistes azerbaïdjaniens, en tant que réalistes en politique, ces conceptions n'offrent de l'intérêt que pour les questions d'ordre culture. C'est pourquoi nous estimons que l'idée d'une Confédération indépendante du Caucase est toute d'actualité et c'est ce qui explique en toute franchise pourquoi nous défendons cette thèse.

Le fait que la réalisation d'une Confédération d'Etats caucasiens doit être l'œuvre des ennemis de l'impérialisme russe ne peut évidemment être considérée comme un secret désir d'union avec la Turquie que par des gens dans le genre de M. Khondkarian, ennemi de la Turquie.

Tout en reconnaissant ses tendances russophiles ou pour mieux dire, son dévouement à l'impérialisme russe, M. Khondkarian estime que cette sympathie ne compromet en rien ses sentiments autonomistes et sans la crainte d'être ridicule il ajoute: "La révolution russe a bien donné la liberté à la Pologne?"

Faut-il ajouter que toute personne qui est tant soit peu au courant des événements sait fort bien que l'indépendance de la Pologne est le résultat d'une puissante hostilité contre l'impérialisme russe?..

Nous avons l'occasion, dirons-nous à M. Khondkarian, de signaler aux représentants du "pantouranisme romantique" d'hier que la Confédération du Caucase ne peut être un obstacle à l'idée turke, et maintenant, qu'il nous soit permis de dire à M. Khondkarian que le dévouement à la Russie est incompatible avec l'idée de l'indépendance du Caucase. Les sentiments d'amitié que nous manifestons envers les Turcs sont, quoi qu'en pense M. Khondkarian, d'un tout autre ordre: il ne saurait nier du reste que dans la lutte contre l'impérialisme russe, les tendances russophiles ne soient un fait négatif et un appui bien peu sûr. Par contre, des rapports amicaux entre les Caucasiens et les peuples voisins de Turquie et de Perse,

vivement intéressés à ce que la Russie reste dans ses frontières ethniques-nationales, doivent avoir un effet positif, bienfaisant même pour le Caucase dans sa lutte pour son indépendance.

L'unité du Caucase basée sur une hostilité effective envers la Turquie, ainsi que l'envisage M. Khondkarian ne donnerait d'autre résultat que ce que nous voyons de nos jours, c'est-à-dire que ce serait toujours une Fédération de Transcaucasie, parti intégrante de l'Union soviétique. Et rien d'autre! C'est là peut être ce que voudraient certains hommes politiques arméniens du même clan que M. Khondkarian et quelques impérialistes russes, mais nous sommes enclins à supposer que cette combinaison ne serait pas goûtée par les autres peuples du Caucase, sans en excepter les véritables représentants du peuples arménien qui eux ont une conception plus véridique des intérêts réels de leur pays.

Tout en spéculant sur les illusions du pantouranisme relégué de nos jours dans l'unique domaine des possibilités culturelles, les "patriotes-russes arméniens" se gardent bien de parler du "panarménisme" lancé dans la presse des Dachnaks. Il est difficile de supposer que M. Khondkarian ait ignoré le projet dont parle l'organe officiel du parti dachnak, le *Drochak*, au sujet de la création d'un "foyer arménien" et d'un "bureau central arménien". D'après le *Drochak*, ces "foyer" et "centre" arméniens pourraient bien servir de lieu de groupement et d'union de nobles Persans, de Kurdes belliqueux, de braves Béloutches, les Guilaks des bois, les Arméniens perspicaces et puis les Afghans, les Hindous et autres peuples de race indo-iranienne. Quel est le but d'un pareil groupement? Il paraîtrait que contre les Touraniens, ces ennemis jurés et sanguinaires des peuples aryens se constituerait une organisation de ces mêmes peuples aryens. De plus, dans cette union de peuples, le principal rôle, d'après M. Eguikian, serait joué par la Perse, de la même manière qu'autrefois la Prusse dans l'œuvre d'union des Allemands (cf. *Les Arméniens et la Perse*, par M.B. Memet-Zadé, Stamboul 1927).

Parlant de l'union des peuples aryens, les tacticiens dachnaks n'ont pas soufflé mot de la manière dont la Russie accepterait ce plan grandiose. Ce silence, calqué sur la méthode employée par M. Khondkarian à notre égard n'indiquerait-il pas que l'Arménie, après s'être séparée de la Russie s'unirait à la Perse?.. Que non, certes! A force de s'obstiner à rester dans la voie politique dans laquelle ils se sont bien à tort engagés, les Drochakistes et les Khondkarian sont vraisemblablement tombés malades d'un mal qui frappe tout le monde, d'une immense hostilité contre la Turquie et d'une profonde inimitié envers ses voisins. L'union des peuples aryens n'est autre chose que le résultat de cette hostilité. De toute évidence le but à

atteindre consiste à dresser les Persans contre leurs voisins, plus particulièrement contre les Azerbaïdżaniens du Caucase et il est douteux que les auteurs de ces plans soient eux-mêmes convaincus de leur réalisation. L'inimitié qu'ils professent envers leurs voisins apparaît ici dans toute sa crudité. Le monde sait ce qu'il en a coûté au peuple arménien de s'être engagé dans cette fausse route. Il est toujours utile d'abandonner une fausse route pour une plus sûre.

Si quelques hommes politiques arméniens, plus préoccupés de leurs goûts et intérêts personnels que de ceux de leur pays, se montraient plus prudents dans leurs attaques contre des voisins avec lesquels ils sont condamnés à vivre incessamment, ce serait, ce nous semble, beaucoup plus raisonnable et beaucoup plus utile pour leur pays.

Stamboul, 25 novembre 1929.

M.E. Rassoul-Zadé

Prométhée. 1930. № 38. P. 4-9.

Rzeczpospolita Azerbajdżańska

Azerbajdżanie, to naród nowożytny w całym tego słowa znaczeniu. Azerbajdżan posiada własną literaturę, prasę, teatry, jednym słowem posiada to, co się nazywa kulturą narodową.

Wielki poeta turecki Fuzuli, którego czterechsetlecie śmierci ostatnio obchodzono, jest ojcem poetów azerbajdżańskich. Dzieła tego wielkiego wieszca, o którym orientalista angielski Kip powiedział, że jest on najbardziej subtelnym, delikatnym i szczerym z liryków wschodnich, nigdzie tak się nie rozeszły w świecie muzułmańskim, jak w Azerbajdżanie. Do ostatnich czasów azerbajdżańscy poeci pozostają pod czarującym wpływem poezji Fuzuli'ego. Jego epepeja miłości „Leila i Medżunun” (o treści podobnej do „Romea i Julji”), służyła za treść pierwszej opierze azerbajdżańskiej.

Poezja azerbajdżańska przenika nawet do zapadłych chat wieśniaczych, gdzie reprezentują ją utwory większych poetów. Z pomiędzy nich należy wymienić Sabira, którego dowcipne i ustczypliwe satyry odniosły nadzwyczajny sukces. Również i teatr azerbajdżański posiada znakomitą tradycję, a teatr turecki zawdzięcza swe odrodzenie tylko istnieniu sceny azerbajdżańskiej. Pierwszym z dramaturgów tureckich był azerbajdżanin Mirza Feth Ali, zmarły przed czterdziestu laty. Nie było bezpodstawnym, że nazywano go „turekim Molierem”, gdyż jego doskonałe komedje, do których tematy czerpał z życia ludu, zachowały świeżość, wdzięk oraz taki rozgłos, że tłumaczono je na wiele języków europejskich i orjentalnych. Naród azerbajdżański nie pojmuje życia bez teatru; w

teatrach obficie są reprezentowani i wielcy autorzy cudzoziemcy jak: Shakespeare, Corneille, Racine, Moliere, Schiller, Ibsen i inni.

Muzykę azerbajdżańska cenią nie tylko Turcy azerbajdżańscy, ale i inne narody kaukaskie. Stąd wiele operetek azerbajdżańskich, jak „Arshin-Mał-Ałan”, bywa grywanych na wszystkich scenach Kaukazu, szczególnie w Armenii i Gruzji.

Prasa azerbajdżańska obchodząca pięć dziesięciolecie swego istnienia, wybitnie się rozwinęła w ciągu ostatnich lat. Pierwszym, który zaczął w Rocii wydawać turecki dziennik p.t. „Ekindzi” („Robotnik”) był Azerbaj dżańczyk, Hassan Bej Zerdabi.

Azerbajdżan, w czasie przechodzenia pod panowanie rosyjskie, 'łidał się z licznych chanatów, rządzonych systemem feudalnym. Jednak zawsze stanowił jedność pod względem kulturalnym, politycznym i ekonomicznym. Literatura, prasa, sztuki piękne są wyrazem tej jedności i one wpajają w naród zamiłowanie do wolności, niepodległości, przekonanie o dojrzałości do przyszłego samodzielnego bytu.

To przekonanie nie opiera się na jakichś romantycznych marzeniach, ale na rozpatrzeniu realnych danych. Wśród nich, przede wszystkim, jest wielkie bogactwo naturalne kraju. Właśnie to bogactwo było główną, jeżeli nie jedyną przyczyną licznych nieszczęść, które zgnębiły Azerbajdżan, podniecając pożądanie potężnego sąsiada od północy. Wśród bogactw naturalnych najważniejsze miejsce zajmuje ropa naftowa, którą dosłownie nazywano „płynącym złotem”; słynna z niej jest stolica Azcrbajdżanu. Wyprodukowana ropa przed wojną światową rozchodziła się na cały świat i szła bezpośrednio do Stanów Zjednoczonych.

Innymi źródłami bogactwa są: rudy miedzi, żelaza, aluminium i t.d., oraz oczywiście pokłady złota i srebra, eksploatowane w niewielkiej ilości narazie. Pokłady miedzi w Gedebek, Lengezur i Kotar, eksploatowane w niezbyt racjonalny sposób dawały w 1913 r. trzy miliony 835 tysięcy pudów kruszcu. Żelazo wydobywane dotychczas b. skąpo, podług oszacowania specjalistów istnieje w dostatecznej ilości, by w zupełności wystarczyć Azerbajdżanom w razie uprzemysłowienia się kraju. Rolnictwo jest również ważnym czynnikiem w stosunkach ekonomicznych kraju. Średnie zbiory zboża, jęczmienia, żyta dochodzą do 56 700 000 pudów. Zbiory bawełny w 1919 r. wynosiły 4 725 000 pudów, zaś jej uprawa, jak i innych roślin włókienkowatych, znana jest w Azerbajdżanie od najdawniejszych czasów.

Następnie uprawa jarzyn, hodowla drzew owocowych, hodowla wina, szeroko są rozwinięte; winnice dają rocznie 1 470 480 pudów winogrona, a ogrodnictwo owocowe 3 000 000 pudów owoców.

Hodowla bydła jest b. wysoko postawiona. W przededniu wojny światowej liczono ilość bydła na 4 500 000 sztuk. Azerbajdżan obfituje we wszelkiego rodzaju dziczyznę, a brzegi morza Kaspijskiego są b. bogato zarybione; wyróżniają się pod tym względem ujścia rzek: Kury i Araksy. Polów ryb dawał w r. 1914 do 45 milionów pudów, o wartości 17 135 000 rubli.

Wspomnijmy jeszcze o jedwabnictwie; przemysł jedwabniczy gra oddawna dominującą rolę w życiu ekonomicznym Azerbajdżanu. Wreszcie nie zapomnijmy o kawiorze z Baku. Tych niewiele cyfr, daje jedynie słabe wyobrażenie o stanie ekonomicznym Azerbajdżanu.

Położony na przesmyku kaukaskim, będąc wielkim, naturalnym pomostem łączącym Europę z Azją, Azerbajdżan stanowi dzięki portowi Baku (nigdy nie zamarzającemu) centrum jedynej komunikacji handlowej dwu kontynentów. Uwzględniając Persję i Rosję kraj ten powinien być jednym z najważniejszych szlaków tranzytu świata.

Życie ekonomiczne kaukaskie obraca się naokoło dwu osi dróg kolejowych zakaukaskich; biegunem jednej jest Batum, a drugiej Baku.

Co się tyczy spraw finansowych kraju, to zadowolimy się statystyką z epoki caryzmu. Podatek roczny Azerbajdżanu przekraczał 164 miliony rubli. Na cóż może wystarczyć ów dochód kraju jakim jest Azerbajdżan, powierzchni 92 160 km², a który liczy zaledwie trzy i pół miliona mieszkańców?

W Azerbajdżanie zorganizowała się grupa jednostek oświecona i wykształcona, zdolna rządzić owocnie i racjonalnie bogactwami kraju. To też wytwórcy i przedsiębiorcy grają dominującą rolę w życiu ekonomicznym, wyróżniając się aktywnością i energią w dziedzinie handlowej, mimo niesprzyjających warunków. Miljonerzy, obdarzeni inicjatywą, kierowali interesami według najnowszych metod, wtajemniczając się we wszystkie sekrety wiedzy finansowej. Cała akcja przedsięwzięć tureckich, jak eksploatacja ropy, była w ręku Azerbajdżańczyków, którzy korzystali z żeglugi po morzu Kaspijskim. Posiadali również fabrykę płótna kaukaskiego, oraz ogromne spichrze. W otoczeniu tak kulturalnym, oraz rozwiniętym pod względem ekonomicznym, naród azerbajdżański powinien być bezwzględnie osiągnąć dojrzałość polityczną.

I tak się stało.

Azerbajdżanin śmiało dążył do wolności i niepodległości, której pragnął z całej duszy i marzenie o której wpajał w młode pokolenie. W kraju jest dostateczna ilość jednostek, mogących rządzić narodem w myśl ideałów, do których się zobowiązali. Jest to zespół tych ludzi, którzy w dziedzinie literatury, sztuk pięknych i prasy rozwinęli b. szeroką działalność.

Politycznie, akcja nie ogranicza się do Azerbajdżanu. Rozciąga się ona na całą Rosję, gdzie podczas rewolucji 1905 r. przedstawiciele społeczeństwa azerbajdżańskiego odgrywali najbardziej czynną rolę w organizacji politycznej „ITTIFAK” („Związek”), będąc w Dumie przywódcami partji muzułmańskiej. Akcja ta miała miejsce również w czasie rewolucji 1917-18 r. W czasie osłabienia się Rosji podczas podziału na narodowe republiki, zorganizowała się w Azerbajdżanie partja „Mussawat”, upominająca się dla Muzułman w Rosji o wolność i niepodległość. Partja ta usiłowała ze swą ideą zapoznać Kongres ogólny Muzułman rosyjskich, który odbył się w Moskwie w 1917 r. Pod wpływem ideału i celu politycznego kongres muzułmański w Baku w 1917 r. proklamował początek autonomji narodowej. Następnie, od chwili wyborów do Zgromadzenia Ustawodawczego rosyjskiego, partja „Mussawat” zgodnie z ogółem Komitetów narodowych rzuciła hasło "Azerbajdżan samoistny". Autonomia ta miała być jednym z pierwszych kroków ku zupełnemu uniezależnieniu się od Rosji.

Wypadki 1918 r., postępujące z zawrotną szybkością doprowadziły Azerbajdżan do upragnionego celu. Zgromadzenie Narodowe Azerbajdżanu w dn. 26 maja ogłosiło niezależność Azerbajdżanu. Pierwszy manifest dokładnie określa formę rządu, w której wyrażone są dążności religijne świata muzułmańskiego. Spotkano się z ogromnymi trudnościami administracyjnymi i militarnymi. Trzeba było stworzyć całe zastępy administracji i armii. Nie zniechęcając się, wzięto się dzielnie do pracy. W ciągu dwu lat stworzono 25 000 armję. W tym samym czasie nowa organizacja rządowa strzegła pilnie jednolitości we wszystkich gałęziach administracji w myśl zasad demokratyzacji powzięła wielkie dzieło reform politycznych, społecznych i ekonomicznych. Przyznano prawo głosowania kobietom, które pierwszy raz na Wschodzie miały brać udział w życiu politycznym. Powstało też wówczas wiele zakładów naukowych, oraz uniwersytet.

Mówiąc o tej epoce, przyznać trzeba, że naród azerbajdżański dał dowody nadzwyczajnej dojrzałości politycznej. Problem azerbajdżański t. j. znaczenie uznania jego niepodległości posiada charakter międzynarodowy.

Niestety, szczęście Azerbajdżanu nie trwało długo. Korzystając z wypadków na Wschodzie, większe siły czerwonych wtargnęły do Azerbajdżanu, proklamując z bezwzględnością i okrucieństwem zasady bolszewizmu. Władza przeszła rzekomo w ręce komunistów tubylców, którzy ustanowili pseudo-rząd, będący jedynie fikcją. Czyż należy nadmienić, że t. zw. „Republika sowiecka azerbajdżańska” okazała się zupełnie bezsilną, by zahamować krwawy ucisk bolszewików. Do ostateczności doprowadzony naród azerbajdżański, opierając się na szczątkach armji narodowej, zerwał się do powstania. Miasto Gendże —

świadek bohaterskiej walki Dżewad-Chana* podniosło pierwszy standart buntu. Walczono z zaskoczeniem. Bolszewicy ponieśli olbrzymie straty, lecz bunt stłumili, posuwając swe okrucieństwo do bezwzględnej strącania setek zupełnie niewinnych, nie biorących żadnego udziału w ruchu, jednostek.

Sześć lat upłynęło od tej tragedii. Zdawało by się, że lata owe przeszły w milczeniu i spokoju; jednak w rzeczywistości był to okres buntu i pragnienia odwetu, osiadłego w głębi serca. Bojownicy azerbajdżańscy walczący o wolność ojczyzny, poświęcili się całkowicie tej idei, mimo niesprzyjających warunków. Nie zniechęcił ich terror panujący w Azerbajdżanie w 1920/21 roku, kiedy to terrorystyczny rząd barbarzyńskiego najeźdźcy prześladował kraj z całą bezwzględnością. Najeźdźca wypędzał z ojczyzny setki ludności na Syberię, zapelniając więzienia, gwałcąc sumienia swych ofiar i narodowość. Jednak ta akcja nie zmieniła stanu rzeczy. Przeciwnie, nienawistne uciemnianie i gnębienie wywoływało tam jeszcze większy opór i chęć do walki.

Powstanie wybuchające w rozmaitych miejscowościach, oraz opór stawiany przez wojowników, oszańcowanych w górach, gdzie nie może osiągnąć ich ręka kata, nie jest-li najoczywistszym dowodem uporczywości, z jaką naród azerbajdżański broni swej sprawy? Nawet oficjalne statystyki bolszewickie głoszą, o stłumieniu w ciągu 3 lat 56 powstań! Któż dzisiaj nie wie, że kraj noszący miano „Azerbajdżańskiej Republiki Sowieckiej” jest krajem ujarzmionym przez Rosję i zamienionym na prowincję zwykłą czy kolonię? Sześć lat temu znaleźli się w Azerbajdżanie ludzie wierzący w szczerą bolszewicką obietnicę, mniemając, że znajdzie się środek zaradczy przeciwko nadmiernemu uciskowi. Jednak większa ilość rodaków rozumiała, że to wszystko jest kłamstwem, że pod płaszczykiem idei bolszewickich kryje się chęć za-garnienia i obłupienia kraju. Manifest potajemnie rozpowszechniony w Baku, kończy się następującymi słowami:

„Krew ta nie jest wylana na marne; pobudzi ona naród azerbajdżański do natychmiastowego położenia kresu tyranii ciemności.

Turku z Azerbajdżanu!

Czuwaj i bądź gotów do ostatecznej walki, zapewniam ci wyzwolenie.

Walka to doprowadzi cię do zbawienia.

Nie poddawaj się rozpacz; musisz znieść przelotne nieszczęścia.

Nie zapominaj, że sprawiedliwość znajduje się po twojej stronie”.

Te kilka zdań doskonale uwidacznia podniecony stan ducha Azerbajdżanu po dzień dzisiejszy, ducha buntu i pragnienia wolności.

* Bohater azerbajdżański, poległy na polu chwały podczas obrony fortecy w Gendże przeciw Rosjanom.

Rewolucjoniści azerbajdżańscy, oczekujący zbawienia ojczyzny w walce pełnej poświęcenia, zdają sobie doskonale sprawę z bezwzględnej potrzeby ścisłej współpracy, dążącej do zjednoczenia się z innymi republikami kaukaskimi, znoszącymi wspólnie krzywdy i cierpienia.

Obecnie przy ogólnym ucisku władzy sowieckiej na ludność wiejską w Azerbajdżanie, walka przeciwko okupacyjnemu, komunistycznemu rządowi trwa w dalszym ciągu z całą zjadłością i okrucieństwem; a od początku tego roku krwawe i liczne powstania wybuchają we wszystkich częściach kraju, mimo całej grozy sytuacji i terroru sowieckiego.

M.E. Ressel-Zade

Wschód. 1930. № 2. P. 26-29.

Réponse aux Kérenski

La grande guerre mondiale a été une épreuve pour différents systèmes politiques. Cette épreuve a été subie avec succès par les organisations ayant une base nationale et par celles qui, sous une forme ou sous une autre, ont compris la signification du mouvement national. Si la Russie, l'Autriche et l'Empire Ottoman ont été disloqués au cours de la tourmente, cela n'a pas été le fait d'un simple hasard. L'Angleterre, qui cependant se trouve des premières à la tête des puissances victorieuses a dû, elle aussi, faire d'importantes concessions au mouvement national sur son propre territoire. Et l'on n'ignore pas que les impérialistes qui par le droit du plus fort tiennent sous le joug diverses nationalités n'auront pas plus de succès à l'avenir. Néanmoins, il en est encore que cette marche naturelle de l'histoire n'a pu convaincre et qui veulent toujours mettre des bâtons dans la roue de ce mouvement en rotation. Il est vrai que ce ne sont là que facéties. Et vous n'êtes pas sans deviner quels en sont les auteurs?.. Ceux surtout qui se sont familiarisés avec la question russe et qui suivent les courants politiques parmi l'émigration blanche n'auront pas de peine à découvrir d'où viennent ces facéties. A entendre le raisonnement des socialistes russes, les lois de l'histoire mondiale n'ont rien à voir avec la Russie, elle est hors de cette histoire; la sienne à elle, a une marche toute différente. Le principe de l'auto-détermination des peuples est accepté par les socialistes russes mais ils n'admettent pas qu'il soit appliqué en Russie. Celui qui dans cette question manifeste le plus de fanatisme est sans contredit l'ancien chef du Gouvernement Provisoire, M. Kérenski. Le tranchant de ce fanatisme est dirigé par M. Kérenski contre les républiques turques qui se sont constituées à l'intérieur de l'U.R.S.S. en général et contre la république d'Azerbaïdjan en particulier. Nous avons déjà parlé dans notre dernier numéro de la provocation de M. Khondkarian, de l'entourage de M. Kérenski; aujourd'hui, nous

sommes amenés à parler de l'article de tête de M. Kérenski dans le journal *Dni* (N 64). Après avoir commencé par parler de la découverte parmi les communistes de Kazan du "parti nationaliste" de Soultan-Galiev, il en vient à parler du "panturkisme". En présence d'un pareil "danger", M. Kérenski délire comme sous l'effet d'un cauchemar. Il croit rêver que, sous le couvert de soviétisme, ce Soultan-Galiev partage déjà la terre russe entre les différentes nationalités. Sous l'empire du chauvinisme,

M. Kérenski, qui se dit "démocrate", "radical" et "socialiste", pousse des cris à fendre l'âme dans le genre de "L'on veut partager la Russie". Ainsi, "Caucasiens, Géorgiens, Montagnards et Azerbaïdjanais, Petits-Russiens et Sibériens, Yakoutes, Bouriates, etc.; sur les deux rives de la Volga, dans le pays d'Orenbourg, dans la taïga sibérienne, au Turkestan et depuis le plateau du Pamir, partout il ne voit que des panturkistes, c'est-à-dire la Tatarie de Kazan unie aux kémalistes". Les voilà donc entre quels éléments doit être partagée la Russie...

"Du plateau du Pamir, les gens de Kazan, unis aux kémalistes". Ces formules sont dépourvues de toute signification politique et géographique. Lorsque l'on aperçoit au bas de cette formule la signature d'un homme qui se trouvait récemment encore à la tête du gouvernement d'un grand Empire et qui jusqu'à présent n'a pas renoncé à l'espoir d'y revenir, il est facile de concevoir ce qu'est cette terrible maladie de cauchemar politique.

L'effacement de M. Kérenski ne s'en tient pas là! D'après ses conceptions, le bolchévisme qui tue tout esprit nationaliste parmi le peuple russe, suscite par contre par tous les moyens et possibilités des sentiments nationalistes parmi les peuples non-russes, si bien que le "mouvement séparatiste" en Russie serait le "résultat bien naturel" de cette politique. Combien sont loin des exigences du temps et de la vie les Kérenski! Comme s'il n'y avait pas eu une grande Guerre mondiale! Comme si les empires faits de lambeaux divers ne s'étaient point effondrés! Comme si nous étions encore au temps du tsarisme!.. Tout comme sous le régime tsariste où dans chaque mouvement national on croyait discerner une "main étrangère", et dans chaque mouvement politique "quelque intrigue juive", les Kérenski de nos jours voient dans le mouvement des nationalistes, qu'ils appellent "separatists", une initiative étrangère et ils croient utile de la dévoiler à d'autres. M. Kérenski pense que tous les séparatistes de l'ancien Empire russe sont sous une forme quelconque, liés aux Etats étrangers.

Les conceptions de M. Kérenski ne se confondent-elles point avec celles des impérialistes qui commencent à sentir l'affaiblissement de leur puissance d'antan parmi le peuple qu'ils gouvernent? Et d'abord, quelle différence y a-t-il entre l'expression "panturkisme" de M. Kérenski et le nom de "panislamisme" du *Novoe Vremia* de M. Menchtchikov?

Le chauvinisme de M. Kérenski peut non seulement être comparé à celui de M. Menchtchikov, mais encore il surpasse un réactionnaire de la trempe de M. Markov, lorsqu'il invite le peuple russe à brûler de ce même feu le nationalisme qui s'est emparé de nos jours des "separatists". Il faut bien faire remarquer à M. Kérenski que, dans le cas présent, il ne saurait être question de "séparatisme", pas plus que du "partage de la Russie"; ces expressions nous paraissent ici déplacées. En effet, lorsque le peuple, se basant sur le principe élevé et juste du démocratisme, a proclamé son indépendance et s'il a vécu, pendant un certain laps de temps d'une vie libre, peut-on appeler "séparatisme" le fait de lutter pour se libérer des forces étrangères qui occupent le pays afin de recouvrir l'indépendance perdue. La Belgique n'est-elle pas pour nous un exemple des plus frappants pour justifier notre thèse? Au cours de la grande guerre, la Belgique fut occupée par les Allemands et le peuple belge lutta contre le pouvoir d'occupation. Est-ce qu'il se serait trouvé quelqu'un pouvant désigner cette lutte du peuple belge sous le nom de "séparatisme" la lutte pour l'indépendance que soutiennent contre la Russie des pays comme la George, l'Azerbaïdjan, l'Ukraine?.. Il fut un temps où M. Kérenski se serait bien gardé de considérer comme événement négatif la lutte pour l'indépendance soutenue par la Tchécoslovaquie et les Croates contre l'Autriche. Pourquoi donc aujourd'hui la lutte des peuples du Caucase, du Turkestan, de Kazan, de Crimée, etc., etc., pour leur indépendance, doit-elle être considérée par les Kérenski comme un événement négatif de "séparatisme"?

Nous persistons donc à dire que ce n'est point là du séparatisme, mais une lutte pour l'indépendance; personne ne songe à partager la Russie; au contraire, la Russie doit conserver son territoire dans les limites nationales. A cette Russie nous désirons progrès et richesses. Les Kérenski ne peuvent pas comprendre que le fait pour le Caucase de passer aux Géorgiens, aux Montagnards, aux Azerbaïdjanis, l'Ukraine aux Ukrainiens et le Turkestan aux Turkestaniens ne peut être considéré comme un partage de la Russie... Seules les personnes qui n'ont pu jusqu'à présent s'affranchir de l'idée de domination de la Russie sur les autres nationalités peuvent ainsi raisonner. Il est certain que chacun est libre de raisonner à sa manière, l'on ne saurait l'empêcher à quiconque. N'a-t-on pas vu des gens raisonner de la sorte? des gens qui aspirent encore à faire revivre l'impérialisme russe déjà effondré? Fort bien!.. Mais au moins qu'ils fassent preuve de plus de justice dans leurs raisonnements. Ils parlent de kéralisme et on lui attribue une politique agressive. Or, que voyons-nous en réalité? Le kéralisme, en général, a renoncé à tous les territoires ottomans, exception faite des terres incluses dans le "pacte national": il s'est incliné devant une nécessité historique. Attribuer au kéralisme un panturquisme agressif, c'est amener de l'eau au moulin du "panrussisme". Ce n'est pas autre chose qu'un plan habilement combiné. Le fait que le turquisme réaliste

d'aujourd'hui renforce à l'intérieur de l'Union soviétique le mouvement d'indépendance des peuples turks sous forme de républiques, de nationalisme en général, va évidemment à rencontre du "panrussisme".

Le panturkisme de la Russie soviétique est appelé à jouer le même rôle joué par le panslavisme à l'époque de l'effondrement de l'empire autrichien, c'est-à-dire que le jour où s'effondrera l'impérialisme russe il se constituera une série de républiques indépendantes turkes. Car il ne faut pas oublier qu'après la chute de l'empire d'Autriche, le rêve des panslavistes ne se réalisa point et qu'il ne se constitua pas une "Grande Slavie". Le romantique panturquisme d'hier n'a également aucune force réelle. Ce fait n'est pas ignoré de MM. Kondkarian-Kérenski et le revers de leur manœuvre est visible: il s'agit d'effrayer les peuples non-turks du Caucase et de susciter des sentiments chauvins parmi le peuple russe.

Notre collègue de *Prométhée* a raison lorsqu'il dit que le chauvinisme suscité par M. Kérenski a pour but d'inquiéter les peuples non-russes, non seulement dans les limites de l'U.R.S.S., mais encore ceux qui s'en sont séparés et qui vivent d'une vie libre en les obligeant à se tenir constamment sur leurs gardes contre l'impérialisme russe de demain. Aucun d'eux évidemment, ne veut se trouver sous la dépendance de l'Etat russe.

M.-E. Rassoul-Zadé

Prométhée. 1930. № 39. P. 9-11.

Le Fantôme du Pantouranisme

Plus nous approchons de la liquidation du bolchévisme et plus les représentants de la "Grande Russie indivisible" commencent à s'agiter à la seule pensée que, dessous le bonnet rouge, sortira non pas une seule Russie restaurée, mais toute une série de nouvelles républiques entièrement indépendantes. L'inquiétude les gagne. Saisis d'une telle frayeur ils ne songent plus qu'à la communiquer à tous les patriotes russes et qu'à jeter le trouble dans l'esprit des nationalités qui en rangs serrés s'acheminent vers la lutte pour la libération de leurs pays respectifs du joug de l'impérialisme russe.

L'une des dernières manœuvres des impérialistes russes et de leurs disciplines est l'active propagande sur le danger du pantouranisme, propagande dirigée en premier lieu contre l'unification des peuples du Caucase et à laquelle ne serait pas étrangère la république turque elle-même.

Nous avons déjà eu l'occasion de nous prononcer dans les colonnes de *Prométhée* sur cette question, ce qui n'empêche qu'en ce moment, disposant de nouveaux éléments, nous essaierons de revenir sur ce sujet.

En tant qu'idéologie de nature à révolutionner les masses populaires turkes et à les attirer dans l'arène de la lutte pour l'auto-détermination nationale et pour leur indépendance, le pantouranisme se présente objectivement comme une idée progressiste, dirigée à son tour contre l'impérialisme russe, autrement dit, contre la fameuse idée d'une Russie "une et indivisible".

Lors de son apparition, le pantouranisme bien que désireux d'imiter l'idée du pangermanisme comme exemple de théorie classique de race, en raison de données objectives, reconnues par des chefs même du mouvement tels que Zia bey, Youssouf Aktchourine et autres, a été amené à croire que la force nationale d'un peuple n'est pas le seul fait d'une communauté de religion et de race et que, tout en étant d'une même origine, il est possible de se scinder en nations indépendantes l'une de l'autre. L'on sait que, parallèlement au pangermanisme classique, existait un panslavisme non moins classique. L'on sait aussi qu'en dépit de l'unité de la race slave au début, il se constitua pratiquement un certain nombre de nationalités slaves et d'Etats indépendants, éminemment hostiles entre eux.

Les manifestations de la réalité quotidienne, la situation économique et politique générale des pays turks, plus particulièrement l'ambiance historique dans laquelle se trouve en ce moment la Turquie républicaine nous permettent en toute assurance d'affirmer que le pantouranisme est entré dans la voie dans laquelle s'est engagé précédemment le panslavisme. Une étude plus approfondie de la vie politique idéaliste de la Turquie kemaliste suffira pour nous convaincre. Et comment pourrions-nous douter lorsque, non seulement les penseurs de la Turquie contemporaine ont transposé l'idéologie turke de son interprétation originale à une interprétation nationale; le chef de l'Etat turc, Kemal pacha, a rejeté lui-même avec l'autorité qui s'attache à sa parole, le panislamisme et avec lui le panturquisme.

Dans son fameux discours prononcé en 1928 au Congrès du parti du peuple dont il est le président, Moustapha Kemal pacha, rejetant solennellement en tant que système politique les principes d'un Etat "racial" qui grouperait toutes les tribus turkes, déclara cette idée comme un rêve irréalisable. Par contre, il proclama le principe de l'Etat national comme méthode la plus rationnelle à la base d'un Etat. "Il faut bien se garder de ruiner le peuple en voulant courir après un rêve utopique et irréalisable; par contre, il faut attendre du monde civilisé l'établissement de rapports humains et cultivés et maintenir avec lui une amitié réciproque". Tel est le mot d'ordre de principe du chef de la nouvelle Turquie qui prend en considération la situation véritable du peuple turc qui ne possède la moindre parcelle pouvant être sacrifice au profit d'autrui (d'après ce même discours).

Le turquisme qui, de nos jours, domine en Turquie ne possède plus ce caractère réactionnaire agressif que veulent bien lui prêter ses ennemis. Bien au contraire, selon les affirmations de Zia bek ("Les Fondements du Turquisme", Ankara 1928), il constituerait "une école à la fois culturelle, philosophique et esthétique profondément progressiste, laquelle resterait irréconciliable avec les tendances cléricales-théocratiques et réactionnaires".

Nous ne nous attarderons pas sur l'activité de ceux qu'on désigne sous le nom d'"Anatoliens" qui prêchent l'idée de nationalisme anatolien et qui prétendent que le mot "turc" signifie non pas une nation, mais une race. Toute cette évolution d'idées concorde avec la situation socialoéconomique dans laquelle se trouvent de nos jours les peuples de race turke aussi bien que ceux de Turquie. Combien était logique la déclaration de Moustapha Kemal pacha lorsqu'il disait que les quatorze millions d'Anatoliens ne sauraient rêver de prendre sous leur tutelle politique les innombrables millions de musulmans du monde. L'Anatolie n'est pas un pays à ce point industrialisé, un pays à ce point surpeuplé pour qu'il puisse rêver d'expansion agressive et moins encore d'inaugurer une politique de conquête. Il serait naïf pour le moins de croire aux paroles de gens comme Zarevand lorsqu'ils déclarent que les réformes socialo-culturelles que Kemal a si radicalement appliquées suffisent à prouver que les Kemalistes, les "pantouranistes convaincus", lancent les Turcs dans une aventure de conquête. Qui pourrait douter de ce fait, que la séparation de l'église et de l'Etat, la suppression du Khalifat, l'adoption de l'alphabet latin, l'émancipation des femmes, l'eupéanisation du genre de vie du pays et autres réformes constituent, non pas un mouvement pantouranien, mais bien radical-démocratique.

Mais il n'est pas que la Turquie qui soit saisie d'un pareil enthousiasme: cet idéal démocratique qu'on associe à l'idée de turquisme dans la Turquie contemporaine s'est depuis longtemps déjà manifesté en Azerbaïdjan. Les "révisionnistes du pantouranisme" d'Azerbaïdjan se sont de tout temps représentés les réalités du monde turk sous la seule forme de mondes effectifs englobant les différents peuples turks qui aspiraient à une vie libre et indépendante. C'est la raison pour laquelle certains enthousiastes du camp des romantiques du pantouranisme les accusaient de trahison au glorieux idéal, ainsi que le signale Zarevand dans son ouvrage.

* * *

Nos lecteurs peuvent aisément se rendre compte qu'il n'y a pas lieu de craindre une nouvelle invasion de Mongols. Une semblable invasion dont on se sert cependant comme d'un épouvantail ne saurait être envisagée. C'est ce que

conçoit fort bien, évidemment, ce qu'on appelle la démocratie russe représentée par M. Kérénski; mais, ainsi qu'on peut l'apercevoir, pour des raisons faciles à discerner, elle en charge trop la couleur et en diffuse trop les effets d'une démagogie malveillante. Ces messieurs savent fort bien, disons-nous, qu'une invasion mongole ne saurait se répéter et qu'à notre époque les empires, loin de se constituer, sont en voie de disparaître.

Ce ne sont point les régiments kemalistes se portant, le cas échéant, à la délivrance de Kazan, par exemple, qui les inquiètent, mais le sort de l'empire austro-hongrois qui, en dépit de politiciens habiles, s'effondra sous la pression du mouvement vainqueur des peuples tributaires chez lesquels la conscience nationale s'était réveillée. Cette marche triomphale, nul ne l'ignore, était en outre animée par ce même idéal de panslavisme!..

De même que ces peuples slaves, de nos jours entièrement libres, le peuple azerbaïdjanien, animé par un même idéal de panturquisme révolutionnaire, en vint à vouloir défendre son existence nationale, comprenant fort bien qu'en dehors de la combinaison politique d'une confédération caucasienne indépendante, il n'y a pas de salut. C'est pourquoi, presque tous les hommes politiques d'Azerbaïdjan, plus particulièrement le parti démocratique azerbaïdjanien des fédéralistes "Moussavat" ont proclamé, au début même de la création de la république, la nécessité d'unir tous les peuples du Caucase en une confédération unique. Ce principe fut également proclamé dans les discours des politiciens responsables d'Azerbaïdjan; ce mot d'ordre fut l'objet de débats à la tribune du Parlement, des résolutions furent prises aux Congrès du parti; des articles lui furent consacrés dans la presse de l'émigration où ils occupent de nos jours encore une large place.

Ce principe fut même en partie réalisé sous forme d'alliance défensive militaire conclue entre la Géorgie et l'Azerbaïdjan. Et s'il ne nous fut pas donné de la voir se réaliser c'est en raison de causes diverses que le cadre du présent article ne permet point d'énumérer. L'une de ces causes, et non des moindres, relève de la provocation et de la démagogie auxquelles ont recours les Khondkarian et Cie pour essayer de briser le front unique des peuples du Caucase.

* * *

En l'état actuel, le "turquisme" ne présente aucun danger pour le Caucase, dont il est l'allié; bien au contraire, il est, en tant qu'idéal, uniquement dirigé contre l'impérialisme russe. Toutefois, nous croyons devoir faire remarquer qu'il existe pour nous un dangereux aspect de solution de ce problème... Nous voulons parler du plan envisagé par M. Mandelstam.

D'après M. Mandelstam, il est possible d'accepter le "détachement unilatéral des terres touraniennes de la Russie"; tous les peuples turks ayant reçu leur autonomie seront tenus de rester dans le cadre de la Russie en tant que parties intégrantes de la Grande Fédération. Bien mieux, des pays comme la Turquie et peut-être même la Perse, si par la suite elles en expriment le désir, pourront en faire partie.

Parler de l'autonomie des peuples turks est pour l'aile extrémiste de l'impérialisme russe un fait digne de remarque. En cela réside la force de l'idéal que nous poursuivons; c'est l'esprit du temps, dirions-nous, qui fait agir le cerveau; mais la solution de la question ne saurait dépendre d'une simple fantaisie de rêveurs impérialistes, décidés à prendre par la ruse ce qu'il est impossible de prendre par la force.

Il est aisé de constater que nous sommes en présence d'un problème national dont la solution paraît assez complexe. Et nous pourrions même ajouter que les peuples qui ainsi que nous, se trouvent assujettis à la Russie ont plus d'une fois souffert des particularités que présente la pensée politique russe.

Aucune de leurs déclarations libérales ne pourra soustraire à nos regards le fait que non seulement les impérialistes russes ne songent nullement à renoncer aux terres étrangères que leurs aïeux ont acquises, mais encore, ils espèrent, sous une forme ou sous une autre, en acquérir de nouvelles!..

Véritablement amis lecteurs, les représentants des peuples opprimés de Russie, ceux du Caucase en particulier, n'ont aucun sujet de crainte en ce qui concerne le "panturquisme" inexistant de Kemal. Par contre, il est bon de se défendre du "panrussisme" de MM. les Mandelstam et les Kérenski!..

En présence de ce réel danger, tous les peuples opprimés de Russie, autrement dit de l'U.R.S.S., les peuples du Caucase en particulier, doivent s'unir. C'est sous un étendard commun qu'ils doivent se grouper pour lutter contre l'impérialisme moscovite, nonobstant sa couleur.

L'impérialisme russe, qu'il soit blanc, qu'il soit rouge, est l'ennemi juré des nationalités qui, de nos jours, sont rivées à cette forme d'Etat qui porte le nom d'"Union des Républiques Soviétiques Socialistes".

M.E. Rassoul-Zadé

Prométhée. 1930. N° 41. P. 8-11.

Le Mouvement insurrectionnel en Azerbaïdjan

Des nouvelles inquiétantes nous parviennent d'Azerbaïdjan. A la politique des Soviets, les paysans répondent par la lutte à main armée. Plutôt que d'être enrôlés de force dans les kolkhoz (exploitations agricoles collectives), ils préfèrent

gagner la montagne et s'unir aux détachements de partisans qui pullulent dans les régions montagneuses et boisées du pays. Depuis plus d'une année déjà, la presse nationale d'Azerbaïdjan publie des informations périodiques sur le mouvement insurrectionnel en Azerbaïdjan. La presse soviétique elle-même donne de temps à autre des détails plus ou moins longs sur ce mouvement. Les lecteurs de notre organe peuvent en avoir une idée d'après ces informations. La terreur qui règne parmi les travailleurs soviétiques, l'assassinat des éléments nuisibles, du point de vue de la population, et des hommes politiques communistes, la destruction par le feu des magasins de blé — propriété des entreprises communales — les attaques des Soviets ruraux, le refus de se soumettre aux obligations de l'Etat, sont autant de faits journellement signalés dans la presse bolchéviste de Tiflis ou de Bakou.

Cette incessante activité de la population contre le pouvoir abor-rhé des Soviets, que la collectivisation et les persécutions du pouvoir soviétique n'ont fait que développer, a pris des proportions à ce point considérables qu'il a fallu envoyer des régiments entiers de l'armée rouge pour en venir à bout.

L'on se souvient que l'an dernier, les autorités de Bakou furent obligées d'envoyer, en même temps que des détachements de l'armée rouge, une partie de la "flotte rouge" de la Caspienne devant Lenkoran pour combattre le mouvement insurrectionnel et les chefs de ce mouvement dans cette région de Lenkoran. C'est dans les profondeurs des immenses forêts de cette région de Lenkoran que se retiraient les "koulaks", c'est-à-dire l'élément le plus sain d'entre les paysans, en même temps que le plus actif, le plus travailleur. Ce mouvement, connu sous le nom local de "Gudéler", du sobriquet donné à leurs chefs, les deux frères Djan Kichi u Khan Kichi qui, tous deux, étaient de petite taille (gudé) a été l'une des manifestations multiples du mouvement populaire qui, selon les témoignages des bolcheviks eux-mêmes, en un laps de temps très court, a donné lieu, quatre fois de suite, à des engagements sérieux.

Rien, pas plus les expéditions punitives que les arrestations, les déportations, les exécutions n'ont pu mettre un frein au mouvement insurrectionnel. De nos jours, de nouvelles informations nous arrivent sur l'activité croissante des insurgés; de jour en jour apparaissent de nouvelles organisations révolutionnaires ayant pour but la destruction du pouvoir soviétique d'occupation. On remarque non seulement des actes terroristes individuels dont sont victimes les représentants du pouvoir d'occupation, mais aussi de hardis coups de main organisés par les insurgés. C'est le cas, notamment, du détachement de "Katchanes", autrement dit de partisans qui, au cours d'un raid, enleva tous les communistes des postes qu'ils occupaient avant que de regagner la montagne. Il n'est pas douteux que Mehmet Kérim, le chef des insurgés, est redevable de ces succès non seulement à ses

qualités personnelles, mais aussi à la situation politique générale créée par le pouvoir soviétique au Caucase et en Azerbaïdjan en particulier.

A signaler également un autre fait d'armes, non moins remarquable de la part des insurgés: l'affaire de Guéoktchaï, nous dirions même l'épopée de Guéoktchaï. Le tchékiste Martynov, le plus cruel de l'Union, avec quarante bourreaux et quatre cent cinquante soldats de l'armée rouge est attaqué. Prennent part à l'attaque non seulement les partisans descendus des montagnes, mais encore les paysans locaux, les miliciens et jusqu'à des soldats de l'armée rouge qui, dans cette affaire, passant du côté des insurgés, attaquent leurs compagnons d'armes. Fait caractéristique, écrit le journal *Dni*, "les victimes, au cours de cette épopée, furent exclusivement les éléments russes du détachement, les soldats arméniens de l'armée rouge étaient eux-mêmes passés du côté des Tatares".

Ce fait d'armes, signalé déjà dans le *Prométhée* du mois de mars, a fortement indisposé M. Kérenski qui s'en prend à M. Staline coupable d'avoir envoyé des soldats russes de l'armée rouge combattre des "paysans locaux". Cette circonstance a été cause que "les Arméniens même et les Tatares se sont unis contre les Russes".

Que M. Kérenski se détrompe; ce n'est pas contre les Russes que "Tatares et Arméniens" se sont tournés, mais contre la Russie, contre cette Russie qui même en la personne de ce même M. Kérenski n'a pu jusqu'à présent se plier à cette nécessité historique de reconnaître le droit des peuples à une vie libre et indépendante exempte de toute tutelle imposée de l'extérieur. Or, comme M. Kérenski et consorts s'opposent à tout "mouvement des couches inférieures" caucasiennes et qu'ils veulent agir en s'appuyant sur "certains éléments intellectuels locaux, partisans tout de même d'une fédération", ils seront tenus de recourir aux méthodes employées par le "Géorgien" du Kremlin. Car Staline aussi est hostile à tout principe "séparatiste des couches inférieures"; lui aussi s'appuie sur "certains éléments intellectuels locaux". Mais on oublie trop qu'un appui de ce genre se paie parfois de la vie des Martynov et de ses "quatre cents gardes rouges". Car il faut bien qu'on sache que les quelques partisans d'une union avec la Russie, parmi les Caucasiens, ne seront jamais en état de recruter une centaine de volontaires pour défendre leur thèse.

Il est certain que les persécutions dont est victime la population locale, sur les confins de l'Union soviétique, fait naître une opposition non seulement de classe, mais nationale. Et c'est pourquoi le mouvement des paysans au Caucase, en Azerbaïdjan en particulier, se complique d'un mouvement national. Cette lutte incessante ne fait que se développer, en dépit des innombrables victimes qu'elle entraîne, en dépit des déportations à Solovki et des arrestations multiples. Dans le mémorandum adressé récemment à la Société des Nations et au monde civilisé tout

entier, le Centre national azerbaïdjanien rappelait les phases de cette lutte admirable devenue une véritable épopée. Ce n'est pas un simple instinct de haine envers le peuple russe qui anime cette lutte ! loin de nous une conception pareille. Non ! nous faisons des souhaits de bonheur pour le peuple russe; nous lui souhaitons pleine réussite dans la construction de sa propre maison. Là n'est pas la question... Ce que nous voulons, c'est vivre à notre façon, vivre notre propre vie; nous repoussons tout ce qui est con train te, tout ce qui nous est imposé par la force. Et si Messieurs Kérenski veulent bien ne pas nous imposer par la force des armes "leur idée de Fédération avec la Russie", qu'ils aient le courage de reconnaître à nos peuplés le droit de disposer d'eux-mêmes!

M.E. Rassoul-Zadé

Prométhée. 1930. № 42. P. 11-13.

Sous le mot d'ordre de l'Unité du Caucase

Voilà déjà six mois que notre pays est la proie d'événements exceptionnels. Toutes les montagnes de l'Azerbaïdjan et des pays limitrophes, Arménie et Géorgie ainsi que Nord-Caucasien sont embrasées du feu de l'insurrection populaire. Les meilleurs enfants du pays ont décidé de mourir avec honneur dans la lutte, plutôt que de mourir sans gloire dans l'esclavage, après avoir été soumis aux expériences monstreusement diaboliques des tyrans moscovites. Car, la "suppression du "koulak" en tant que classe" dans les conditions de vie de l'Azerbaïdjan et de tout le Caucase n'est autre que l'extermination massive de tout un peuple. Les 60% de la population rurale de l'Azerbaïdjan appartiennent à cette catégorie de personnes appelés à être "dékoulakisés". Il ne faut pas oublier qu'ici on a collectivisé, non seulement l'économie rurale, mais aussi l'élevage.

Le Caucase n'a jamais connu ce que c'est que l'agriculture communale, phénomène de la vie russe. Rappelons encore que ces expériences ont été appliquées par des fonctionnaires soviétiques dans les proportions de 70%. La force "révolutionnaire" mise à la disposition de ces fonctionnaires était russe: l'armée rouge, armée d'occupation.

Dans ces conditions, la résistance paysanne contre le système des "kolkhoz" (collectives agricoles) avait un caractère anti-soviétique en même temps que d'opposition à l'armée d'occupation et, conséquemment, anti-russe. Ces manifestations avaient un caractère non seulement social, mais aussi national. Il est apparu que les insurgés exigent, non seulement la suppression de toute collectivisation, mais encore le rétablissement de leur pouvoir national. Le fait que les soldats rouges locaux passent en masse dans les rangs des insurgés, que les

miliciens n'ont jamais été sûrs, que même les communistes locaux vont rejoindre les insurgés, ne prouve-t-il pas la justesse de nos affirmations?..

Les orateurs soviétiques n'ont-ils pas, maintes fois dans leurs discours aux réunions du parti, signalé ces "regrettables" constatations? L'un d'eux, Tchaplina, parlant des "cadres ruraux" du parti communiste n'a-t-il pas appelé "indigne" leur conduite, au cours des derniers événements? "Le fait, ajouta-t-il, qu'à Nougba à un moment difficile nombre de communistes nous ont trahis, qu'ils sont passés ouvertement du côté de l'ennemi, nous oblige à souligner un fois de plus que le noyau communiste rural ne doit être accepté qu'après un filtrage sérieux des éléments éprouvés au cours des récents combats" (Cf. Khorourdaïn *Aïastan*, n 117, 23-5). Cet acte de "trahison" de jeunes communistes dont il a été fait mention par les orateurs soviétiques, confirme pleinement nos informations au sujet de ces dix jeunes communistes qui ayant gagné la montagne soutinrent avec acharnement l'assaut des tchékistes lancés à leur poursuite et se défendirent jusqu'à la dernière cartouche qu'ils employèrent héroïquement pour se brûler la cervelle, afin de ne pas tomber vivants dans les mains de l'ennemi. (Le chef du groupe était Moursal Ibat Ogly. Cet exploit eut lieu à Askeran). Qu'est-ce qui oblige ces soldats rouges, ces miliciens, ces indigents, ces paysans moyens, ces communistes et jeunes communistes à entrer dans les rangs des "koulaks", de "l'ennemi de classe", et gagner la montagne rejoindre les insurgés, les "bandits" comme les appellent les bolcheviks? Si l'on en croit le "camarade" Guikalo, cet orateur qui prit la parole à une réunion du Comité régional à Tiflis, ce mouvement serait l'œuvre du parti (nationaliste) "Moussavat". C'est le "moussavatisme" qui anime le mouvement insurrectionnel antisoviétique.

Le "moussavatisme" évidemment, en tant que synonyme du nationalisme azerbaïdjanien joue dans ce mouvement un rôle de premier plan. Mais la question est suffisamment claire sans son intervention. C'est dans le malheur national commun qu'il faut chercher la cause de ces soulèvements, cause qui s'est traduite sous forme de protestation nationale partagée par le peuple azerbaïdjanien dans son entier. Et dans leur lutte, les insurgés ont levé l'étendard national azerbaïdjanien.

Les Azerbaïdjanians n'ont pas été les seuls à se soulever. La lutte n'a pas été proclamé pour la seule libération de l'Azerbaïdjan. Le cauchemar rouge de la tyrannie soviétique presse de tout son poids sur tous les peuples du Caucase. La pénible destinée historique unit. La dure école de la vie leur apprend la nécessité de se solidariser. L'instinct national usuel leur suggère la communauté de leurs intérêts politiques et c'est pourquoi nous voyons cet admirable élan de fraternisation des

masses populaires du Caucase. Dans le Nakhitchévan, à ce même Vedi-Bassar qui défendait sa liberté, il n'y a pas longtemps encore contre la république arménienne, les insurgés turks fraternisent aujourd'hui avec les volontaires arméniens.

D'après les données fournies par nos correspondants, ainsi que selon les informations indirectes de la presse soviétique, il est établi une communauté de tactique. Le bruit d'un Congrès des délégués des insurgés de toutes les nationalités du Caucase qui se serait tenu dans les montagnes de Zakatal n'est pas sans fondement. Au Congrès auraient pris part des délégués d'Azerbaïdjan, du Caucase du Nord, de Géorgie et d'Arménie. Des informations venues d'Azerbaïdjan signalent toute une série de hauts faits, témoignant de la solidarité effective entre éléments nationaux prenant part à la lutte au Caucase. Quoi de plus convaincant que ces réfugiés arméniens trouvant asile chez les Turks d'Azerbaïdjan et ces derniers chez les Arméniens. Il est des cas où des villages arméniens tels que Vedi-Bassar et Aınaroz ayant eu autrefois, au cours de la guerre civile des comptes à régler avec les insurgés arméniens préféraient avoir affaire aux Turks-Azéris qu'aux détachements arméniens.

Les faits confirmant la justesse de la résolution du Comité de l'Indépendance du Caucase, à savoir "que le malheur qui s'est abattu sur les peuples du Caucase et la pénible lutte qu'ils soutiennent ensemble contre l'ennemi commun contribuent certainement à renforcer l'idée de communauté des destinées historiques pour tous les peuples du Caucase". Ces faits, répondent à la réalité. Il est vrai, dit encore ladite résolution, qu'il se crée une psychologie révolutionnaire propre à tout le Caucase, sans laquelle le succès de la lutte engagée n'est pas possible.

Unité du Caucase ! tel est le mot d'ordre qui anime désormais les peuples du Caucase. Ce que les masses populaires comprennent par instinct de conservation, ce qu'elles réalisent dans la pratique, les organes dirigeants du Caucase le fixent en théorie. "Il faut renforcer l'activité du mouvement d'organisation et de propagande dans le pays natal, et mettre au premier plan la formule de la Confédération indépendante du Caucase" dit cette même résolution du Comité de l'Indépendance du Caucase, approuvée à l'occasion des derniers événements du Caucase.

Dans leurs résolutions touchant à l'insurrection en Azerbaïdjan le Centre national azerbaïdjanien et le Comité central du parti "Moussavat" proposent avec insistance à "tous ceux qui font partie de l'organisation et à tous les patriotes de mentionner en parlant de l'indépendance de l'Azerbaïdjan, la Confédération du Caucase indépendante, attendu que la libération de l'Azerbaïdjan n'est possible que conjointement avec la libération de tout le Caucase". Cette idée clairement exprimée par ces deux institutions responsables du mouvement national et révolutionnaire azerbaïdjanien figure également dans les proclamations adressées

au peuple. C'est aussi dans cet esprit qu'a été libellée la proclamation du Comité pour l'indépendance du Caucase.

Les bolsheviks qui pendant longtemps ont fait le silence sur les insurrections au Caucase ont enfin reconnu ouvertement le fait du "mouvement insurrectionnel". Nous disons "ouvertement", attendu que jusqu'à ces derniers temps, dans leurs déclarations sur les mouvements locaux, les hommes politiques soviétiques recouraient à des qualificatifs tels que "mouvement anti-sovétique", contre les "kolkhoz", contre le "parti communiste", évitant soigneusement d'employer le mot "insurrection". Ce mot sacramentel est enfin prononcé! Eliava, le chef du gouvernement soviétique de Transcaucasie, fit à ce sujet à la réunion plénière du Comité communiste régional de Transcaucasie, à Tiflis dans la première moitié de juillet un long rapport sur la situation politique en Transcaucasie. D'après ses affirmations, cette situation est extrêmement tendue, particulièrement grave, plus grave que partout ailleurs en Union soviétique. Cet état de choses apparaît surtout dans les campagnes.

Faisant à ce sujet un tableau de la situation à la campagne, le dirigeant soviétique procède à une classification par républiques. De ce tableau il apparaît "qu'en Géorgie l'on observe l'expectative; que dans les rayons turks du district de Tiflis, la situation est grave; qu'en Arménia elle est plus compliquée, notamment dans la région de Zanguézour, de Karaïaz et en partie dans celle de Delijan et de Lori, district de Bambak. En Azerbaïdjan, la situation est encore plus mauvaise, plus particulièrement dans les régions où s'opère le *mouvement insurrectionnel*, dans le Nakhitchévan, dans les districts de Zakatal et de Noukha. L'affaire en est venue à un isolement. Tout cela est l'œuvre de nos ennemis, des puissants koulaks d'Azerbaïdjan et de l'influence étrangère. *Actuellement, la situation est très tendue dans ces mêmes districts de Zakatalo-Noukha, Karabagh et Gandja*". Dans ce mouvement insurrectionnel contre le pouvoir d'occupation soviétique se sont groupés tous les éléments du peuple et tous les peuples du pays. Voici du reste dans quels termes remplis de haine et d'inquiétude à la fois, M. Eliava s'exprime:

"Le koulak par lui-même n'est pas dangereux tant que les "sérédniaks" (paysans moyens) ne sont pas tombés sous son influence. Malheureusement, nous avons très peu fait pour opposer les masses pauvres et moyennes à cette influence. L'on constate en ce moment au village l'union de toutes les forces anti-soviétiques: popes, mollahs, mencheviks, dachnaks, moussavatistes, ittikhadistes, etc." A tout cela il n'a garde d'ajouter: "...et une lutte très sérieuse contre les Soviets à l'extérieur...".

A la tête de ce "danger de l'extérieur" ainsi que le proclame M. Eliava, se trouve le Comité pour l'indépendance du Caucase lequel a "tout récemment repris son activité" avec, "l'appui de l'Angleterre" évidemment. L'analyse de faits

politiques par les bolcheviks ne saurait se passer de quelque allusion à de prétendues "intrigues anglaises".

De quoi parlent les "agents de l'Angleterre" du Comité pour l'indépendance du Caucase? "Il n'existe point de différence, disent-ils, ainsi que l'affirme M. Eliava, entre le coran et l'évangile, entre l'église orthodoxe et l'église grégorienne et comme résultat, nous avons vu dans le Nakhitchévan des bandes turkes (lire "insurgés") à la tête desquelles figuraient des prêtres arméniens; nous avons vu à Daralaghez des bandits arméniens (lire des "insurgés") se battre sous le commandement de chefs turks..."

Le fait que les Caucasiens ont senti la nécessité de s'unir pour lutter contre le régime abhorré, sans distinction de nationalité ni de croyance est très désagréable au représentant de l'impérialisme rouge qui a subjugué tous les peuples du Caucase.

Ce n'est pas le sang versé d'une population sans défense, pas plus que la tragédie d'un pays déchiré qui occupent l'esprit des communistes, voici plutôt:

"L'Azerbaïdjan est une base cotonnière pour la Transcaucasie et pour l'Union; le naphte d'Azerbaïdjan, l'élevage azerbaïdjanien ont une grande importance et jouent un grand rôle. S'il arrivait qu'il y eut un fléchissement de ce côté, la répercussion se ferait sentir sur les autres fronts" (discours de M. Eliava).

A qui la faute? Ni le Comité régional de Transcaucasie, ni Moscou, évidemment, ne sont coupables; les dictateurs du Kremlin sont infaillibles, le régime colonial rouge n'est pour rien dans tout cela. La faute en revient, d'une part, à des "influences extérieures" et, d'autre part, aux communistes azerbaïdjanais. Ce sont les organisations azerbaïdjanaises du parti qui n'ont pas assez vite réagi. Nonobstant les instructions du Comité central du parti d'envoyer des agitateurs à la campagne, le Comité central n'en a rien fait. Telle est l'accusation que ce même Eliava a lancée publiquement au visage des délégués azerbaïdjanais. Sous le coup de cette outrageante accusation, les délégués azerbaïdjanais se divisèrent en deux camps. "La faute n'incombe point à un excès d'indépendance des organisations du parti azerbaïdjanais", répondit le délégué Kassoumov, mais à un "centralisme excessif. Combien préférable aurait été un simple conseil du Comité central laissant aux forces locales le soin de s'occuper de ces affaires. La faute, dans les derniers événements, réside tout entière dans cet excès de centralisme; voilà la vérité", ajouta-t-il.

En dépit des déclarations serviles des communistes azerbaïdjanais à tendances russophiles, dans le genre de M. Karaev, qui au cours d'une vive polémique gratifia le commissaire du peuple Bouniat-Zadé de "serviteur du

moussavat", dans les larges couches soviétiques d'Azerbaïdjan domine à n'en point douter l'influence du groupe Kassimov. Les journaux de Bakou relatent le discours hardi de l'ouvrier Zoulfaliev qui au cours d'une réunion, dans un quartier ouvrier, démontra les fautes commises par les organisations centrales. Ledit Zoulfaliev compara la situation du paysan des kolkhoz avec celle du serf sous l'ancien régime, ce qui lui valut d'être descendu de la tribune et emmené en un lieu qu'on devine sans peine. Un groupe d'étudiants de Bakou ne put se défendre de critiquer la politique centrale; ils allèrent jusqu'à exiger la non-immixtion de Moscou dans les affaires du Caucase. Les étudiants pas trop hardis furent expulsés de l'Université et les professeurs ainsi que les autres étudiants furent "blâmés" pour leur "passivité", laquelle s'était manifestée par le fait même qu'ils avaient écouté des "discours contre-révolutionnaires" prononcés dans les murs de l'Université.

Comme on peut le voir, le mouvement "insurrectionnel" s'est emparé même des "classes dirigeantes" à la tête desquelles se trouvent des "camarades" choisis parmi les travailleurs responsables. Dans ce même discours de M. Eliava il y a des indications indirectes telles que "chez nous ont surgi tout dernièrement des cas individuels surtout en Arménie et en Azerbaïdjan de groupements au sein du parti". Ces dirigeants prêchaient la liquidation de tous ces groupements: "Nous devons à ce point discipliner toutes nos organisations de manière que le parti agisse comme un seul homme sur tous les secteurs et qu'il réponde pour chaque secteur en Transcaucasie aussi bien sur le secteur Géorgien qu'Arménien et qu'Azerbaïdjanien".

Malgré le triomphe du secrétaire général, la crise de la dictature communiste continue, sans aucun doute, à se trouver dans une situation incurable. Les contradictions créées par le régime soviétique lui-même croissent de jour en jour. Dans ce système de contradictions le principal rôle est joué comme toujours par deux facteurs capitaux qui se développent dans des directions diamétralement opposées. D'une part se développe un centralisme basé sur le fait de la concentration sur une étendue plus restreinte de la dictature du parti et, d'autre part, sur le développement de plus en plus grand de l'autonomisme dans les républiques nationales du fait de l'existence d'un renforcement du mouvement national.

Ces deux tendances divergentes de la réalité soviétique commencent à se heurter. Le mouvement insurrectionnel que nous analysons ici constitue l'une des étapes de ce conflit. Les victimes de ce conflit sont innombrables. Les meilleurs enfants du pays périssent dans cette lutte; le peuple supporte des souffrances inouïes, des privations sans fin. De braves insurgés repoussent les furieuses

attaques des occupants exclusivement avec leurs propres moyens, sans le moindre secours, séparés du monde civilisé. Il est possible que le sort leur réserve encore de pires souffrances; abandonnés à eux-mêmes ils seront encore peut-être battus; mais ce ne sera qu'une défaite matérielle et passagère. Au point de vue moral ils sont déjà vainqueurs car la victoire finale leur est garantie attendu qu'ils défendent moralement les principes invincibles de liberté, les principes du droit et de l'indépendance nationale. Le meilleur gage de succès de ces hauts bienfaits de la culture humaine pour les peuples du Caucase, consiste dans l'unité des intérêts politiques du Caucase; l'idée de cette unité en raison même des derniers événements a progressé formidablement ainsi qu'en témoignent éloquemment les faits que nous venons de citer.

Dans le temps où l'on remarque la présence de "groupements" et de tendances divergentes dans les rangs ennemis, nous sommes heureux de constater la présence de tendances convergentes parmi les peuples du Caucase qui luttent en pleine solidarité pour l'indépendance des républiques du Caucase.

Oui, les peuples du Caucase qui, en la personne de leurs insurgés, soutiennent une lutte sanglante, la main dans la main, contre l'ennemi commun suivent la véritable voie historique. Les documents des organes dirigeants du Caucase national démocrate cités plus haut, montrent que dans cette voie qui est la vraie existe une certaine harmonie entre les théoriciens et les éléments pratiques du mouvement caucasien. Il ne nous reste qu'à désirer plein succès au Caucase dans cette direction, mais il faut se souvenir fermement que la lutte entre dans une phase décisive et que nombreuses seront les difficultés. Pour surmonter ces difficultés et pour atteindre une victoire complète il faut que l'union la plus intime de tout le Caucase se fasse, aussi bien entre le Nord et le Sud qu'entre l'Est et l'Ouest. C'est dans l'union de tous les peuples du Caucase et dans sa conception bien arrêtée de la réalisation indispensable de l'idée d'une Confédération indépendante du Caucase que réside le gage certain de notre victoire finale.

Ainsi, peuples du Caucase, unissez-vous, serrez vos rangs et autour de vos bannières nationales, levez plus haut l'étendard de l'unité caucasienne. En cela répétons-nous réside notre salut à tous.

M.E. Rassoul-Zadé

Prométhée. 1930. № 46. P. 3-8.

Un nouveau témoignage de servitude nationale

Ce témoignage s'est produit là-bas, dans le pays où, plus que partout ailleurs, on parle de libération des peuples, où le mot d'ordre de révolution sociale s'allie étroitement avec cet autre mot d'ordre de libération nationale.

Effectivement, ceux qui prétendent avoir démasqué l'impérialisme et le système colonial du capitalisme contemporain, les gens de la III Internationale qui tiennent leurs assises au Kremlin de Moscou, osent affirmer que le problème des nationalités en U.R.S.S. a été résolu, chaque nationalité de l'Union ayant reçu la possibilité et le droit de se gouverner elle-même.

Un simple examen de la Constitution soviétique et du système centralisateur de la dictature communiste suffit pour donner une idée de la fausseté des déclarations mensongères dont se sert le régime soviétique dans la question de la fédération et du droit à la libre disposition des peuples.

Peut-il être sérieusement question d'une auto-disposition quelconque dans un pays où tout le pouvoir a été donné en apanage à un petit groupe de communistes agissant, non pas en vertu de directives idéologiques émanant de Moscou, mais du fait d'abus grossiers commis par des secrétaires-dictateurs locaux nommés directement par ce même pouvoir dictatorial de Moscou. Les secrétaires moscovites des organisations régionales nationales s'appuient, d'une part, sur les forces de l'armée rouge d'occupation, et, de l'autre, sur le bras du "prolétariat" (entendez du Guépéou, anc. Tchéka) qui, en tant qu' "organe de défense de la révolution", ne peut être en aucun cas dissocié de l'organisation centrale de Moscou.

Bien que rigoureusement centralisé, le régime dictatorial du Kremlin rouge donnait parfois, sans porter atteinte à ses prérogatives, des gages sous forme "de mots d'ordre révolutionnaires décoratifs" à l'idée de fédération.

Conformément à cette tactique, seuls les commissariats de l'Intérieur, de la Justice, de l'Instruction publique, de l'Agriculture et de l'Hygiène étaient maintenus dans le cadre des républiques alliées et autonomes.

Cependant, en vertu d'une ordonnance du "Conseil des Nationalités", les droits des républiques nationales furent, l'an dernier, soumis à certaines restrictions en matière juridique. Aujourd'hui, l'agence bolchéviste *Tass* lance un court communiqué annonçant que, par décision de Moscou, les commissariats de l'Intérieur dans les républiques alliées et autonomes de l'"Union soviétique" sont supprimés.

Par cet acte, les républiques nationales "autonomes" de l'Union soviétique sont ainsi privées du droit de diriger leurs affaires intérieures et ce droit appartiendra dorénavant à Moscou qui possédait déjà l'exclusivité pour les commissariats des Affaires étrangères, du Commerce extérieur, des Voies et communications, des Postes et Télégraphies, etc. Nous disons dorénavant, bien que ces commissariats, tous les commissariats dans leur ensemble, aient de tout temps été, en réalité, dans les mains de Moscou.

Qu'est-ce qui a bien pu susciter cette décision? Pourquoi la dictature moscovite a-t-elle eu besoin, en ce moment, d'attenter au droit, fut-il fictif, des républiques nationales soviétiques de s'administrer elles-mêmes? L'on ne se représente pas l'"ornementation" des républiques autonomes sans la présence de ce "décor" effectivement indispensable. Pourrait-on appeler république, unité autonome, le pays qui ne posséderait pas sa propre police, qui serait administré par des dispositions venues du dehors?..

Les autorités moscovites sont guidées, de nos jours, par d'autres conceptions, d'un caractère plus grave que celles qui les ont guidées précédemment lorsqu'elles donnaient aux "décors extérieurs" plus d'importance. La centralisation du pouvoir dans les mains du dictateur Staline est un mot d'ordre qui répond parfaitement au système caractérisé par le plan quinquennal de collectivisation et par la militarisation hâtive de toute l'Union soviétique.

L'on n'ignore pas que les insurrections les plus sanglantes dirigées contre le plan de la collectivisation ont eu lieu, précisément, sur les confins de l'Union. En Azerbaïdjan et dans tout le Caucase, en Ukraine, au Turkestan et dans d'autres républiques encore, les insurrections, paysannes se produisent sous les yeux bienveillants de la milice locale qui, bien souvent, passe du côté des "koulaks". Aussi, de nos jours, l'administration au Caucase, en Azerbaïdjan en particulier, est déjà remplacée par des gens venus de Moscou.

Moscou prépare un coup décisif. L'Europe commence à s'en apercevoir. Il se produit un processus de centralisation de toutes les forces économiques, politiques et militaro-administratives des pays soviétiques. Si, jusqu'à ce jour et dans l'intérêt de la propagande, les mots d'ordre décoratifs de la révolution avaient quelque importance et s'il fallait tolérer cette forme de pouvoir dans les républiques nationales de l'Union, il n'en est plus de même aujourd'hui. On a convenu désormais, dans l'intérêt même des opérations révolutionnaires, de ne plus prendre en considération les conditions susceptibles d'empêcher la réalisation du but préalablement fixé.

Lorsque, pour réaliser des rêves fantaisistes, sans le moindre remords de conscience, le fanatisme insensé est prêt à précipiter dans la misère et dans la servitude des millions de sujets, croit-on qu'il soit disposé à compter avec de vaines formes extérieures, sans valeur aucune à ses yeux? Non, ces formes extérieures, dans les conditions actuelles, ne peuvent, à son avis, qu'être pour lui un obstacle.

Effectivement, ce point de vue a sa raison d'être. Nous aurions tort quant à nous, de ne pas en tirer nos conclusions. En présence de ce nouvel acte d'asservissement national, et en raison des événements qui s'annoncent, nous, peuples asservis de l'Union soviétique, devons être prêts à toute éventualité!

M.E. Rassoul Zade

Politicien contre historien

Les événements qui se déroulent actuellement dans "l'Union Soviétique" retiennent l'attention générale du monde. La grandiose "expérience" tentée par les bolcheviks incline de plus en plus vers sa fin logique. Le régime soviétique, et avec lui la dictature communiste, roulent vers l'abîme que leur réserve l'Histoire, avec une rapidité vertigineuse. La dictature de Staline avec son plan monstrueux d'industrialisation de la Russie paysanne est-elle capable de détourner le pays de cette fin inévitable?.. La plupart des savants spécialisés, se basant sur des données strictement objectives, prédisent l'échec inévitable du "plan quinquennal" stalinien. Cet échec laisse entrevoir la chute du régime soviétique et de la dictature communiste. Il est vrai que d'autres ont une opinion toute différente et qu'ils vont jusqu'à admettre le succès de l'expérience bolchéviste, mais en ce cas, ils prévoient qu'un conflit sanglant entre le monde capitaliste et le monde socialiste ne manquera pas d'éclater, conflit qui marquera l'effondrement de l'"Union" comme suite d'une guerre que les Soviétiques sont dans l'impossibilité de soutenir.

Les représentants de l'émigration politique russe envisageant la fin éventuelle du régime soviétique, escomptent la première version de la chute du régime. Tout récemment encore, le représentant du libéralisme russe, M. Milioukov, analysait, dans l'un de ses rapports lu à Paris, les ouvrages écrits par des auteurs de différents pays sur le problème de l'industrialisation soviétique. M. Milioukov se rangea du côté de ceux qui prédisent un krach inévitable de ce système.

Convaincus de la chute imminente des bolcheviks, les éléments antibolchéviques de Russie se demandent non sans raison qui viendra remplacer le pouvoir actuel.

Le chef du groupe des républicains-démocrates ne manqua pas non plus d'examiner cette importante question. Existe-t-il des forces actives luttant contre les bolcheviks en Russie même? La question ainsi posée, M. Milioukov y répond, bien que d'une façon peu précise. Les communiqués qui répondent à ces questions provenant des centres de Minsk, Kharkov, Tiflis et Bakou, c'est-à-dire des confins de l'Union, M. Milioukov estima nécessaire de ne pas trop insister. Il est facile d'en deviner la cause...

Très discret à Paris, M. Milioukov fut beaucoup plus expansif à Prague. Lors de la lecture d'un rapport de M. Meisner, intitulé "La situation en Russie et les buts de l'émigration", sous les auspices de la section de l'Union républicaine-démocratique russe de Prague, M. Milioukov, prenant la parole au cours des

débats, fit une intéressante déclaration. Ayant pris sous sa protection un étudiant blanc-russien qui avait déclaré que "la culture russe et le mouvement intellectuel s'étaient développés sous le knout", M. Milioukov crut utile d'exhorter ses compatriotes à traiter avec attention et délicatesse les nationalités de Russie, "car, ajouta-t-il, la position qu'observeront les peuples allogènes de Russie jouera un grand rôle au moment de la chute du pouvoir soviétique. Il est même probable que les confins s'organisent les premiers". A cette déclaration, M. Milioukov crut devoir ajouter le conseil suivant: "La société russe doit trouver une formule commune avec les nationalités, car de cela dépend en grande partie la voie que devra suivre la renaissance de la Russie" (Cf. *Posljednia Novosti*, numéro 3572.)

Dans cette déclaration apparaît, à n'en point douter, le Milioukov-historien. En tant qu'historien, il voit mieux que tout autre que le développement des forces socialo-politiques actuelles ne permet point de défendre la Russie dans les formes historiques que voudraient lui conserver les représentants de l'impérialisme russe à la manière des Goukassov dans l'organe *Vozrojdenie*.

Analysant la marche générale des forces en mouvement et faisant un rapprochement avec des événements historiques analogues, M. Milioukov en vient à constater que le moment est venu de chercher les votes qui permettraient de prendre langue avec les nationalités de Russie. En d'autres termes, il s'agirait de négocier avec; ceux-là même contre lesquels s'éleva M. Milioukov au cours d'une réunion publique organisée l'an dernier à Prague par cette même section de l'Union républicaine-démocratique russe. L'on se souvient qu'à la question: "Pourquoi ne pas s'entendre avec les nationalités?", M. Milioukov avait répondu "qu'avec les allogènes, il ne saurait y avoir communauté de langage".

M. Milioukov-politicien se trouve en ce moment être en opposition avec M. Milioukov-historien. Dans son rôle d'historien, M. Milioukov reconnaît que l'on ne peut refuser aux nations le droit à disposer d'elles-mêmes; il reconnaît aussi que les peuples allogènes de Russie "ont la possibilité, au moment de la chute du bolchévisme, de s'organiser plus rapidement que la nationalité russe". Et cependant, nonobstant ces arguments, M. Milioukov-politicien ne peut admettre le principe démocratique généralement reconnu de l'autodisposition dans sa forme la plus pure. Son Union républicaine démocratique "ne peut accepter la complète indépendance des nationalités et leur séparation d'avec la Russie".

N'empêche que le "politicien" console l'"historien". Les conversations antérieures avec les allogènes étaient rendues difficiles du fait de leur intraitabilité!.. Il n'en est pas de même aujourd'hui, paraît-il, attendu qu'il existerait certains indices laissant supposer "que des changements se sont produits au sein de certains milieux autrefois hostiles à toute combinaison séparatiste".

C'est à cette prétendue "tendance" que se rallierait aujourd'hui M. Milioukov-politicien, tendance qu'il salue "avec force" et qu'il est disposé "d'appuyer".

Mais de quels "milieux" s'agit-il et de quelles "tendances" parle M. Milioukov? C'est là le secret diplomatique du "politicien".

Quant à nous, le devoir nous commande d'éclairer M. Milioukov-historien et nous l'engageons à ne pas croire à des faits anonymes de caractère douteux de M. Milioukov-politicien. Dans l'esprit des allogènes luttant pour leur indépendance, aucun changement n'est survenu, aucune tendance vers le renoncement aux droits de disposer pleinement de soi-même n'a été constatée.

En présence de l'impérialisme rouge voué à une perte certaine; en présence de la lutte héroïque que soutiennent les nationalités opprimées de Russie pour leur indépendance, et après avoir convenu que les peuples allogènes sont à même d'organiser leur Etat, il est inutile de vouloir lier leur sort à celui des représentants d'une politique qui ne reconnaît pas à ces peuples leurs droits bien naturels à leur indépendance nationale.

Qu'il nous soit permis de conseiller à l'"historien" de ne point s'abandonner aux sentiments du "politicien". Les nationalités qui travaillent à obtenir leur indépendance nationale ne voudront certainement pas, après avoir brisé les fers de l'impérialisme rouge, reprendre les chaînes d'un autre impérialisme.

M.E. Rassoul Zadé

Prométhée. 1931. № 51. P. 6-8.

The Caucasian Confederation

The "Bulletin of the Caucasian Independence Committee" (№ 13) is lying before us. The whole number is devoted to the representation of the idea of the Caucasian Confederation.* There are quoted here actual data in the shape of facts, trustworthy opinions and official documents, showing that the Caucasian nations have the inflexible will, and their leaders and their organizations are positively decided, to realize the national independence movement.

The bulletin is divided into parts according to nationalities. In the Azerbaïdjan portion is the resolution of the Azerbaïdjan National Centre, analyzing the recent insurrections, and giving those events a definite political significance,

* The term "Confederation" used by the author is to be identified with the term "Union". (Editor's note.)

closely connected with the idea of the Caucasian Confederation. The resolution "energetically bids all parties and all those who take part in the organization, when speaking of the independence of Azerbaijan, to call it the independence of the Caucasian Confederation, for the liberation of Azerbaijan is not to be thought of, without the whole of the Caucasus being freed"! Other documents in the Azerbaijan part are written in the same spirit: the manifesto of the Azerbaijan National Centre and the Central Committee of the "Moussavat" party, an article written by "Odlu-Yurt", the central organ of the Azerbaijan national movement, the declaration of the leaders of the national movement etc., also emphasizing the present significance of the idea reviewed by us.

In the Georgian part is quoted an extract from a resolution, accepted at a conference of the socialist-democrats of Georgia, where, after having approved the activities of their leaders, the party proposes "to work out the project of a constitution for the Confederation of the Caucasian Republics, and to continue the intense effort undertaken in that direction (i.e. the mutual approach of neighbouring nation s)".

Further on is quoted a leading article from "Brdzolis Khma" the foreign official organ of the Georgian socialistic-democratic party, where in commentaries on the above mentioned resolution is said "The Caucasian Confederation becomes the official watchword of the party, and with this motto service and fight are the command and duty of the party".

In this part are cited also other documents such as articles or trustworthy opinions confirming all that was said above.

The section which treats on the North Caucasus begins with a declaration of the National Party of the Caucasian Mountaineers announcing that "the idea of the united Caucasus, the idea of the Caucasian Confederation, ought to have been from the time of the revolution the mutual aim of all the Caucasian nations. You and your leaders were always for the Confederation. You must in future tend to the same, as here is our salvation, and the realities surrounding us demand mutual endeavours on the part of all the Caucasian nations". That same thought has been carried on in other articles in Mountaineer section.

All this material leaves no doubt whatever that for the leading organs of Caucasia, the idea of the Caucasian Confederation is the actual watchword of today. More - this idea is the inspiration and strength of the fighting masses of Caucasia, as the Bolsheviks themselves admit.

The Caucasus is surrounded on both sides by seas - on the east by the Caspian Sea and on the west by the Black Sea - joined by the Baku-Batum railway line. A chain of mountains forming a natural frontier gives a geographical whole so indispensable in forming any state and much more in forming a union of several nations differing one from another. Hence, geographical unity is the first condition of the Caucasian Confederation.

The topographical aspect of the country is not however the only reason for uniting it. There is another point which plays an important part in the fate of nations, the economical one. The Caucasus with its great natural riches and economical possibilities deserves special notice.

The petroleum industries of Baku in Azerbaidjan hold the second place (after the USA) in the world production, giving the Caucasus a powerful economical trump card. Besides Baku there are oil fields in Groznyy, in the North Caucasus.

The manganese industry in Chiaturi in Georgia, copper ore in the mountains of Azerbaidjan, the Ghedebek and Zanghezur, the Dashkesen iron ore in the Gandjin district of Azerbaidjan, and other layers of useful ores, are the other important items of the economic power of the Caucasus.

With regard to agriculture this country produces, besides all sorts of cereals, best kinds of industrial plants, such as cotton, flax, tea, tobacco and others. The progressive cultivation of cotton extends over vast areas.

The production of fruit occupies a weighty place in the economics of the Caucasus. Viniculture and therefore winemaking are highly developed.

The near access to the two seas assures the country not only wide connections with other countries but secures for it cheap transport, creating at the same time exceptionally advantageous conditions for fishing; the coast of the Caspian Sea is most richly endowed in this way. Not less important is the extensive rearing of cattle.

In this short article cannot be enumerated all the economic possibilities of the country, which would give a complete picture of its material welfare, we can only say that the Caucasus is an economical whole, which does not feel the lack of anything essential, all its wants being supplied by its own resources. Hence, the Caucasus as an economical totality is the second condition of the Caucasian Confederation.

The population of the Caucasus exceeds 12 million inhabitants. It consists of various ethnic groups, belonging, however, to four principal nationalities: the Azerbaidjans occupying mostly the east of the Caucasus, the Georgians in the west, and the North Caucasians and Armenians in the south, between Georgia and Azerbaidjan, on the borderland of Turkey.

The national mosaic of the inhabitants of the Caucasus makes at first a false and negative impression on an insufficiently informed looker-on, owing to which one often hears of the similarity of national relationships of the Caucasus and the Balkans; as if the third essential claim for the State of Caucasia were lacking - its uniformity of nationality.

Still, it is known to us from political geography, that on a parallel line to the federacies of a uniform national character, there exist also types of federacies consisting of inhabitants, different in respect of their nationality; e.g. the Swiss Union, where three principal ethnic elements - the French, the Germans and the Italians - are firmly welded in the bonds of citizenship of the Swiss State, which state bore prosperously the stress of the European cataclysm, when the neighbouring great European nations closely related to the Swiss peoples waged a destructive war on each other. What was the force that welded these Swiss nations? From common political and business interests, common struggle in defense of these interests and common historical past, there grew in all the Swiss nations one spirit and one will in defense of their freedom, of which the Swiss State was the best guarantee.

The history of the struggle for independence of the nations of the Caucasus has a much greater similitude to Swiss history, than to that of the Balkans. Despite national and religious differences, a careful inquiry into cultural and historical facts, and social matters will make it possible for us to notice among the elements dividing the nations of the Caucasus, many uniting them.

In its past the Caucasus has been the arena of different cultures and civilizations crossing and intermingling. Here the west-Roman and the east-Persian civilization came into contact likewise the Christian-European and the east-Moslem one. The result is that in the Caucasus we have representants both of Christian and Moslem culture. This difference of culture and religion is deepened by ethnic and speech differences. Besides nations of pure Caucasian descent there are others (in a considerable proportion) of Turk (Turk and Tatar) origin, not mentioning other races, which form only a small minority.

Furthermore there are certain characteristic features which, in their habits and psychology, draw all Caucasians one to another, creating as if a uniform, general Caucasian type, an amalgamation of harmoniously blended cultures. The geographical uniformity, economical unity and culture interact in together with the historical lot of the country have contributed in a great measure to the creation of this Caucasian general type.

During the Arabian and the later Persian and Turkish domination, both Christians and Moslems were greatly influenced by the east-Moslem civilization. This influence is easy to be traced in the language and the literature both of the

Armenians and the Georgians. The famous Georgian poet of the XII century Shota Rustaveli is one of the best representants of eastern culture in the Middle Ages. The hundred year reign of Russian reformed by Peter the Great, by very force of circumstance, gave rise to a European culture however imperfect, which left its imprint both on Christians and Moslems. The pioneer of the modern Azerbaidjan literature, the eminent Mirza Fatali, is a proof of that influence.

Further investigation into these problems awaits their students; at present, we want to say only one thing: there exist names which stimulate equally all the Caucasians; there are works of literature and art venerated alike by all Caucasian nations; just as there are purely customary traditions and habits, which are understood and loved alike by the sons of the highlands of the north, as by the inhabitants of the immeasurable plains of the south Caucasus.

Nevertheless the principal cement soldering the Caucasian nations is being made now, when under the pressure of stern reality their inflexible will is wrought to attain independence and freedom. All these nations tend to resuscitate their lost liberty, comprehending well the need of a joint struggle.

Common political aims are the fourth condition of the Caucasian Confederation.

Objectively speaking, the hundred years of Russian rule were favourable to the consolidation of the Caucasian nations and when fate decreed that the Russian empire ceased to exist, there did not appear on the historical stage quarreling tribes, dukedoms and khanates of the Caucasus, but perfectly united nationally, culturally and politically four nations which proclaimed their independence as the Republic of Caucasia.

As previously the tsar's regime, so also the Russian-bolshevic occupation with its famous expropriation and sovietization of the property of all nationalities became a new test for the nations of the Caucasus. Fighting against the general tyranny for their human and national rights, they became palpably convinced that it would not be enough to proclaim the independence of one Caucasian republic, but that it was necessary that they should at the same time unite into one strong state, having in view the most effective defense of their lawful rights.

The same thing took place as in the life of other nations, as in the classical examples of well known federations. We know that neither the German Reich nor the Swiss Federation were formed at once, but gradually in proportion to their development, in consequence of the real necessity of combat against mutual foes of the individual states.

The national understanding arising as a consequence of historical experiences is that motive-power - the idea which leads the social movements to victory.

The strength of the idea of the Independent Caucasian Confederation lies in the fact that during their combats with the Russian-bolshevik occupation, lasting for more than ten years, that idea had been the lodestar of all the conscious elements of the whole country; this is proved not only theoretically by documents, but also by the bloody fights of the unequal contest which is taking place today in the mountains and valleys of their country.

Hence, the idea of the Independent Caucasian Confederation is a fact not to be disputed and, as to putting it into life, it is an unavoidable deed of the nearest future.

M.E. Ressel-Zade

Wschod. 1931. № 2. P. 37-44.

Caractère du mouvement national¹

De par ses sources idéologiques, le mouvement national en Azerbaïdjan représente en lui-même l'idée nationale-libératrice de l'Orient et les courants démocratiques-culturels de l'Occident.

L'Azerbaïdjan du Caucase, peuplé d'éléments musulmans et turks, lesquels n'ont rien de commun, pas plus au point de vue religieux que culturel avec la Russie qui les a conquis exclusivement par la force des armes, n'ont jamais accepté moralement le Pétatisme russe. Or, les traditions de ce dernier, nul ne l'ignore, s'appuyaient sur l'hostilité professée contre le monde musulman et turk. C'est l'une des causes pour lesquelles les idées de panislamisme et de panturkisme trouvaient en lui un vif écho.

Avec le temps et avec le développement des forces sociales, alors que les larges cercles de la population adhéraient au mouvement public, nous voyons le mouvement national en Azerbaïdjan prendre, plutôt que partout ailleurs dans l'Orient musulman, un caractère européen.

Déjà, au début du XIXe siècle, la littérature azerbaïdjanienne qui comptait dans sa galerie historique des flambeaux de la littérature orientale tels que le célèbre Fizouli (poète turk de la fin du XVe siècle de l'ère chrétienne), commence à se moderniser. Le grand novateur que fut Mirza Fatali Akhound zadé donne un nouvel essor à la société azerbaïdjanienne par ses immortelles œuvres écrites en langue populaire. Dans ses travaux, d'une forme toute nouvelle (il fut le premier dans le monde musulman à écrire des œuvres dramatiques), il propage des idées entièrement nouvelles, puisées dans l'idéologie cultivée du XVIIIe siècle.

A partir de Mirza Fatali, la littérature azerbaïdjanienne fait preuve de dispositions pour les idées de l'Occident; elle s'habitue à, agir avec discernement dans les manifestations de la vie.

A Mirza Fatali succède toute une pléiade de poètes, d'écrivains, de dramaturges d'orientation libérale qui se donnent pour tâche de développer dans le peuple le sens de la compréhension européenne et de susciter en lui une activité politique individuelle.

En 1875, le premier organe de presse en langue azérie fait son apparition à Bakou, la capitale de l'Azerbaïdjan; c'était le premier journal turko-musulman édité en Russie. Les idées civilisatrices de Mirza Fatali, dans le journal *Equindji* (Le laboureur) de Hassanbek Zardabi, y trouvent régulièrement leur défense. Si jusqu'à l'apparition de *L'Equindji*, ces idées étaient indirectement propagées, sans tendances politiques déterminées, il n'en fut pas de même chez le premier publiciste d'Azerbaïdjan où elles servirent d'une façon concrète de but politique. Les Azerbaïdjanis devaient profiter des fruits de la civilisation contemporaine et se familiariser avec la culture européenne; "*dans le cas contraire ils étaient condamnés à un éternel esclavage...*"

Mais si le gouvernement du tsar observait tranquillement les écrits abstraits de Mirza Fatali, il n'en était pas de même avec les tendances du premier organe politique *Equindji* qui fut suspendu. Il fut même défendu à son rédacteur d'organiser une société musulmane de bienfaisance à Bakou.

Jusqu'à l'année 1905 la société azerbaïdjanienne se trouve sous le rigoureux contrôle de la censure tsariste. Ce n'est que grâce à la première révolution russe qui suivit la défaite infligée à l'armée russe en Mandchourie que commença une nouvelle ère dans la vie sociale des Azerbaïdjanis. Dès lors commencent d'apparaître des quotidiens et différents périodiques.

La littérature se développe avec éclat; il en est de même de la musique et du théâtre; on ouvre des imprimeries, différentes sociétés scientifiques, des cercles politiques et de parti. Se sentant plus solidement organisé, le mouvement devient nettement national et, en plein accord avec le mouvement libéral-révolutionnaire qui sévit dans tout l'empire russe, exige en même temps que des réformes générales du régime politique de l'empire, des droits nationaux-culturels pour les musulmans de toute la Russie.

Ajoutons que deux courants principaux se manifestent. Alors que la vieille génération constituée par les anciennes couches aristocratiques marchait de pair avec les libéraux russes, la jeune génération, éduquée pour la plupart dans un esprit national, accordait ses sympathies aux courants radicaux et révolutionnaires de la société russe.

Se trouvant sous l'oppression générale de l'empire russe et de sa politique antimusulmane, l'activité politique des peuples turks de Russie se développait dans une direction, unique et dans un étroit contact idéologique-organisateur. Dans le

mouvement général musulman russe, les représentants de la société musulmane jouaient un rôle dirigeant des plus insignifiants.

Deux faits historiques fixent deux importantes dates dans le développement de la vie politique des musulmans de Russie: c'est le Congrès de Nijni Novgorod en 1905 et le 2e Congrès de Moscou de 1917 au cours desquels furent, fixés les aspirations des musulmans de Russie.

Le congrès de Novgorod qui pour raison de tactique avait pris pour mot d'ordre "collaboration avec le libéralisme russe" n'exigeait pas autre chose qu'une culture nationale et la reconnaissance des droits de citoyens. Le Congrès de Moscou émit une résolution demandant la division de la Russie en unités territoriales nationales autonomes. Comme au cours du premier Congrès, les décisions politiques étaient formulées par les représentants de l'Azerbaïdjan.

A l'époque du Congrès de Nijni Novgorod, la plupart se trouvaient du côté des libéraux, non seulement au cours du Congrès, mais aussi en Azerbaïdjan même. Il n'en fut point de même au Congrès de Moscou où il ne fut plus question de libéraux, mais où l'on put voir des partisans d'une coalition avec ce qu'on appelait la démocratie révolutionnaire russe qui toutefois se trouvèrent en minorité avec leurs prétentions au sujet de la construction militaire d'une Russie démocratique. La majorité des représentants adhérait au parti des nationalistes révolutionnaires, lesquels demandaient un particularisme national territorial de toutes les nationalités habitant l'empire russe.

Le nationalisme révolutionnaire azerbaïdjanien, connu par le rôle qu'il joua au Congrès de Moscou, était représenté par le parti "Moussavat", parti qui, au cours des travaux du congrès des musulmans du Caucase à Bakou, au mois d'avril 1917, publia son programme dans lequel il demandait un statut d'Etat non seulement pour l'Azerbaïdjan, mais aussi pour les autres peuples turks placés sous l'autorité de la Russie.

Le membres du parti "Moussavat" sortaient des rangs de la jeune génération azerbaïdjanienne qui, au cours de la première révolution russe et en dépit de l'opposition de la vieille génération, accordait ses sympathies à l'aile révolutionnaire de la société russe. Au cours de la lutte contre le tsarisme, le socialisme révolutionnaire leur apparaissait, sinon se rapprochant le plus de leurs conceptions, tout au moins un allié plus conforme à leurs vues.

Animés d'une haine implacable contre l'impérialisme russe en tant qu'oppresser de leur pays, ils adoptaient facilement la tactique des partis extrémistes qui poussaient loin leur travail de sape.

Le "moussavatisme" en tant qu'harmonisant l'idéologie nationale, ayant conservé en lui-même les conceptions modernisées des traditions idéologiques de l'islamisme et du turkisme, le programme social d'orientation socialiste-populaire

et de tactique révolutionnaire tendant à détacher l'Azerbaïdjan et tout le Caucase de la Russie, acquit une grande popularité parmi les masses populaires d'Azerbaïdjan. Aux élections à la Constituante russe, à la Diète de Transcaucasie, au parlement d'Azerbaïdjan, le parti "Moussavat" et les groupements de résistance avec lui, avaient toujours une imposante majorité.

De ce moment, le "moussavatisme" devient synonyme de nationalisme azerbaïdjanien.

La diffusion de la nouvelle littérature nationale, défendus par les organisations socialo-politiques de différentes tendances et conceptions et l'idée de l'autodisposition nationale de l'Azerbaïdjan ayant reçu sa formule concrète-politique dans le programme "Moussavat" devint ainsi une revendication nationale qui se réalisa dans la pratique. De fait, de par la volonté du peuple, le Conseil national azerbaïdjanien du 28 mai 1918 proclama l'Azerbaïdjan, République démocratique indépendante.

II

Les réalisations obtenues par la République nationale

La République démocratique d'Azerbaïdjan compte en tout deux années d'existence. Le 27 avril 1920 elle dut subir l'attaque de la Russie soviétique; elle fut soviétisée par la force des baïonnettes de l'armée rouge. On trouvera ici un aperçu de la lutte contre les forces d'occupation, mais auparavant, nous nous arrêterons sur quelques réalisations obtenues en Azerbaïdjan pendant l'existence du gouvernement national, et avant que de les énumérer, donnons un coup d'œil rétrospectif sur la situation du pays sous le régime tsariste:

Ainsi, l'Azerbaïdjan musulman était soumis à l'oppression du régime tsariste. Par exception, les Azerbaïdjanais ne faisaient point de service militaire, étant considérés comme un élément peu sûr, n'étaient point admis dans les administrations de l'Etat, à de très rares exceptions, ne jouissaient point de tous les droits accordés aux autres citoyens. Dans les municipalités autonomes locales de Transcaucasie, les musulmans ne pouvaient constituer plus de la moitié des conseillers; ils étaient en outre tenus dans l'ignorance; la presse en langue maternelle était interdite; étaient également interdites les organisations d'intérêt public, voir même les sociétés de bienfaisance et celles ayant un caractère culturel. A peine constitué, le Gouvernement d'Azerbaïdjan organisa sa propre armée qu'il porta à 30 000 hommes; elle comptait 8 régiments d'infanterie, 3 régiments de cavalerie, 3 brigades d'artillerie, une division de cavalerie de montagne, une division de mitrailleuses, 2 trains blindés, 6 automobiles blindées, 2 canonnières, 8

hydroplanes, une école militaire (infanterie, cavalerie, artillerie), une école d'ingénieurs. Par son instruction, son esprit national et ses connaissances, cette armée joua un rôle considérable; au cours de ses deux années d'existence, l'armée azerbaïdjanienne a opéré toute une série de campagnes et soutenu avec succès des combats acharnés.

Les rouages de l'Etat n'étaient point négligés; un ordre parfait y régnait; tout en respectant le code des lois existantes, le Gouvernement d'Azerbaïdjan s'en tenait à une politique de réorganisation progressive des rouages de l'Etat, en conformité avec les exigences du nouveau régime et des intérêts nationaux.

Une attention toute particulière fut portée par le nouveau gouvernement sur la question des écoles et de l'instruction publique en général. Si l'on en croit les statistiques officielles des bolcheviks, à la chute du régime tsariste l'Azerbaïdjan comptait 950 écoles primaires avec un contingent de 62 788 élèves, les écoles secondaires étaient au nombre de 32 avec 2 643 élèves et quant aux écoles supérieures, il n'en existait point.

Au moment de la formation du Gouvernement national d'Azerbaïdjan, 6 p. 100 seulement de la population était lettrée.

Au cours de ses dix-huit mois d'existence normale, le Gouvernement national d'Azerbaïdjan se prit à nationaliser les écoles; les écoles primaires furent entièrement turkisées. Dans les écoles des minorités nationales, la langue turke fut introduite en tant que langue obligatoire. De nouvelles écoles secondaires, avec un programme national, furent ouvertes; elles furent à leur tour soumises au processus de turkisation.

Dans les villes de Bakou, Chéqui, Kazah et Gandjé de nouvelles écoles normales, destinées à former des cadres d'instituteurs pour les écoles nationales, furent créées. Des instituteurs et des institutrices furent invités de Turquie.

Une Université comprenant les facultés d'histoire et de philologie, de physique, de mathématiques, de médecine, fut créée et des professeurs étrangers vinrent y occuper des chaires. Plus d'une centaine d'étudiants furent envoyés dans les principaux centres scientifiques d'Europe. Une commission spéciale se chargea de composer et de traduire des manuels et des livres pour les besoins des écoles nationalisées. Dans tous les grands centres administratifs du pays des cours spéciaux de préparation aux fonctions de l'Etat furent créés.

En dehors des écoles militaires dont il a été ci-dessus parlé, des écoles spéciales de police furent ouvertes à Bakou.

Le rôle dirigeant au parlement azerbaïdjanien échut au parti "Moussavat" dont les particularités idéologiques ont été précédemment décrites.

Outre le parti "Moussavat", exception faite de la fraction des minorités nationales, telles les Arméniens et les Russes, le parlement comptait d'autres partis

de droite et de gauche. A droite du parti "Moussavat" siégeait le parti "Ittihad" avec une idéologie nationale; à gauche siégeait le bloc socialiste.

Nonobstant leur divergence idéologique, tous ces groupes étaient solidaires dans la question de l'indépendance, ce qui se manifestait surtout dans les questions de politique étrangère et de défense nationale. Il suffit de remarquer que le budget du ministère de la Guerre, malgré l'extrême libéralisme du parlement, était adopté avec enthousiasme et sans discussion.

Le parlement azerbaïdjanien adopta une loi sur la réforme, agraire, en vertu de laquelle le fonds agraire, exception faite d'un minimum laissé à ses propriétaires, devenait propriété d'Etat. Aux paysans sans terre, l'Etat allouait des lots de terre cultivable, selon des normes établies et sans indemnité aucune. Le lot de terre étaient cédés à leurs nouveaux propriétaires sans esprit de retour à l'Etat. En d'autres termes s'établissait la petite propriété paysanne, mais le droit aux richesses souterraines appartenait exclusivement à l'Etat.

Il est encore une loi qui fut adoptée par le parlement: c'est la loi sur l'organisation des institutions provinciales autonomes sur des bases largement démocratiques.

Dans les questions de politique étrangère, le Gouvernement national d'Azerbaïdjan s'efforçait avant tout de consolider la situation internationale de la nouvelle République. Il obtint la reconnaissance de l'Azerbaïdjan par les grandes Puissances; il conclut un traité de paix et d'amitié avec la Perse qui reconnut l'Azerbaïdjan *de jure*, ainsi qu'avec la Turquie.

En ce qui concerne les républiques caucasiennes voisines, le gouvernement d'Azerbaïdjan suivit une politique spéciale d'étroit rapprochement. Le parti "Moussavat" prit, lors du Congrès de Bakou en 1919, une résolution touchant à la nécessité d'unir les républiques du Caucase en Confédération. Une alliance d'ordre militaire défensif fut conclue entre l'Azerbaïdjan et la Géorgie.

A la Conférence arméno-azerbaïdjanienne de Bakou aussi bien qu'à la Conférence transcaucasienne de Tiflis, le Gouvernement d'Azerbaïdjan propose officiellement une union confédérée de toutes ces républiques, mais à chaque tentative cette proposition se heurtait à l'opposition de la délégation arménienne. Le parlement d'Azerbaïdjan, dans l'une de ses séances, adopta une déclaration demandant qu'un étroit rapprochement s'établisse entre les républiques du Caucase.

La propagande bolchéviste, en dépit de la présence de l'organisation des bolcheviks russes de Bakou dont l'activité était très remarquée, n'eut aucun succès en tant que doctrine sociale, en Azerbaïdjan.

Les travailleurs musulmans de Bakou, nationalistes dans leur majorité, marchaient avec le parti "Moussavat". Au début de la Révolution russe, en 1917, au cours des élections au soviet des députés ouvriers et soldats de Bakou, le parti

"Moussavat" obtint 70 p. 100 des voix. Avant la venue des bolcheviks en Azerbaïdjan, ainsi que l'affirme Lominadzé, secrétaire du parti communiste de Transcaucasie, le nombre des communistes azerbaïdjanais ne dépassait pas 300.

M.E. Rassoul Zadé

Prométhée. 1934. № 4. P. 6-11.

¹ Содержание этой статьи почти дословно совпадает с первым и вторым разделами статьи «Национальное движение в Азербайджане», которая была написана по-русски в 1933 г. и впервые опубликована в 2002 г. См.: *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 11-15.

Достижения Азербайджана на международной арене

29 января 1934 г.¹
Тайне²

Объявив свою независимость 28 мая 1918 г., Азербайджанская республика за подписью главы первого правительства оповестила все соседние и европейские державы об образовании нового правительства.

Вслед за этим актом 4 июня того же года между Азербайджанской республикой и Оттоманской империей был заключен так называемый Батумский договор, где Турцией признавалась независимость республики и устанавливались между ними добрососедские отношения.

После этого признания в Стамбул выехала азербайджанская делегация с целью участия на конференции делегатов центральных держав и кавказских новообразованных государств.

Во время своего пребывания в Истанбуле³ азербайджанская делегация была принята всеми миссиями союзных держав так называемой центральной коалиции, т.е. Германии, Австрии и Болгарии. Одновременно делегацией производилась информационно-пропагандистская деятельность в виде выступления в печати и публичных докладах.

После перемирия между воюющими коалициями азербайджанское правительство радиотелеграммой на имя президента В. Вильсона⁴ просило о признании прав азербайджанского народа на независимое существование.

Добившись фактического признания Союзного командования военных сил Антанты на Кавказе, азербайджанское правительство и парламент в начале 1919 г. отправили специальную делегацию в Париж, куда тогда

собирались деятели всего мира с целью участия на Версальской конференции.

Азербайджанская делегация по прибытии в Париж обратилась с меморандумом в Версальскую конференцию. В этом подробном меморандуме, изложив всесторонне вопрос и осветив существующее положение, делегация просила о признании независимости и суверенитета республики. Помимо общего обращения к конференции был сделан ряд отдельных обращений к отдельным державам - членам Верховного Совета Союзных Держав. Делегация была принята лично президентом Вильсоном и изложила ему права Азербайджана на независимое существование, ссылаясь также на принципиальное право народов на самоопределение, входившее в 14 пунктов президента Вильсона. Результатом этого демарша явилась отправка на Кавказ специальной американской миссии, во главе которой стоял генерал Гарбард⁵. Миссия эта занялась обследованием политического положения на Кавказе и представила доклад, в котором крайне положительно отзываясь об Азербайджане и дает сочувственное заключение о его независимости. Доклад комиссии генерала Гарбарда был опубликован в Вашингтоне в 1920 г.⁶

Наряду с официальной работой происходила работа информационно-пропагандистского характера в европейской прессе. При делегации в Париже и при представительствах в Лондоне были организованы бюро прессы. Эти бюро вошли в связь с самыми крупными органами печати в Париже, в Лондоне, в Риме, в Вашингтоне и помещали в них ряд статей и информации с целью осветить общественное мнение и заинтересовать его в пользу своих притязаний.

Помимо этого издавался специальный бюллетень Азербайджанского бюро прессы и несколько ревью, в которых сотрудничали совместно представители национальностей отделившихся от России народов. Отметим в частности журналы: "L'Europe orientale"⁷ и "Les Annales des nationalités"⁸.

Из крупных периодических органов особенно много статей появилось в парижском "Le Temps", в лондонском "Times", "Daily Mail".

По вопросу об азербайджанской нефти большое количество статей и информации в течении очень долгого промежутка времени появилось в "Courier de pétrole".

Отметим также изданные делегацией ряд книг, брошюр, освещающих политическое положение, географическую, экономическую ситуацию Кавказа, диаграммы, карты и т.д.

В Париже был организован комитет "Franco-Caucasien", куда входили видные французские политические деятели. Председателем этого комитета был нынешний министр De Monzie⁹.

Представители Азербайджана входили также и в общество "France-Orient"¹⁰.

Верховный Совет союзников признал 12 января 1920 г. независимость Азербайджана и Грузии. Делегации обоих государств были приняты в министерстве иностранных дел, и генеральный секретарь конференции господин Cambon¹¹ сообщил им об их признании.

19 января азербайджанская и грузинская делегации были приглашены на чрезвычайное заседание Верховного Совета (Conseil Supreme), на котором председатель Clemenceau¹² произнес речь, подчеркнув значение новопринятых республик, выразил желание Верховного Совета выслушать доклады представителей Азербайджана и Грузии об их положении и об их нуждах.

Представители обеих республик сделали сообщение о положении и просили об оказании моральной и материальной помощи.

Вскоре после признания Conseil Supreme последовало признание со стороны Польши, а за ним, в феврале 1920 г., было получено заявление японского правительства о его присоединении к решению Верховного Совета.

Обращение и ноты были представлены азербайджанскими представителями ко всем конференциям, имевшим место после Версальской конференции в Canne¹³, San Remo¹⁴ и др. Из них отметим в частности конференцию в San Remo, во время которой лордом Curzon¹⁵ была сделана попытка объединения кавказских республик. Посредничество по этому вопросу взял на себя один из ближайших сотрудников лорда sir Robert Vansittord¹⁶, но попытки эти, к сожалению, не увенчались успехом из-за непримиримой позиции армянских представителей.

После открытия Лиги наций азербайджанская делегация обратилась с меморандумом, прося о защите Лигой наций ее независимости и включения республики в состав Лиги. Такое же обращение было сделано и грузинской делегацией. Лигой наций была организована специальная комиссия под председательством доктора Нансена¹⁷ для изучения этого вопроса, и на основании доклада этой комиссии общее собрание Л[иги] н[аций] приняло резолюцию сочувственного характера и рекомендовало Совету Лиги наций внимательно следить за положением в этих странах.

Представители Азербайджана бывали регулярно в Женеве во время всех собраний Лиги наций и представляли ноты о положении в Азербайджане.

Одновременно с этим в Женеве велась регулярная работа информационного характера как среди делегации держав при Лиге наций, так и в прессе. Отметим, в частности, статьи, все время появлявшиеся и появляющиеся в женеvской газете "Journal de Geneva".

Кроме этих достижений, имевших место в Западной Европе и в Америке, можем отметить также договор, заключенный между Азербайджанской республикой и шахским правительством Персии, подписанный полномочными представителями обеих держав в г. Баку, столице Азербайджана, в марте 1920 г. и содержащий в себе пункты, устанавливающие юридическое признание независимости Азербайджана со стороны Персии и регулирующие добрососедские отношения обеих стран. Оба правительства обменялись посольствами.

Среди актов международного характера следует отметить также заключенный между Азербайджаном и Грузией военно-оборонительный союз 1920 г.

После падения республики деятельность азербайджанской эмиграции естественным образом протекала в затруднительных условиях как материального, так и морального характера. Тем не менее все старание эмиграционных сил было направлено к большой солидаризации борющихся сил кавказских народов, а также и других народов, стремящихся к освобождению от России.

С этой целью в 1927 г. в Стамбуле организован Комитет Независимости Кавказа, где представители Азербайджана принимают активное участие, защищая идею Кавказской конфедерации.

С таковой же целью они принимают активное участие также и в обществе «Прометей» - этой Лиге народов, поработанных российским империализмом.

К международным же достижениям крупного характера можно относить также законопроект специальной комиссии американского Сената от 23 апреля 1929 г., обеспечивающий президенту республики Северо-Американских Соединенных Штатов, когда найдет возможность, назначить дипломатического представителя при национальных правительствах республик Кавказа - Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа, принужденных под насильственной оккупацией большевиков временно оставить свои территории.

Об информационно-пропагандистской деятельности азербайджанской эмиграции в разных странах нами даны сведения в специальной главе очерка о «Национальном движении в Азербайджане»¹⁸.

РГВА. Ф. 461-К. Оп. 2. Д. 101. Л. 4-9.

Подлинник. Авторизованная машинопись.

¹ Дата поступления текста в польскую спецслужбу (экспозитуру №2).

² Штамп: «Секретно» (польск. яз.).

³ Стамбул (тур.).

⁴ Вильсон Томас Вудро (1856-1924) - президент США (1915-1921). В январе 1918 г. выдвинул программу мира - «Четырнадцать пунктов».

⁵ Точнее: Харборд Джеймс (1866-1947) - генерал, начштаба американской армии во Франции; в конце сентября 1919 г. по поручению Вильсона прибыл в Баку в качестве верховного комиссара правительства США.

⁶ Имеется в виду: *Harbord J. U.S. American military mission to Armenia. Report of the American military mission to Armenia. Washington, 1920.* В этом отчете американскому правительству о своей поездке в Закавказье и страны Ближнего Востока Харборд высказывал мнение, что США нужно получить мандат на всю Турцию и Армению.

⁷ *L'Europe orientale. Pour la défense des nouvelles républiques d'Orient. Paris, 1919-1920.*

⁸ *Les Annales des nationalités. Bulletin mensuel de l'Office central des nationalités. Paris, Lausanne, 1912-1918.*

⁹ Монзи Анатолий де (1878-1947) - французский ученый, писатель, в 1920-1929 гг. сенатор, неоднократно входил в состав кабинета министров Франции.

¹⁰ В это общество, которое было создано в Париже, входили известные французские политики.

¹¹ Камбон Жюль-Мартен (1845-1935) - французский дипломат, член французской делегации на Парижской мирной конференции, активно участвовал в выработке Версальского мирного договора.

¹² Клемансо Жорж (1841-1929) - в то время премьер-министр Франции; председатель Парижской мирной конференции (1919-1920).

¹³ Канны.

¹⁴ Сан-Ремо.

¹⁵ Керзон Джордж (1859-1925) - министр иностранных дел Великобритании (1919-1924).

¹⁶Точнее: Vansittart. Имеется в виду: Ванситарт Роберт Джилберт (1881-1957) - барон, британский дипломат, главный личный секретарь лорда Керзона (1920-1924), первый секретарь Парижской мирной конференции (1919-1920).

¹⁷Нансен Фритъоф (1861-1930) норвежский путешественник, общественный деятель; после окончания Первой мировой войны был верховным комиссаром Лиги наций по делам военнопленных.

¹⁸См.: *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 3-32.

О национальном уклоне в Азербайджане

28 февраля 1934 г.¹
Тәјпне²

Национальный уклон азербайджанских коммунистов и по сей день остается в силе. Перед нами обстоятельный доклад секретаря Азербайджанской Коммунистической партии М.Д. Багирова³, сделанного им на XII съезде партии от 11 января 1934 года⁴, где он, подводя итоги в области национальной политики в Азербайджане, как бы в оправдание зависимости Советского Азербайджана от московской диктатуры, о чем твердят и местные уклонисты, прежде всего, считает нужным «доказать» зависимость «мусаватского» Азербайджана от «английского империализма», с каковой целью и для пущей важности он ссылается на разные выдуманные факты и передернутые документы, выдавая за международный договор какие-то цитаты сомнительного характера, взятые из каких-то произведений, происхождение которых известно только самим коммунистам.

Далее, полемизируя с газетой «Истиклал»⁵ и с журналом «Прометей»⁶, утверждающими положения о колониальном состоянии Советского Азербайджана, об его завоевании московскими большевиками, об уничтожении его духовной культуры, о разрушении его национального единства, господин секретарь, между прочим, переходит к изложению фактов, относящихся к уклону в национальном вопросе среди местных коммунистов. По его изложению выходит:

Что «классовый враг, обволакивая отдельных неустойчивых коммунистов, пытается⁷ посеять рознь в интернациональных трудящихся массах Азербайджана. Отдельные звенья организации (то есть организации местных большевиков. [- Расулзаде]) не всегда давали должный и своевременный отпор шовинистическим и националистическим вылазкам»...

Что некоторые коммунисты из местных ответственных организаций создали целую теорию «о ненужности социальной⁸ борьбы против контрреволюционных партий дашнаков и мусаватистов, поскольку, мол, ведется борьба против кулачества».

Что «национализм находит подчас приют и в советской литературной среде и не встречает должного отпора со стороны организационного комитета⁹ писателей».

Что «националистические тенденции ярче всего проявляются в области языкового строительства¹⁰. Некоторые писатели, в том числе и молодые, предпочитают говорить с трудовыми читателями Азербайджана литературным языком, общим с Турцией. А некоторые, вроде поэта Санили¹¹, вопрос об упрощении языка, как это было на Украине, используют в целях отрыва деревни от города, замену общеизвестных интернациональных (понимай русских. [- Расулзаде]) терминов и слов сугубо архаическими, узкорайонными (понимай национальными. [- Расулзаде]) словами, терминами и диалектами»¹².

Что «в проведении тюркизации некоторых высших учебных заведений¹³ имели место грубые извращения ленинской национальной политики, были допущены ошибки националистического характера».

Эти ошибки выражались, по мнению докладчика, в «выпуске Высшего педагогического института исключительно тюркского по составу, ибо в этом случае совершенно прекращалась подготовка русских и армянских кадров»¹⁴.

Что «проявления местного национализма имели место также и в Азербайджанском медицинском институте. Было решено во чтобы то ни стало тюркизировать институт, что вызвало беспокойство среди русской профессуры, считавшей, что ее скоро вытеснят из высших учебных заведений»¹⁵.

Лишь вмешательством центральной Коммунистической партии¹⁶, как отмечает докладчик, подобным опасениям был поставлен конец. Другими словами, вместо того, чтобы вербовать соответствующий кадр профессоров или же обязать нынешнюю профессуру научиться тюркскому языку, сочтено за благо фактически отказаться от тюркизации высших школ.

Одним словом «борьба с уклонами в национальном вопросе, - как подчеркивает докладчик, - остается одной из основных задач всей азербайджанской организации» и что «по сию пору слова [тов.] Сталина, сказанные им на XVI съезде партии, сохраняют свою силу»¹⁷.

Эти слова касались уклона в национальном вопросе. По Сталину, «национальные уклоны не столь заметны и напористы, как "левые" или "правые" уклоны»¹⁸. Их можно было бы называть ползучими уклонами; но это

еще не значит, что они не существуют. Нет, они существуют и, главное, - растут. В этом не может быть никакого сомнения. Не может быть сомнения, так как общая атмосфера обострения классовой борьбы не может не вести к известному обострению национальных трений, имеющих свое отражение в партии».

В заключение Багиров говорит о том, как благодаря пролетарской революции разрушен царский военно-феодальный империализм. Но ему не удается затушевать и тот кричащий факт, что в лице пролетарской диктатуры появился на свет красный военно-коммунистический империализм.

РГВЛ. Ф. 461-К. Оп. 2. Д. 101. Л. 1-3. Подлинник.

¹ Дата поступления текста в польскую спецслужбу (экспозитуру №2).

² Штамп: «Секретно» (польск. яз.).

³ Багиров Мир Джафар Аббасович (1895-1956) - партийный деятель, в 1933-1953 гг. первый секретарь ЦК КП Азербайджана. Расстрелян в 1956 г.

⁴ Речь идет о брошюре: Багиров М.Д. О работе ЦК АКП(б). Отчетный доклад XII съезду АКП(б). Баку, 1934.

⁵ «Истиклал» - печатный орган азербайджанской эмиграции, выходил в Берлине в середине 30-х годов XX в.

⁶ «Prométhée» («Прометей») - ежемесячный журнал, основанный Комитетом независимости Кавказа; издавался в Париже в 1926-1938 гг.

⁷ В источнике - «пытался» (*Багиров М. Д. Указ. соч. С. 85*).

⁸ В источнике - «специальной» (*Багиров М. Д. Указ. соч. С. 86*).

⁹ В источнике - «Оргкомитета» (*Багиров М. Д. Указ. соч. С. 86*).

¹⁰ Далее не вполне точное цитирование этого фрагмента.

¹¹ В источнике - Санылы (*Багиров М. Д. Указ. соч. С. 86*). Гаджи Керим Сынылы (Саниев) (1878-1937) - поэт и педагог.

¹² Неточное цитирование следующего фрагмента: «...от города, заменяя общеизвестные интернациональные термины и слова сугубо архаическими, узкорайонными словами, терминами и диалектами» (*Багиров М. Д. Указ. соч. С. 86*).

¹³ В источнике - «вузов» (*Багиров М. Д. Указ. соч. С. 64*).

¹⁴ Цитирование не совсем точно. Текст совпадает с источником со слов: «ибо в этом случае совершенно прекращалась подготовка русских и армянских кадров» (*Багиров М. Д. Указ. соч. С. 64*).

¹⁵ Цитирование не совсем точно. Текст совпадает с источником со слов: «русской профессуры, считавшей, что ее скоро вытеснят» (*Багиров М. Д. Указ. соч. С. 64*).

¹⁶ То есть ЦК АКП(б).

¹⁷В источнике: «По сию пору сохраняют свою силу слова тов. Сталина, сказанные им на XVI съезде партии» (*Багиров М.Д.* Указ. соч. С. 87).

¹⁸Вольное изложение источника, передающего речь Сталина на XVI съезде ВКП(б) в 1934 г., когда он говорил о «левом» и «правом» уклонах в национальном вопросе. См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. М., 1949. С. 362.

Современная литература Азербайджана

Доклад, прочитанный 17 января 1936 г. в Париже

Содержание:

Вступление

Первый период

Второй период

Третий период

Заключение

I

Вы уже имеете некоторое представление о классической литературе Азербайджана, наикрупнейшим представителем которой является поэт-гигант Фузули.

О Фузули, о его поэтическом творчестве, о силе его эстетического переживания, о его поэзии, воспевающей любовь и печаль, о его эпохе, конца XV и начала XVI веков, имел случай так живо и красиво рассказать вам мой коллега и друг д-р Мир Якуб бей¹. Отмечу только одно, что основной мотив этого могикана слова, величайшего лирика Востока, по определению известного ориенталиста и критика тюркской литературы покойного мистера Кипа², был выражен в следующем его четверостишии:

Ol sebepten farisi lafzile çoktur nazm kim,
Nezmi nazik türk lefzile iken düşvar olur.
Bende tevfik olsa, bu düşvarı asan eylerim,
Nevbahar olgaç dikenden berği gül izhar olur!

Потому много стихов на персидском языке,
Что трудно писать утонченный стих по-тюркски,
Бог даст, я преодолею это препятствие,
Ибо с наступлением весны шиповник распускает розы!

Тюркскому стиху, с Божией милостью одаренного поэта Фузули, удалось стать наикрасивейшей и благоуханной розой эпохи. Его предшественники и отчасти современники, как Хабиби³, Хасан оглу⁴ и Шах-Исмаил Хатаи⁵ и другие, которые и создали ту весну, о которой говорил творец бессмертной «Лейла⁶ и Меджнун⁷», поэмы, которую можно было бы сравнить с «Ромео и Джульеттой».

Кстати сказать, Фузули и в предисловии к этому бессмертному произведению повторяет тот же мотив цитируемого выше четверостишия:

«Берусь изложить эту чарующую легенду Востока на тюркском языке, ибо многие из моих читателей выражают желание видеть это красивейшее повествование божественной любви и на родном тюркском языке».

Если принять во внимание, что до него отчасти и после лучшие поэты Азербайджана писали на персидском языке, что такие великие классики персидского языка, как Фелеки⁸ и Хагани Ширвани⁹, а также Низами Гянджинский¹⁰ были подлинными азербайджанцами, то тогда станет ясным, какую именно литературную революцию — в национальном смысле слова — произвел Фузули.

Смелое по своему времени и глубоко идейное по нынешним понятиям, национальное начинание Фузули достигло цели. Ему удалось из «шиповника» вывести «розу» и «трудное» сделать «легким», недостижимое — доступным.

Гений Фузули почти до конца XIX в. властвует над литературным бытием Азербайджана, заставляя всех поэтов в основном подражать его искусству стихосложения. Только в первой половине XIX в. под влиянием больших мировых событий и политических потрясений в литературной жизни Азербайджана происходит великий перелом. На сцене появляется новая современно-реалистическая форма литературы.

* * *

Цель настоящего доклада — это вкратце ознакомить слушателей с главнейшими этапами и виднейшими представителями этой современной литературы.

Следуя ходу развития социально-экономической жизни страны и идущей в полной гармонии с ней общественно-политической эволюции общества, в современной литературе Азербайджана следовало бы определить три главных периода развития.

Первый период начинается с появлением Мирзы Фатали Ахундзаде в первой половине XIX в. и кончается первой Российской революцией, последовавшей после поражения царизма на полях Дальнего Востока.

Второй период охватывает революционную и довоенную эпоху вплоть до взрыва второй Российской революции, последовавшей вследствие провала империи Романовых, не выдержавшей натиска мировой войны, и краткое время независимого существования Азербайджанской Республики.

Третий период — это эпоха красного империализма, ныне переживаемая нами, когда, не взирая на неблагоприятные условия, национальная литература проявляет поразительные признаки живучести и творчества, не только в эмиграции, и не только в подполье, но и в легальной советской действительности.

Оговариваюсь — тема обширная, требующая иметь под рукой все источники и материалы. Вдали от родной земли у нас, к сожалению, этой возможности нет. Приходится ограничиться одной памятью и тем сравнительно скудным материалом, которым мы располагаем.

II

Еще перед русским завоеванием при ханских дворах Азербайджана имелись литературные кружки. Находясь под сильным влиянием персидской классической литературы, эти кружки, однако, занимались сочинениями на тюркском языке. Особенно развивалась шиитско-религиозная форма стихосложения, так называемое мерсие¹¹, которая являлась прямым наследием религиозно-сектантского творчества эпохи Сафавидов¹², когда стих на родном наречии тюркских племен считался наилучшим орудием пропаганды религиозно-философской школы, основателем которой был Шах-Исмаил — сам поэт, носящий прозвище Хатаи.

Но в ряду знаменитых поэтов, сочинителей мерсие, оплакивающих в своих произведениях трагическое убийство шиитских святых мучеников, можно было бы сказать, мусульманского протестантизма, мы встречаем при ханских дворцах также и представителей подлинно художественной светской поэзии, свободных от специальных тенденций, преданных музе красоты, любви и глубокого эстетического переживания, а также свободной в религиозном отношении творческой мысли. К таковым мы могли бы отнести знаменитого Молла Панаха Вақыфа¹³, несчастного визиря Карабагского хана, защищавшегося от нападения грозного Ага Магомед хана¹⁴, шаха персидского. Поныне существующая народная поговорка дает должную оценку учености и мудрости этого мученика, говоря: «Не всякий грамотный станет Молла Панахом». Сила же его творчества и подлинность таланта особо подчеркиваются современной критикой. Еще тогда он писал тем чисто народным языком и в той форме народного стихосложения, на котором

только теперь начинают писать современники-модернисты, желая эмансипировать национальный стих от литературной капитуляции «арабизма» и «фарсизма».

Но, несмотря на все это, феодальный Азербайджан еще был далек от действительно национальной литературы, как по форме, так и по существу в том смысле, в каком мы ее понимаем сейчас. Эта литература все еще находилась под сильным влиянием персидской как по форме, так и по содержанию. Народные массы хотя духовно удовлетворялись священными стихами на родном языке, однако интеллигенция — поэты и писатели — продолжала находиться под властью персидской литературы и арабо-персидской образованности. Литературным языком считался персидский, а научным — арабский. Даже деловая переписка, как ныне в персидском Азербайджане, велась на персидском языке, который, как и знание персидской литературы, считался признаком культурности и хорошего тона.

Правда, персидское влияние над нами не было в такой степени сильным и абсолютным, как например в Финляндии была шведская литература. Как известно, финская интеллигенция была совершенно онемечена, она говорила и писала по-немецки. Даже финские патриотические произведения писались на шведском языке.

Русская власть в целях борьбы со шведским влиянием дипломатически поощряла возрождение финского языка, и этим путем, сама того не желая, ускорила процесс национального пробуждения финнов.

Правда, мы, азербайджанцы, для восстановления своего языка и литературы не нуждаемся в трудах специальных патриотов-искателей, кропотливой работой открывших различные «руны» давно забытой «Калевалье». Ибо, как уже отметили, наравне с литературными трудами наших «просветителей» персов параллельно существовали «диваны»¹⁵ наших национальных поэтов великой школы Фузули, Вақыфа и других.

Тем не менее в возрождении рационально-реалистической школы нашей литературы русская власть объективно сыграла у нас некоторую аналогичную роль. В целях борьбы с персидским влиянием во владениях, только что отобранных от Персии, русские наместники на Кавказе, видимо, решили поддержать стремление азербайджанской интеллигенции в деле развития народной культуры и азербайджанской словесности.

«Нет худа без добра», — говорят русские. «Враг служит в пользу, если того захочет Бог», — говорят персияне. И действительно, Мирза Фатали Ахунд-заде воспользовался «либерализмом» кавказского наместника кн. Воронцова¹⁶. Его пьесы впервые были напечатаны в 1850 г. в типографии

наместника в Тифлисе, и первый раз его пьеса была представлена в Тифлисском дворце.

В лице Фатали Ахунд-заде мы имеем родоначальника нашей рационалистической литературы. Он является для нашей современной литературы тем, каковым являлся для классической — Фузули.

Гигантская величина этого новатора, первого драматурга на всем мусульманском Востоке начинает выясняться только теперь, в эти дни больших реформ и потрясений. Европейская критика называет его Мольером Востока, а русская — Гоголем Азербайджана.

Пьесы Мирзы Фатали написаны на простом народном языке. Типы взяты из самой жизни. Здесь живо описаны разложение средневекового феодального общества, косность нравов, губительность предрассудков, схоластическое суждение квазиученых, ханжество и мракобесие. Вся критика Мирзы пропитана просветительской идеей XVIII в.

Пьесы Мирзы Фатали по сей день не выходят из репертуара азербайджанской сцены. Мало того, они переведены на многие иностранные языки, в том числе и на три главных языка современного культурного мира. Многие типы Мирзы Фатали, как у Гоголя, стали примерами в разговорной речи. «*Nadji Kaqa*»¹⁷ для нашей сцены является тем, каким есть «Ревизор» для русской.

Интересно отметить моральную личность новатора. Он был самым образованным человеком своей среды в то время. Великолепно говорил и писал на всех трех языках Востока. Знал русский язык и, если не ошибаюсь, читал по-французски. Вполне обладал восточной ученостью. Знал европейский мир идей и культурные стремления. Он получил основательное воспитание у лучших современников своей эпохи. Известный философ Мирза Шафи¹⁸, живший в начале XIX в. в Гяндже, идеализированный известным немецким поэтом Боденштедтом¹⁹, был одним из его воспитателей. Мирза Шафи прославился своими либеральными и высокоморальными взглядами. «Когда персидский поэт Саади²⁰ возводит в моральную догму "целесообразную ложь", гянджинский Мирза Шафи отрицает ложь как моральную догму, при всех обстоятельствах и без всякой оговорки», — говорит немецкий историк Ислама Мюллер²¹.

Ученик Мирзы Шафи — Мирза Фатали Ахунд-заде не только в своих пьесах на тюркско-азербайджанском языке, но и в многочисленных публицистических своих статьях как на тюркском, так и на персидском языках выступает с беспощадной критикой лжи и лицемерия, в особенности в религиозно-моральной жизни. Статьи-письма под псевдонимом Кемалюл-мюлк, адресованные некоему Кемалют-довле (тоже псевдоним), считавшиеся

одним из самых захватывающих видов революционизирующей нелегальной литературы в до[ре]формированной Персии, по одной версии, принадлежат ему²².

Мирза Фатали одновременно являлся поэтом, одинаково легко и талантливо писавшим как на персидском, так и на тюркском языках. Известны его сатиры на турецкий и персидский дворы, отвергнувшие его идею реформы арабского алфавита, которую он [на]писал на персидском языке в размере «Шах-наме».

Надо заметить, что имя Мирзы Фатали связано не только с литературой и театром. Он упоминается на мусульманском Востоке как великий реформатор. Идея изменения арабского алфавита принадлежит ему первому. Как известно, только недавно эта идея осуществлена как в Азербайджане, так и в Турции, а также и в других тюркских странах.

Мирза Фатали достиг успеха не только своими произведениями, но еще талантливыми продолжателями своего дела. Вскоре после его смерти появились последователи его литературной школы.

Целый ряд выдающихся драматургов обогатили азербайджанский репертуар оригинальными драмами, комедиями и водевилями. Переводились на родной язык также и иностранные пьесы

Вторым после Мирзы Фатали драматургом Азербайджана считается известный Наджаф бей Везирли²³. Мирза писал только комедии. Наджаф бей на том же чисто народном наречии попробовал писать и драму. Проба ему удалась. В драме, впоследствии переведенной и на казанское наречие, «Трагедия Фахретдина» ("Musibeti Fahretdin") он описывает трагедию познавшего европейскую цивилизацию азербайджанского интеллигента, очутившегося среди средневековых условий и патриархальных нравов родной среды, с которой он впадает в трагическое противоречие. Фахретдин у Наджаф бея переживает ту же самую трагедию, каковую переживал Чацкий, герой «Горе от ума» Грибоедова. Наджаф бей нам представил не только грибоедовских, но и гоголевских типов. В комедии под названием «Герои нашего времени»²⁴ он зло высмеивает тех героев-лжеинтеллигентов, которые, пользуясь темнотой родной страны, низко использовали ее в своих корыстных целях.

Но наиболее спелые плоды азербайджанской драмы даются нам творчеством Абдурахим бея Ахвердили²⁵. Драма «Разоренная семья»²⁰ ("Dağılan tıfak"), написанная на безукоризненном литературном чисто-народном азербайджанском языке, является очень сильным оригинальным и высоко моралистическим трудом. Кроме многочисленных бытовых пьес у Абдурахим бея имеются также и исторические драмы, среди которых

отличается известная драма «Ага Магомед шах Каджар», где описывается героическая борьба Кавказа (азербайджанцев и грузин) против персидского завоевателя. У него имеются также и высокохудожественные фантастические пьесы из области народных преданий, вроде «Пери Джаду»²⁷.

Из современников Абдуллах бей также писал бытовые и исторические драмы Париман Нариманов. В пьесе «Горе от языка» он, демонстрируя печальный конец лжеца, выступает перед нами как «моралист», а в исторической драме «Надир Шах» идеализирует принцип «просвещенного абсолютизма».

Представитель той же эпохи Султан Меджид Гани-заде²⁸ прославился своими высоко комическими водевилями.

До 1905 г. выдающимися представителями азербайджанской драматургии, образующей наибольшую часть современной литературы, были означенные лица. Кроме них, само собою разумеется, были и многие другие второстепенные писатели, на творчестве которых мы тут не останавливаемся.

Следует отметить, что эпоха выдвинула не только драматургов-писателей, но выявила также артистов-любителей, которые с большим мастерством представляли эти пьесы на сцене.

Кроме драматических произведений и развития театра в описываемом нами этапе писались также и рассказы, некоторые научные труды, а также были слабые попытки журналистики, ибо цензурные условия чересчур были невыгодны для Азербайджана.

Общая характеристика всех литературно-научных произведений данного времени определилась одним идейным содержанием — «проснуться от вековой спячки, приобщиться к современной науке и общемировой культуре и идти вперед». Единственное стремление и театра, и стиха, и рассказа, и журналистики заключалось в том, чтобы внушить народу необходимость принориться к прогрессивному шествию общечеловеческой цивилизации.

Как всякая начинающая литература, она не в достаточной степени ясная в смысле указания пути достижения цели, была довольно ярка и сильна в смысле критики существующего положения вещей. Никто с такой силой и яркостью не бичевал отжившие свой век учреждения средневековья, как это делали литераторы первого периода нашей современной литературы. Эта критика к концу описываемого этапа, в лице сатирического журнала «Молла Насреддин»²⁹, охватившего своим изданием даже начало второго этапа и его талантливого редактора Джамиля Мамета Кулу-заде³⁰ достигает своего полного апогея.

Нашумевшая пьеса Мамета Кулу-заде — правда вошедшая в цикл трудов уже второго периода — "Ölülər" («Мертвецы»), является шедевром нашей бичующей литературы, где автор со свойственной ему резкостью выставляет всю фальшь средневекового невежества, ханжества и косности, зло высмеивает шарлатанство отсталого духовенства и разных лжецов-шейхов, эксплуатирующих народную темноту в интересах своих низменных страстей.

В этом периоде положено и начало азербайджанской журналистике. Еще в 1875 г. одним из последователей Мирзы Фатали Ахунд-заде, известным Гасан беем Мелик-заде Зардаби, учреждается первая среди российских мусульман тюркская газета «Экинджи» («Пахарь»). Хотя эта первая азербайджанская газета и не могла долго существовать, однако в истории национального пробуждения она оставила неизгладимые следы. Газета «Экинджи» была закрыта правительством. В ней сотрудничал уже упомянутый нами Наджаф бей, а также известный поэт разбираемой эпохи Сеид Азим Ширвани³¹. Ширвани по форме хотя и писал лирические газели, подражая Фузули, по содержанию же некоторых стихов довольно ярко выражал новые просветительские идеи. Его «Завещание» сыну, где он советует ему учиться науке, ремеслу, труду и приобщиться к современности, как нельзя лучше отражает идеи редактора «Экинджи», который предостерегал своих сородичей не отставать от соседей и культурных народов мира, если не хотят быть побежденными в борьбе за существование³².

III

Революционный период 1905 г., имеющий огромное значение для всех национальностей бывшей Российской империи, служил очень важной исторической датой и в жизни тюрко-мусульманских народов России. Им же создались новые условия и для Азербайджана, которые повлияли на дальнейшее развитие азербайджанской общественности, что и [по]служило началом расцвета второго периода нашей современной литературы.

Пользуясь относительной свободой, гарантированной революцией, национально-общественные силы Азербайджана начинают быстро развертываться. Отмечаются большие сдвиги в области беллетристики, поэзии, театра, музыки, современной печати и народного образования. Причем это развитие в смысле содержания резко отличается от дореволюционной литературы, если можно также выразиться, своей политичностью.

Основанные в 1905 г. ежедневные газеты «Гаят»³³ («Жизнь») и «Иршад»³⁴ («Просветитель») являлись знаменосцами новой эпохи национального пробуждения. Кроме них появились также и другие органы печати в виде специальных журналов. Газеты этого времени занимались не только вопросами повседневной политики. Одновременно они являлись также живыми отражениями идейно-литературной деятельности тогдашних творческих сил общества. Целая плеяда поэтов, литераторов и публицистов заполняли страницы газет и журналов своими произведениями. Среди других талантливых поэтов и писателей блеснула звезда народного поэта сатирика Сабира³⁵, выступающего под псевдонимом «Хоп-хоп»³⁶ («Деятель») и сотрудничающего в отмеченном выше популярном журнале «Молла Насреддин». Сборник его стихотворений под названием «Хоп-хоп-намэ» скоро стал настольной книгой каждого грамотного азербайджанца не только в городах, но и во всех деревнях. После Фузули Сабир является вторым всенародным поэтом Азербайджана.

Сабир в своих сатирических стихах, простых по форме, игривых по стилю и глубокомысленных по содержанию, беспощадно высмеивал все недостатки современного ему общества. Никакой пережиток отходящих в прошлое феодальных отношений, не желающих уступить место наступательным силам молодого, прогрессивного Азербайджана, не ускользал от убийственных ударов его насмешек, сквозь которые поскальзывали горькие слезы любящего свой народ поэта-патриота.

Наравне с сатириком Сабиром всходит на литературный свод Азербайджана звезда талантливого поэта «Фирдевси илхамат» («Рай вдохновений»). Так назвал сборник своих сочинений неугомонный певец свободы Мехмед Хади Ширвани³⁷. Его беззаветная преданность абсолютной свободе, фанатическая вера в самодовлеющее значение свободы во всех областях моральной, социальной и политической жизни человечества служили для него импульсом вдохновения. Он протестовал против религиозных условностей, стесняющих порыв творческой мысли человека, требуя абсолютной свободы разума от оков всякой схоластики. Всей силой своего таланта он восставал против порабощения женщины на Востоке. Мусульманка с открытым лицом, без чаршафа³⁸ служила для него символом освобождения всего Востока. «Без свободы и равноправия наших матерей и сестер мы — народ парализованный», — говорил он. Стих Мехмеда Хади, отличавшийся торжественностью слога и изысканно литературным языком, дышал страстным огнем романтической природы поэта. Его корреспонденции в стихах, присланные из Карпатского театра военных действий, куда он попал случайно, являлись лучшими произведениями его пера. В этих

корреспонденциях, рисуя ужасающие картины войны, он ударялся в философские рассуждения. В мировой войне он как бы видел Страшный Суд, по окончании которой должна была восторжествовать свобода, такая, которая в корне устранил возможность всякой войны, этого бича человеческого рода. Не грубая сила и не ненависть должны регулировать людские взаимоотношения, а обоснованное на свободе право и любовь.

Гонимый нуждой и преследуемый за свои дерзновенные мысли поэт еще в цвете своих лет, но не здоровья, уносит с собой в неведомый мир вечности восторженные мечты о полном торжестве свободы.

Вместе с Мехмедом Хади на страницах газет и литературных журналов выступают и другие поэты, среди которых особенно выделяются поэты, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Фиюзат»³⁹ — солидный общественно-литературный орган, издававшийся в Баку, где между прочим мастерским пером редактора журнала, известного Али бея Гусейн-заде⁴⁰, печатался «Фауст» Гёте в переводе с немецкого оригинала.

Как видно из краткой характеристики литературных творений эпохи, второй период современной азербайджанской литературы несет в себе глубокий отпечаток гражданско-освободительных движений времени, выразившийся в конституционно-либеральных революциях в России и в соседних братских странах Турции и Персии.

В литературе этого времени особенно заметны влияния новой Турции, где после младотурецкого переворота идеи свободы и национальной культуры получали совершенно новые выражения.

Бакинская печать, вначале находящаяся больше под влиянием религиозно-исламистских идей, развиваясь, все больше переходит к национально-культурным мотивам. Идея тюркизма и национального самосознания охватывает все слои населения. Начало Балканской войны, явно тенденциозная политика русского правительства и шовинистическое настроение русского бшества, не скрывающего свою вражду и злобу не только против Турции как государства, но и ко всему тюркскому вызывают взрыв национального чувства и политического негодования во всем Азербайджане. Возбуждение доходило до того, что один из сатириков Азербайджана (Музниб⁴¹) не постеснялся напечатать стихотворный пасквиль по адресу «Иванова» (Yebnelivan) — символическое имя России — угнетающего тюркско-мусульманский мир, пригрозив ему Божьей карой и беспримерным падением, за что и был выслан в Сибирь, откуда он вернулся только после полного оправдания своего пророчества, т.е. после падения русского царизма.

В таком возбужденном состоянии Азербайджан входит в эпоху мировой войны. Война еще больше способствует этому возбуждению. Основанная нами в 1915 году в Баку ежедневная газета «Ачыг Сёз» («Ясное Слово») первая берет на себя смелость заменить термин «русских мусульман» или «татар» именем «тюрк», входя таким образом в нелегкую борьбу и перебранку с военной цензурой, настойчиво вычеркивающей слово «тюрк» в применении кавказских или азербайджанских мусульман.

В это время два выдающихся поэта Джевад⁴² и Джавид⁴³, воодушевленные идеей национального пробуждения, начинают воспевать идеалы тюркского народа. В передовой же статье первого номера газета «Ачыг Сёз» в нижеприведенных строках излагает надежды, возложенные на результаты мировой войны:

«Никакая из победивших сторон, — говорила газета, — в целях обеспечения долговечного мира не в состоянии будет игнорировать силу национального идеала, господствующего над совестью современного мира. Это положение подтверждается и многими европейскими мыслителями, публично высказывающими свои соображения по поводу возможной ликвидации кровавой бойни. Согласно мнению миролюбивых политиков, мирный договор, не учитывающий в своем заключении основные принципы общеизвестных прав национальностей, не в состоянии будет обеспечивать более или менее продолжительный мир!»

«Пока останется хоть один народ с попраным правом, Европа лишится подлинного, долговечного мира и международного равновесия и государство, допускающее неравенство среди своих граждан, лишившись действительной опоры, не в состоянии будет организовать свою жизнь на началах, способных к развитию и прогрессу».

«Одним словом, только те народы приобретут значение и вес в международных отношениях, которые сумеют организовать себя вокруг определенного ясно выраженного идеала, охватывающего большинство граждан его образующих. Таковые народы, одновременно окажут и большое влияние на внутреннюю политику государства. В виду этого отдельные народы, если хотят стать нациями, принуждены познать себя, организовать свои силы вокруг определенных идей, служить великому идеалу, иметь свою светящуюся путеводную звезду. Ибо новая жизнь не станет считаться с народами, не успевшими воодушевиться единым созидательным духом, окрыляющим их на великие подвиги во имя общенациональной цели. Общества, лишенные этого порыва, не в состоянии внушать кому бы то ни было уважение ни к себе и ни к своим чаяниям!..»

Эту же мысль мы находим и в поэзии. Гусейн Джавид бей свой стих, помещенный в специальном журнале «Кардаш кёмеги» («Братская помощь»), изданный Союзом азербайджанских журналистов в пользу пострадавших от войны аджарских мусульман, заканчивает следующими строками:

Проснись, товарищ, брат-сородич!
Не спи больше... настало новое время.
Смотри, проясняется темнота,
Гляди, вот утренняя звезда;
Что же означает розовое сияние?
Утро же настало, солнце ведь всходит.
Встань, оглянись, какому мы служим идеалу?
Кем ты был, кем стал, о чем думаешь?..
Довольно поработаться, довольно же, мужайся!
Встряхнись, гляди вдаль на свободу!
Гони туман, иди свету навстречу,
Знай, тебя ожидает будущее, честь и слава!

В конце этого полного надежд и бодрости обращения поэт советует своим сородичам, не потеряв времени, объединиться вокруг светлого идеала, ибо только такое единение в состоянии обеспечить народам светлую и достойную жизнь.

Поэт же Ибрагим Таир⁴⁴, ставя точку над и⁴⁵, в одном из своих стихотворений говорил о «независимости нации», как о сокровенном идеале!..

В этом же периоде (1905-1917 гг.) азербайджанское театральное искусство достигает больших успехов. Образовываются специальные драматические труппы. Выдвигаются артисты-профессионалы. Наивысшим успехом азербайджанской сцены следует считать появление первой азербайджанской оперы. Народному учителю Узеир беку⁴⁶ удается переложить на музыку бессмертную поэму Фузули — «Лейла и Меджнун» и сценарировать ее. Поощренный небывалым успехом опыта, автор берется за дальнейшую работу.

Появляется целый ряд музыкальных произведений в виде опер и опереток. На долю оперетты «Аршин мал алан» того же автора выпадает небывалый успех. Оперетта за короткое время переводится на все кавказские языки, а также и на русский язык. Имеется перевод на персидском, французском и английском языках. «Аршин мал алан» имел одинаковый успех на сценах Баку, Тифлиса и Эривани, всегда с большим интересом повторяется также и на сценах больших турецких городов. Она шла на персидском языке и в Тегеране, столице Ирана. Имела успех на некоторых

балканских сценах. Секрет такого головокружительного успеха этой оперетты заключается в том, что в ней собраны народные мотивы Азербайджана, которые являются понятными и для народных масс как Армении, так и Грузии, отчасти и для всего Ближнего Востока.

В таком состоянии азербайджанская литература вступает в полосу ликвидации великой войны, переживая эмоциональное влияние великой революции и празднуя великую радость по поводу образования независимой национальной республики.

Ныне томящийся в далеких тундрах Сибири, а быть может, не выдержав зверской пытки соловецких палачей, погибший смертью мучеников Родины, молодой, с Божьей искрой поэт⁴⁷, имени которого, по понятным причинам, остерегаемся упомянуть, предвидя радостный момент событий, верил, что и «в темные ночи отчаяния взойдет алмазная звезда и озарит небо светом, и давно потухший огонь вновь вспыхнет в стране азербайджанцев и что на лоне диких кавказских гор один из сыновей Тюрка¹⁸ опять овладеет своей судьбой...»

Поэт верил, что «Азербайджан, когда-то своими естественными, вечно горящими, огнями служивший местом поклонения восточному миру, вновь станет светящим факелом свободы и культуры для всех тюркских стран, а быть может, и для всего Востока...»

Таким же восторженным духом оптимизма пропитаны были и другие начинающие силы молодого Азербайджана. За короткое время появляются новые литературные кружки и журналы. Г. Джавид, Сельман Мюмтаз⁴⁹, Мехмед Хади, Абдулла Шаир⁵⁰ и другие печатают ряд новых произведений, среди которых выделяются «Божественная любовь» Мехмеда Хади, «Девичья башня» Джафара Джабарлы⁵¹, «Шейх Санъан»⁵² Гусейна Джавида, «Кошма»⁵³ Джавада Ахунд-заде и другие.

Чтобы дать понять, в какой мере акт национального освобождения повлиял на нежные чувства азербайджанской души, процитирую вам глубоко лирический стих народника Джавада, написанного им 28 мая, [в] день опубликования акта о независимости⁵⁴, под символическим заглавием «От чего ты создалась?»⁵⁵

Ты создалась появлением утренней звезды,
Когда мои надежды задыхались в темноте;
Ты создалась тенями, идущими из-за пределов бытия,
Когда они соприкоснулись с утренней зарей;
Ты создалась в тихой борьбе за красоту,
Происходящей между природой и силой;
Ты создалась, когда на миг замерло сердце,

Когда я с пером в руке прислушивался вдохновения.

IV

Молодой вдохновенной и нежной лире, полной порыва и эмоции, наносится тягчайший удар. Не успевшей еще надышаться благотворным воздухом свободы и воспользоваться всеми привилегиями национального раскрепощения, азербайджанской литературе приходится вновь испытать трагическую участь и печальные невзгоды истории.

Советизация Азербайджана создает новые преграды на пути свободного развития литературы. Чуждая национальной душе, коммунистическая власть, в отличие от царизма, хотя и терпит национальную литературу по форме, но, как известно, стремится придать ей интернационально-пролетарское содержание.

Но все усилия оккупационной советской власти разложить национальный дух Азербайджана и создать в нем так называемый Пролеткульт не имеют успеха. Она не находит для этой цели необходимого элемента. Фактическими господами положения на литературном фронте остаются те же, прежние виртуозы пера. Внешне приравливаясь к создавшемуся положению, они, вызывая то гнев, то дипломатическую мягкость новой власти, продолжают свою нелегкую работу.

Старый редактор «Молла Насреддин» Джсмиль Мехмед Кулу-заде пишет пьесу под названием «Кеманджа» — «Виолончель»⁵⁶. Во время печальных армяно-татарских столкновений, армянин виолончелист попадает в руки тюрка, который собирается отомстить ему. По артист своей игрой — общей для обеих национальностей мелодией — смягчает врага и минует смерти. Пьесу почему-то находят крамольной и запрещают. Другое сочинение того же автора также подвергается запрету. Оно называлось «Книгой отца». Три сына учились в разных странах. Ученик персидской школы вернулся богословом с архаическими схоластическими понятиями, другой, получивший турецкое воспитание, считает своим великим долгом ломать азербайджанское наречие на стамбульский лад, третий сын, с европейской культурой, тянет совершенно в иную сторону. В семье происходит раздор и неразбериха. Старый же отец, возмущенный этой неразберихой, советует сыновьям не удаляться от книги отца. Очевидно коммунистам, добивавшимся оторвать общество от его национальных корней, призыв к отцовской книге не улыбался.

Такому же остракизму подверглась и другая нашумевшая пьеса Сулеймана бека Ахунд-заде⁵⁷ «Лачын ювасы» («Орлиное⁵⁸ гнездо»).

Действие происходит в Карабаге. Молодой коммунист азербайджанец, организовав крестьян, атакует бекский замок на одном из неприступных ущелий Карабаха. Дочь бека, невеста революционера, отвергает⁵⁹ его. Но он держит довольно длинный монолог, чтобы доказать ей необходимость революции, ибо только этим путем возможно освобождение мусульманских стран из-под власти мировых империалистов.

Очевидно не социальный, а чисто политический мотив революционности пьесы не понравился красной цензуре. По этой цензуре, Азербайджан советизировался собственными силами и по мотивам социально-экономического характера, тогда как «Орлиное гнездо» карабахского бека атакуется азербайджанскими коммунистами только потому, чтобы легче было атаковать твердыню мирового империализма на Востоке. Революция должна быть самоцелью, а тут она выставлена как средство.

Гусейн Джавид пишет ряд блестящих пьес и поэм. Среди которых пьесы в стихах («Торал Теумур⁶⁰») «Тамерлан» и «Пророк» вызывают немало шума среди советских заправил и производят огромное впечатление на читающую публику. Дозволенный сперва советской цензурой к постановке «Тамерлан» производит фурор. Государственный театр в Баку повторно ставит пьесу. Публика в восторге от Тамерлана — исторического героя общетюркского мира. Опомнившись, большевики запрещают дальнейшее представление пьесы. Критика подымает целый вой против поэта, умудрившегося, «проживая на советских хлебах», идеализировать пантуранистические типы общетюркской истории. Долгое время автору «Тамерлана» пришлось терпеть строгие кары разгневанной власти. Его лишили места, пайка и третировали в печати.

Сравнительно легче прошел другой труд поэта. Хотя в поэме «Пророк» ортодоксальный марксизм большевистского толка мог бы найти и немало ереси.

Приведем некоторые места из этой замечательной поэмы, чтобы показать, в какой форме нашим художникам удастся высказывать свои мысли в советской обстановке.

«Пророк» является жизнеописанием Магомета. Написанная в виде драмы в стихах пьеса разделена на четыре акта: Божественная миссия, Призыв к вере, Бегство из Мекки и Победа Пророка.

В первом акте Пророк уединяется на горе Харра⁶¹. Гора, где ему является Божье откровение. Находясь в экстазе, он произносит следующий монолог:

Мы находимся в эпохе, когда весь мир

Горит в пламени тирании и зверства.
Люди, отвернувшиеся от Бога,
Безверие принимают за правду и невежество за сознание.

*

Никто не внемлет ни сердцу, ни совести,
Бьющий прав, а битый виновен.
Вожди толпы — свора преступников,
Двуличных, бесчестных и аморальных.

*

Над светом издевается тьма,
Над благодетелью глумится разврат.
Справедливость, право и свобода
Истоптаны грубыми ногами.

В этой мрачной картине, описанной пессимистическим монологом Пророка, советская критика склонна видеть буржуазный капиталистический мир. Но читающая масса с большим основанием видит в нем ту реальную обстановку «коммунистического рая», в которой она находится. Ведь ее же свобода и человеческая честь, истоптана грубыми ногами хамов, находящихся «правду в безверии» и «знание в невежестве». Ведь это ее страна объята «пламенем тирании и зверства».

Отчаявшемуся Пророку является ангел Гавриил⁶². Он передает ему книгу в золотом переплете и, внушая смелость, говорит:

Будь решительным и стойким,
Иди просвещать темноту.
Не теряй надежду, проповедуй правду.
Внемя внушениям Гавриила, Пророк приступает к проповеди:
Наименьшая крупинка и наибольший мир
С Божьей любовью приходят в движение.
Это тонкий и загадочный символ,
Во имя чего бьются все великие сердца.
Приближается [к] Богу тот, который возвышается,
Его не осознают пресмыкающиеся.
Это великое светящее солнце,
Разве слепцы в состоянии увидеть свет?
Где засияет правда, совесть, красота и честь,
Там — любовь и вера, там же — великий Творец.
Далее, цитируя «Золотую Книгу», т.е. Коран, Пророк продолжает:

Всевышняя сила, невидимый Создатель,
Его воля одна, справедливость и благодать.
Величие природы, Его бытию свидетель,
Он ненавидит зло и разврат:
Справедливость - Его стихия,
Пред Ним равны — и бедный и богач.

В стране лишенцев⁶³, в стране, где еще ничем не проявивший себя юноша наказывается только потому, что его родители когда-то были зажиточными, говорить о «справедливости Бога одинаково относящегося как к бедным, так и к богатым» требует немало гражданского мужества и авторского искусства. Но настоящее мужество поэта мы увидим дальше.

Пророк за свои призывы к вере, к восприятию писаний «Золотой Книги» подвергается оскорблению. Ему бьют в зубы, его поднимают на смех. Он весь избитый и осмеянный приходит в отчаяние. В один из таких моментов отчаяния на сцену появляется призрак — символ Истории - и он обращается к Пророку:

Оставь несбыточную мечту,
Хочешь мира, возьми за оружие.
Одной только Книгой
Ты никогда не добьешься победы.
И тут призрак Истории символически протягивает Пророку меч:
Если хочешь перестройки мира,
Поддержи свое учение мечом,
Фактор зла подобен больной части тела,
Для здоровья организма следует оперировать гангрену.
Пророк принимает меч и говорит:
Какой красивый и верный девиз,
Любовь к праведникам, ненависть к отступникам!

Воодушевившись теперь не только орудием убеждения, но и силой принуждения, Пророк, держа в одной руке «Золотую Книгу», а в другой — стальной меч, произносит следующий монолог:

Хватит вам этого меча и этой книги,
Других вам не нужно средств.
Книга просветит народное сознание,
А меч снесет следы зла на земле.
Право, Родина, Счастье и Рай, -
Все хранятся под сенью меча!

Идея революции, осуществленная мечом рабочего класса, конечно, мила большевистской душе, но едва ли идея «Родины, осененной мечом»

патриотов, соответствует видам ортодоксального коммунизма. Тем более, что в разоренной коммунистическим и оккупационным режимом родине — Азербайджане — боевые лозунги Пророка азербайджанского поэта могут иметь только патриотическое значение.

Не достаточно любить Родину только на словах. Ибо, как и всякие другие права, Родина также приобретается в борьбе. Таков логический вывод читателя азербайджанца из прекрасной, талантливо написанной драмы «Пророк».

Патриотизм, впрочем, выглядит и в деталях этого чудесного произведения. Вот, например, куплеты, вставленные в уста уличных мальчишек, высмеивающих Пророка:

Говорит, есть сады в небесах,
Где цветы блестят, как звезды,
Человек летает, как ангел...
Не хочу слушать — это сказки!
Я жажду только тебя.
О Родина, любимая мать!
Видел вчера раненую птицу,
Выброшенную из гнезда своего;
Ей хищник грудь расклевал;
Страдальческим взором она говорила:
Кровожадный орел напал на меня.
О Родина, любимая мать!

В этих куплетах большевики, должно быть, видят комсомольское безбожничество, но патриотический Азербайджан узнает образ растерзанного Прометея — символа страны священного огня, ныне терзаемой «серпом и молотом», заменяющих былого «двуглавого орла».

Кроме двух, отмеченных нами произведений, Гусейн Джавид бей написал еще и другие не менее ценные вещи, среди которых особо выделяется «Иблис» («Дьявол»).

В «Дьяволе» Джавид выступает романтиком свободы и общечеловеческих идей. Устами защищающегося от людских проклятий Дьявола, он беспощадно критикует противоречия человеческого общества, обличая людей в пошлости и в волчьей натуре по отношению к своему виду, себе подобному.

Недавно Джавиду удалось издать еще одну, новую пьесу — трагедию в стихах. Она посвящена тысячелетию великого гения Востока Фирдеви⁶⁴ и носит название по имени известного героя «Шах-наме» — Сиявуш. Легенда о жизни и неудачах этого трагического героя — идеалиста, великого

персидского поэта, разумеется, азербайджанским романтиком подвергнута известной обработке, как с точки зрения современных художественных потребностей, так и в интересах сценической техники.

Характеристика Сиявуша, как либерального аристократа, сильно заштрихована чертами сочувствия обездоленным и угнетенным массам и душевного отвращения к насилию и произволу вообще.

Настоящая пьеса, как все творения Джавида, блестит искусством поэта, в совершенстве владеющим тайною красоты тюркской поэзии. Вот, например, подлинно лирическая песня танцующей красавицы-балерины:

Горячий поцелуй беспечной весны
Коснулся моих локонов, когда исчезла тьма.
Задушевные песни пьяных соловьев,
Убаюкивали душу, когда расцвели розы.
Жасмин, нелуфер⁶⁵, сунбуль⁶⁶ и фиалка
Меня хмелем поили из алмазных росинок.
Окуталась я как бы тюлем алого цвета мака,
Когда солнце сосало мое нагое тело!

Но в этой пьесе наравне с лирическими песенками мы находим и множество глубоко философских мыслей-афоризмов, украшающих почти все явления красиво обставленных сцен. Мало того, тут читатель найдет и восторженные призывы к борьбе за свободу. Вот, например, молодой бесстрашный вождь недовольных крестьян-повстанцев — Алтай. Он, обращаясь к своим товарищам, говорит:

Будьте горды, смелы перед лицом тирании!
Проявите отвагу в борьбе за свободу!
Богиня счастья не улыбнется рабам-трусам,
Она отдастся только бесстрашным борцам.

Призывы, под которыми обеими руками подпишутся и современные вожди крестьянского движения в борьбе с Советской властью — представительницей как социальной, так и национальной неволи.

По характеру своего творчества, всегда стремящегося быть выше повседневной политики и не приставать к какой-нибудь определенной политической догме, философски относящийся ко всему окружающему, Гусейну Джавиду больше, чем кому-нибудь из своих коллег, удастся писать и печатать свои произведения. Тогда как другому поэту национальной стихии Джаваду Ахунд-заде абсолютно не везет при большевиках. Его как бывшего «мусаватиста» — последователя антисоветской национально-демократической партии Азербайджана, подвергают аресту, предают публичной анафеме, запрещают печататься, лишают места и гонят отовсюду.

Тем не менее написанные им вещи не перестают ходить из рук в руки и многие из начинающих писать комсомольцев, по утверждению самой советской печати, поддаются под его тайное влияние. Его совершенно аполитичные стихи, иногда проскользнувшие в печать, вызывают немало кривотолков. Вот, например, «Синее Озеро». В нем лирически описывается природная красота «Гег гела», находящегося недалеко от Гянджи курортного озера. В конце этого стихотворения поэт обращается к озеру с вопросом: «Не имеет ли оно желание что-нибудь сказать далеким странам?» Советские критики, с чекистской душой, видят в этом вопросе контрреволюционную аллегорию. В такой форме Джавад, по их определению, намекает на «мусаватскую эмиграцию, выброшенную революцией в далекие страны».

Но из всех писателей предыдущего периода, при советской власти, наибольший успех выпадает на долю Джафара Джабарлы. Радикальный склад его ума, социальное происхождение, излюбленные им темы, в большинстве взятые из жизни обездоленных и страждущих, служат мотивом толерантного к нему отношения большевиков. Они считают его своим попутчиком. Его пьесы, правда не без переработки и строжайшей цензуры, разрешаются к печатанию и к постановке. Его талантливому перу принадлежит ряд произведений. Несмотря на то, что советская критика его считала более из всех существующих писателей воспринявшим коллективистическое мировоззрение коммунизма, однако, по меткому замечанию М.Б. Мехмед-заде⁶⁷, одни названия его пьес носят чисто индивидуалистический характер. Как например, «Айдын», «Октай»⁶⁸, «Од гелини», «Севиль» и другие — все собственные имена главных героев данного произведения.

Наш товарищ-сотрудник М.Б. Мехмед-заде также утверждает, что индивидуализм, а вместе с ним либерализм, — вопреки утверждениям советской критики, принужденной присвоить Джабарлы, за неимением подлинно коммунистических талантов — просачивается во всех произведениях писателя. И действительно «Айдын» среди аплодисментов, содрогающих зрительный зал театра, требует свободы мысли, труда, разума, народа и всего того, что превращает человека в личность. Он требует, чтобы никакой народ не властвовал над другим. «Независимость — это высшее благо. Долой господство оттоманов в Гиджасе, англичан в Индии и России в Азербайджане!..»

«Октай» добивается полной национализации во всех областях жизни, особенности в области культуры и искусства. Идет сцена из закулисной жизни артистов. Во время игры исполняющая роль тюрчанки артистка не тюркского происхождения капризничает и не хочет выйти на сцену. Тогда

герой пьесы Октай с гневом подходит к рампе и бросает публике резким тоном: «Погибай, если ты не в состоянии дать и артистку!»

Возглас оказывает действие, молодая тюрчанка выскакивает из публики и блестяще заменяет закапризничавшую иностранку.

Получается грандиозное впечатление. Восторгу публики нет описания.

«Од гелини» — «Невеста огня» — Джафаром написана по выходу из Чека. В нем описывается борьба языческого Азербайджана против мусульманских завоевателей — арабов. Новые завоеватели забирают все богатство страны. Нефть объявляется государственной собственностью и вывозится в Арабистан. Азербайджанцев заставляют насильно принимать Ислам. Молодой Ельхан со знаменем, сделанным из головной шелковой шали своей возлюбленной, поднимает восстание. После отчаянной борьбы его ловят, берут в плен и осуждают на смерть. У позорного столба его, связанного по рукам, заставляют повторять догматический девиз ислама: «Нет Бога, кроме Бога...» Он же отвечает: «Вопреки всем и всему я ваш девиз не повторяю...»

Символика здесь ясна. Слушателю стоит только вместо слов «арабы» и «ислам» мысленно поставить «русские» и «коммунизм», чтобы впечатление стало актуальным.

Джафар был не только писателем, но и режиссером. Известный профессор музыки Глер⁶⁹ работал над музыкальной разработкой его пьесы в стихах «Шах Сенем». Его некоторые сочинения переведены на кавказские и на русский языки.

Еще молодой, полный сил и энергии, он недавно скончался. Он был похоронен за государственный счет. Комиссары Азербайджана несли у его гроба почетный караул, как бы оправдываясь этим за присвоение себе далеко не коммунистического таланта, доказавшим это еще и своим нашумевшим тогда выступлением на последнем московском съезде всероссийских писателей⁷⁰, когда он резко выступил против так называемого социального заказа, «не достойного с призыванием подлинного художника и творца».

У большевиков в Азербайджане есть, конечно, и чисто коммунистические птенцы, произведения которых охотно печатаются, но эти «социальные заказы», посвященные разным колхозам и ударникам или же воспевающие героические выступления Димитрова перед судом германского фашизма и льющие слезы над участью великого узника Тельмана, едва ли стоят того, чтобы над ними останавливаться. «Героизм» Димитрова и «мученичество» Тельмана трогают азербайджанского читателя не больше как нас с вами трогали бы, скажем, трагедия лужитанского⁷¹ диктатора Лонга⁷² и героизм его наследницы мадемуазель Шарлотт⁷³...

Как уже было нами отмечено в прошлом году, в докладе «О национальном уклоне в Азербайджане» действительно талантливые новички из рядов комсомола идут в подполье и там встречаются с настоящей стихией Азербайджана, на почве которой и создается не печатные, а из рук в руки и из уст в уста переходящие нелегальные стихи, отражающие полную картину советской неволи.

Вот вам стих гонимого, полного отчаяния и драматизма, молодого поэта, спрашивающего себя, почему он родился.

Почему я родился поэтом?
Что же мне писать еще об отчизне?
Враг торжествует, друзья скрываются...
Не знаю, почему, как преступник
Преследуется поэт, любящий Родину?..

*

Я же не ограбил, не стал беглецом,
Я же не нарушил общественный покой!..
Я же не ударил ножом в спину друзей,
Никакую казнь я не подписал!..

*

Почему же я гонимый у себя?
Тюрьма ли кругом? Я задыхаюсь...
В проклятое время, в подвластной стране
Почему же я тут родился поэтом?..

Отчаяние, охватившее поэта, задыхающегося от отсутствия боды, угнетает с еще большей силой и нежную душу поэтессы, ее настроение передается нам в лирическом стихе «Разлука»:

Я увядший цветок, я желтый листок,
Разлученная с ним, разочарованная жизнью,
Вышла на путь я разузнать нет ли каких-нибудь новостей...
Узнать было некому; не узнаешь — сказали.

*

Расставшись я с возлюбленным своим,
Окунулась я в траур, веселья лишилась,
Разрыдалась я сердцем, вспомнив его очи...
Бесполезны слова, не мучь себя — сказали.

*

К кому пойдет мое сердце, с жалобой своей?
Кто слушать станет о горькой доле моей?
На что мне жизнь без тебя, мне так любящую тебя?
Погналась я за собой. Не догонишь — сказали.

*

Солнце скатилось с моих небес,
Светлая жизнь омрачилась тьмой,
Стрелы вонзались в больное сердце,
Пусть истекает кровью. Безнадежно — сказали.

*

Не взойдет ли еще оно — солнце мое?
Не победит ли свет тьму еще раз?
Не наступит ли заря, не разгонит ли туман?
Не теряй ты надежду. Наверное — сказали.

Мы бы ошиблись, если бы допустили, что в подневольном Азербайджане национальная воля и любовь к свободе находят выражение только в символике легальной литературы и пессимистического творчества загнанных в подполье сентименталистов⁷⁴. Нет, Азербайджан выделяет из своей среды и самоотверженных борцов за правое дело. Эти борцы, предпочитавшие героическую смерть бесславной жизни, мужественно идут на бой, заполняя тюрьмы и далекие страны ледяного севера бесчисленными борцами за восстановление потерянной независимости.

Среди этих борцов немало молодых, порывистых людей с поэтическими дарованиями. В одной из своих корреспонденции из Баку наш эмигрантский журнал «Ени Кавкасия» знакомил нас с некоторыми стихами этих авторов - узников советского оккупационного режима. Среди этих стихов, полных боевого духа и ненависти к национальному врагу, характерна одна своеобразная полемика в стихах. Один из заключенных, описав ужасную картину казней и страданий, в заключение обращается к товарищу с просьбой лучше не писать. На что другой, соглашаясь с ним, что ужасы, чинимые врагом, страшны настолько, что в состоянии «иногда напугать даже и нас», т.е. узников:

Он не боится могилы, вырытой врагом.
У врага маленький масштаб, измерил он ее по себе.
Небо ведь в землю не уместится.
Кровавый дьявол быть может способен на все.

Он может убивать, разрушать и все предавать огню и мечу.

Но ему нет доступа в рай, где он бессилён.

Это наша верующая душа. Где есть вера, там отсутствует дьявол!

С подлинным героизмом и возвышенным настроением этих борцов, полных веры в светлое будущее своего народа и жаждущих свободы, знакомит нас свободная от большевистской цензуры эмигрантская печать. Разумеется, речь идет не о политической публицистике, а о художественных творениях писателей-поэтов, среди которых выдающееся место следует отвести огненным стихам появившихся на свет под псевдонимом Гюль Текин. В этих стихах мы находим настоящую национально-революционную поэзию. Вера в правоту национального дела и потому уверенность в силе борьбы за это дело у Гюль Текина возведена в самый высший культ. Разбор всех этих стихов занял бы у нас много времени. Потому ограничимся только несколькими примерами, в надежде, что по ним вы сумеете составить себе приблизительное впечатление о них.

Вот, например, содержание стихотворения, посвященного национальному знамени и независимости:

Разорвав оковы, объявил себя свободным,

Прочь ты, враг, в ад, сожги петлю свою,

Знамя, возвышавшееся над веками,

Оградит Родину на веки веков.

Мое знамя не умрет и если умрет,

Все страны света перевернутся кверху дном...

*

Кровью азербайджанцев довольно упиваться,

В тирании превзошел ты деяния Нерона...

Твой нож, хотя ужалил сердце,

Зато родил жажду неугомонной борьбы.

Пока Родина в плену у русских,

Святая месть будет лозунгом моим.

*

Я — азербайджанец — славное ношу имя,

В моих жилах течет протестующая кровь...

Я не сирота, не беззащитное существо,

За мной любящий правду целый.

Упадет режим кровавой неволи,

Азербайджан вновь станет моим!

*

О свобода, чарующая, любимая Фея,
Душою весь предан азербайджанец тебе.
Придет день, и я зубами сорву кинжал
Врагом вонзенный в сердце твое.
Да здравствует в муках рожденная свобода!
Да здравствует Родина, о независимый Азербайджан!

V

Если верно, что литература является лучшим зеркалом, отражающим душевные настроения народа, то обозреваемый материал дает нам полное право отвергать всякое пессимистическое суждение о том, будто коммунизм в корне убил национальное чувство в советских странах.

Мы уже имели случай с вескими фактами и не опроверженными документами в руках доказать политическую несостоятельность этого суждения по отношению к Азербайджану, находя, что это доказательство применимо также и к другим не русским национальностям Советского Союза. Настоящим докладом, думается нам, что та же теорема получает свое разрешение и с литературной стороны.

Нет сомнения, что в неслыханных условиях жесточайшей борьбы, несмотря на всевозможные лишения и видимого смирения, в недрах азербайджанской действительности растет и крепнет железная воля к освобождению страны и восстановлению ее потерянной независимости. Нижеследующие слова поэта, без сомнения, наилучшим образом характеризуют моральное «Я» современного поколения борющегося Азербайджана:

Моего народа знамя не упадет,
Чужого не потерпит родная земля,
Русский не посмеет задеть красавицу,
Обожатель азербайджанки - это только я...

*

Не товарищ русский — он мне враг,
Не уступлю Родину - это моя любовь,
Не просто земля — отчизна моя,
Властелин Азербайджана — это только я!..

Мы ни на минуту не сомневаемся, что носители такого высоко патриотического духа, являющиеся моральными властителями

азербайджанских сердец, в очередном этапе истории, наступление которого не за горами, сумеют стать и господами положения в материальном смысле слова, тем более, что эти выразители азербайджанского «Я» усвоили историческую необходимость солидарности всех поработанных российским империализмом народов и тесного союза кавказских республик, нераздельность политических судеб которых ныне очевидна для всех.

Еще Молла Панах Вақыф во времена борьбы с грозным Ага Мехмед шахом, воспевая кавказскую солидарность*, и Абдуррахим бей в пьесе «Ага Магомед шах Каджар» проявили ту же тенденцию. Автор высоко национальных стихов Гюль Текин не раз выступал с идеей кавказской солидарности: его стихи — «Песня Кавказа» и «Гюрджю Кардаш» («Брат грузин») советуют всем народам Кавказа, подав друг другу руки, спасти родной Кавказ.

Наконец, новый певец Азербайджана, недавно убежавший из большевистской неволи — Елмас Ильдырым — не мыслит Азербайджан вне Кавказа. Он «нашел редкую по ценности жемчужину, не из Ирана, не из Индии, не из Афгана и не из Китая, а из Кавказа». И это Кавказ Шамиля⁷⁵.0, если бы он сумел бороться как он^{**}. Это горы, возвышающиеся до небес, дышащие свободой и зовущие в бой. Этот Кавказ он не заменит ни на что: ни на мировую революцию коммунистов, ни на небесный рай ангелов. Его стихи на эту тему я уже имел случай цитировать перед вами. Думаю, что от их повторения мы только выиграем:

Мне говорят: забудь Родину, за то получишь новый мир.

Отвечаю: дайте мою любовь, мое право, мою Родину.

Я влюблен в Кавказ. Если меня сожгут в «ледовитом аду»,

Величественные горы не в силах будут нести по мне траур,

Если ангелы, в утешение, обещают мне божественный рай.

Сколько молодых сил с подобным настроением и с такой верой гибнут в разных советских застенках и в ссыльных местах, в «Ледовитых адах», по выражению поэта. «Ледовитым Адом» Гюль Текин озаглавил одно из лучших своих стихотворений, посвященное ссыльным братьям-азербайджанцам. Стоит его послушать:

* Согласно сообщениям советской прессы, азербайджанским литератором Эмин Абидом в тифлисском архиве найдены стихи Вақыфа на тюркском языке, написанные грузинскими буквами.

** Так в тексте. (Прим. редактора.)

Ледовитый Ад

Посвящается ссыльным
азербайджанцам

Сибирь, о холодное и страшное море,
Не спи безмолвно на груди севера,
Встань, к тебе пришли гости,
Они несут страшные дары...

Любовью растопи оледеневшие руки,
Любезно раскрыв милосердные объятия,
Прими их, истощенных борцов,
Они холодны, голодны и больны!..

Ты земля, о могила,
Не только убийц, но и борцов за право.
Преклонись перед этим ожелтевшим букетом,
Огради их от смерти, даруй им жизнь!

Помни... их преследует враг,
Разлука раздирает их сердца,
Их послала несчастная страна,
Слезы и печаль у них на глазах,
Не терзай их, они сироты,
О, ты холодом живущий ледовитый ад.

Скажи зиме, богине твоей,
Что в объятиях ее голые спят.
Сжалится пусть над гибнущей жизнью,
Да перестанет буря и умолкнет ураган.
Пусть ветер, как теплое объятие
Согреет их, как комок покрытых снегом.

* * *

О... эта беспросветная тьма,
Каким образом она покрыла землю?
Заткнулись все поры дыхания,
Задыхается, как будто, шар земной.

Грязный подол мутного неба
Упал на землю — это тундра...
Сибирь, Сибирь, да это Сибирь,
Это кровавая «Чека» природы.
О мать моя!
О чем ты горюешь, зачем расплакалась?
Может быть, тебя обижают?
А может быть, вспомнила ты о сыне?
Нет... Ты о нем не думай.

Он теперь в объятиях ледовитых полей,
Он холод сосет и не насыщается.
Огонь же сердца ему диктует:
Утри слезы, терпи, не падай духом,
После каждой зимы приходит весна!

А вы, о борцы, железными врагами
Идущие по страшному пути смерти!
Идя под руку с Немезидой,
Судьбу за собою вы несете.
Протяните вы мне руки,
Поздравляю я вас, молодцы,
Вы не склонили голову перед силой,
Сказав, не жить азербайджанцу бесправным!

И на шашке, занесенной над вашими головами,
Вы смело начертили: Требуем свободы!
Ваш путь — правдивая и верная дорога!
Солнце взойдет по вашим следам!
Вы не одни, спутников у вас много,
За вами в целом весь верующий народ!
Если атакует вас враг со всех сторон,
Не бойтесь, не теряйте веру в свободу...
Мы идем за вами, по той же дороге
С кличем: Независимость, Независимость, Независимость!
Чтобы передать музыкальность стиля поэта, позволю себе прочесть
вам последнюю часть в оригинале:
Və siz ölümün korkuncu yolunda

Demir adımlarla yürüyen gençler!
Siz ey bir taliin gizli kolunda
Yürürken bahti de sürüyen gençler!
Uzatinız bana siz elinizi,
Tebrik edeyim ben, yiğitler, sizi!
Baş eğmediniz siz hak yiyenlere,
Dediniz yasamaz Azeri haksiz.
Sizi kesmek için inen hancere
"Hürriyet isteriz!" diye yazdınız!
Selamet yoludur gittiğiniz yol.
Güneşler doğacak izlerinizde.
Yalnız değilsiniz, yoldaşımız bol,
Bir imanlı millet var yerinizde.
Düşman saldırırsa da dört koldan size
Korkmayın "kurtuluş pek mehal" diye.
Biz de geliyoruz o yoldan size
İstiklal... istiklal... istiklal, diye!

Вот подлинное поэтическое выражение национально-освободительного движения Азербайджана! Это смелое и полное надежд движение, будем верить, поведет нас к желанной цели — к полному торжеству заветного идеала!.. И тогда мы с полным правом и наслаждением повторим слова поэта, значение которых, надеюсь, вы поймете и так — без перевода:

Sen bizimsin, bizimsin, durdukca bedende can!
Yaşa, yaşa, çok yaşa, ey şanlı Azerbaycan!

РГВА. Ф. 461-К. Оп. 1. Д. 329. Л. 3-52.

Подлинник. Авторизованная машинопись.

¹ Мир-Якуб Мехтиев — выпускник Петроградского политехнического института, тов. председателя Бакинского мусульманского национального комитета, гласный Бакинской гордумы. Во время существования Азербайджанской республики член парламента, затем эмигрант.

² Точнее: Гибб Элиас Джон Вилкинсон (1857-1901) — английский тюрколог; переведил турецкие и персидские поэтические произведения. Вероятно, речь идет о книге: *Gibb E.J.W. A History of Ottoman Poetry. London, 1900.*

⁴ Хабиби (ок. 1470-1520) - поэт.

⁴ Иззеддин Хасаноглу — поэт, жил в XIII в.

⁵Речь идет об Исмаиле I (1487-1524) — шах, основатель государства Сефевидов, поэт, писал под псевдонимом Хатаи.

⁶Точнее — Лейли.

⁷Речь идет о Физули.

⁸Фелеки Ширвани — поэт и астроном, жил в XII в.

⁹Хагани Ширвани (1120-1199) — поэт-мыслитель,

¹⁰Низами Гянджинский (ок. 1141 - ок. 1209) — поэт-мыслитель.

¹¹Мерсие — религиозный «плач» о мученической смерти Хусейна — сына халифа Али, убитого в битве при Кербеле (680 г.).

¹²Точнее: Сефевиды — династия шахов Ирана в 1502-1736 гг.

¹³Молла Панах Вақыф (Вагиф) (ок. 1717-1797) — поэт и государственный деятель; обезглавлен.

¹⁴Ага Магомед хан Каджар — основатель династии шахов Ирана, правившей в 1796-1925 гг.; правил в 1796-1797 гг.

¹⁵Сборник стихотворений одного поэта.

¹⁶Воронцов Михаил Семенович (1872-1856) - князь, наместник на Кавказе (1844-1854).

¹⁷Полное название этой комедийной пьесы — «Приключение скряги» («Хаджи Кара») (1852 г.). Хаджи Кара — имя главного персонажа.

¹⁸Мирза Шафи (Вазех) (между 1792 и 1807 1851) поэт.

¹⁹Боденштедт Фридрих Мартин (1819-1892) — писатель, изучал восточные языки под руководством Мирзы Шафи, впоследствии сыграл большую роль в популяризации его стихов: переводы, выполненные Боденштедтом, были напечатаны в Берлине в 1851 г. («Die Lieder des Mirza Schaffu»). До 1877 г. книга выдержала 50 изданий на немецком языке, затем эти переводы изданы на русском, французском, английском и других европейских языках. До 1917 г. вышло 264 издания. Успех переводов привел Боденштедта к изданию в 1874 г. книги «Aus dem Nachlasse Mirza Schaffys».

²⁰Саади (между 1203 и 1210-1293) — персидский писатель и мыслитель

²¹Мюллер Август (1848-1892) — исламовед, востоковед.

²²Речь идет о написанном в 1863-1865 гг. философском трактате М.Ф. Ахундова «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джалал-уд-Довле и ответ на них сего последнего». Впервые напечатан на азербайджанском языке в 1924 г. в Баку.

²³Наджаф бей Везирли (Везиров) (1854-1926) — драматург, театральный деятель.

²⁴В азербайджанской литературе принято иное название — «Герои наших дней».

²⁵Абдуррахим (Абдуррагим) бей Ахвердили (Ахвердов) (1870-1933) — писатель.

²⁶В азербайджанской литературе принято иное название — «Разоренное гнездо».

²⁷В азербайджанской литературе встречается иное написание — «Пери-джаду».

²⁸Султан Меджид Гани-заде (1866-1937) — педагог, беллетрист, переводчик.

²⁹«Молла Насреддин» издавался в течение 25 лет с определенными перерывами: в Тифлисе (1906-1918), в Тебризе (1921) и в Баку (1922-1931).

³⁰Ошибка: Джалил Мамет Кулу-заде (Мамедкулизаде) (1866-1932) — писатель и общественный деятель.

³¹Сеид Азим Ширвани (1835-1888) — поэт и просветитель.

³²Далее автором зачеркнут следующий текст:

«После "Экинджи" делается попытка издавать новые газеты, но безуспешно. Если не брать во внимание кратковременное существование журналов "Кешкул", выходивших в Тифлисе, до 1903 г. азербайджанцы остались без газеты. В это время, когда их соседи, как армяне, так и грузины, издавали на родном языке газеты, все хлопоты азербайджанцев получить у власти разрешение на издание тюркской газеты оставались безуспешными. Только в 1903 г. Мехмед Ага Шахтагинский смог получить разрешение на издание азербайджанской ежедневной газеты "Шарки Русь" в Тифлисе».

Данный фрагмент отсутствует в опубликованном тексте этого доклада на турецком языке.

Мохаммед-ага Шахтагинский (1846-1931) — учитель, депутат II Думы, профессор.

³³«Гаят» издавался в Баку в 1905-1906 гг.

³⁴«Иршад» издавался в Баку в 1905-1908 гг.

³⁵Сабир (псевд.; наст, имя Мирза Алекпер Таирзаде) (1862-1911) — поэт.

³⁶Дословно: Гоп-гоп. В азербайджанской литературе встречается иной перевод — «Удод».

³⁷Мехмед Хади Ширвани (псевд.; наст, имя и фам. Мухаммед Абдулсалимзаде) (1879-1920) — поэт, стал активно публиковаться с 1906 г.

³⁸Чаршаф — головное покрывало мусульманки.

³⁹«Фиюзат» — тюркский общественно-политический, литературный, научный ежемесячный журнал, издавался в 1906-1907 гг.

⁴⁰Алибей Гусейн-заде (1864-1940) — учился в Петербурге и Стамбуле; один из основателей младотурецкой партии «Иттихад ве Теракки» («Единение и Прогресс»), после младотурецкой революции уехал в Турцию (1910 г.).

⁴¹Музниб (псевд.; наст. имя и фам. Али-Аббас Муталиб-заде) (1883-1938) — писатель, журналист, литературный критик.

⁴²Опечатка: Джавад.

⁴³Гусейн Джавид (псевд.; наст. фам. — Гусейн Раси-заде) (1884-1944) — поэт и драматург.

⁴⁴Правильно: Ибрагим Тахир.

⁴⁵То есть над і.

⁴⁶Узеир Гаджибеков (1885-1948) — композитор и общественный деятель.

⁴⁷Далее зачеркнуто: «Али Юсуф».

⁴⁸Тюрк — мифический персонаж.

⁴⁹Сельман Мюмтаз (псевд. Аскеров; Салман Мамедэмин оглы) (1884-1941) — литературовед, поэт, общественный деятель.

⁵⁰Абдулла Шаиг (Шаик) (псевд.; наст. фам. Талыб-заде) (1881-1959) — писатель и педагог.

⁵¹Джафар Джабарлы (1899-1934) - писатель и драматург.

⁵²От Сан'ан (азерб.). В азербайджанской русскоязычной литературе принято написание «Санан».

⁵³В азербайджанской литературе принято иное написание — «Гошма»; гошма — форма азербайджанского народного стиха.

⁵⁴Речь идет о 28 мая 1918 г.

⁵⁵Далее автором зачеркнуто:

Ты создалась из улыбки ангелов,

Когда созидательная сила находилась в брожении;

Ты создалась стройными рядами газелей,

Нарисованных чудодейственной кистью художника;

Ты создалась от поцелуев рассвета,

С красотой, девственностью и с цветами;

Ты создалась шествием облаков,

Одним взглядом сердце мое освежив.

⁵⁶Кеманча - восточный музыкальный смычковый инструмент, более напоминающий скрипку.

⁵⁷Сулейман бек Ахунд-заде (1875-1939) - писатель.

⁵⁸Точнее: Laçın - сапсан (птица рода соколов); в азербайджанской литературе принят иной перевод — «Соколиное гнездо».

⁵⁹Так в тексте.

⁶⁰«Хромой Теймур» — название этого произведения, а не «Гамерлан».

⁶¹Точнее — Хирра (Хира).

⁶²Имеется в виду Джабраил — ангел, наиболее приближенный к Аллаху.

⁶³Лишенцы — в СССР до принятия Конституции 1936 г. лица, лишённые избирательных и других гражданских прав в связи с принадлежностью к так называемым эксплуататорским классам.

⁶⁴Абулькасим Фирдоуси (ок. 940-1020 или 1030) — персидский и таджикский поэт.

⁶⁵Нелуфер — водяная лилия (от тур. nilüfer).

⁶⁶Сунбуль — гиацинт (от тур. sünbül).

⁶⁷Мирза Бала Мехмед-заде — один из лидеров азербайджанской эмиграции, сотрудник журнала «Куртулуш».

⁶⁸Полное имя — «Октай Эль-оглы».

⁶⁹Правильно: Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874-1956) — советский композитор, дирижер, педагог, автор оперы «Шахсенем», поставленной в 1927 г. в Баку.

⁷⁰Речь идет о I Всесоюзном съезде советских писателей, который состоялся в Москве 17 августа — 1 сентября 1934 г. На нем присутствовало почти 600 делегатов 52 народов СССР, 40 писателей из 13 стран мира. Участники съезда обсудили также вопрос о развитии литератур Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Таджикистана и др.

⁷¹Точнее луизианского.

⁷²Лонг Хьюи (1893-1935) — губернатор Луизианы, затем сенатор США, сочетавший популистские и демагогические приемы в политике с жесткими автократическими методами. Окруживший себя гангстерами, Лонг стал фактическим диктатором в своем штате и мог стать лидером в национальном масштабе, но был убит на взлете своей политической карьеры сыном человека, униженного им ранее.

⁷³Возможно, речь идет о Гиллман Шарлотте (1860-1935) — американская писательница, видная деятельница феминизма.

⁷⁴Сентименталисты — сторонники течения в литературе и искусстве второй половины XVIII в. в Западной Европе и России.

⁷⁵Шамиль (1707-1871)- третий имам Дагестана и Чечни (1834-1859), руководитель национально-освободительной борьбы горцев, основатель Имамата. В 1859 г. взят в плен русскими войсками и выслан в Калугу. Умер

по пути в Мекку, в Медине.

La Terreur soviétique et la résistance en Azerbeydjan

Nous publions un extrait du dernier chapitre du livre, récemment paru, de M. Mahomet Emin Bey Resul-zade, l'éminent écrivain politique de l'Azerbeydjan.

La terreur qui sévit en U.R.S.S. est bien connue dans le monde entier, mais on connaît moins bien tout ce qui se passe au Caucase, en Ukraine et en général chez les autres peuples non-russes.

Le tableau saisissant de la Terreur, qui règne dans une des républiques du Caucase, dans le cas qui nous occupe, en Azerbeydjan, reflète admirablement ce qui se passe chez d'autres peuples courbés sous le joug de Moscou.

Les mesures draconiennes, dirigées contre les nationalistes et leurs "complices" au sein des organes locaux du parti communiste lui-même, prouvent mieux que tout autre argument à quel point leur volonté de se libérer du joug odieux, est indomptable.

La Terreur en Azerbeydjan et le parti Moussavat

Dans toutes les républiques "fédérales" et "autonomes" de l'union soviétique (U.R.S.S.) l'épuration a pris des proportions inimaginables et fait couler des fleuves de sang. Dans onze "républiques fédérales" la totalité des membres de leurs "gouvernements" furent châtiés: de nombreux "présidents" de ces Etats furent arrêtés, accusés d'être des agents des services d'espionnage étrangers, inculpés de "déviation nationale"; beaucoup d'entre eux finirent par le suicide. Leurs remplaçants dans les hautes charges de l'Etat subirent à leur tour rapidement le même sort: du fauteuil de Président au poteau d'exécution il n'y a qu'un pas. Presque tous les membres importants des groupes communistes locaux de toutes les "républiques fédérales", connus pour leur attachement à la dictature soviétique ont été uniformément "retirés de la circulation". Presque personne n'a été épargné par ce "pogrom" politique.

L'Azerbeydjan n'échappa pas au sort commun. Déjà au moment du procès de Radek-Piatakoff et d'autres communistes de marque (procès instruit et jugé à Moscou en 1937) certains "trotskistes" du Caucase, comme Boudou Mdivani, furent soupçonnés d'entretenir des relations avec les nationalistes authentiques des autres régions du Caucase et sur tout avec le parti "Moussavat" en Azerbeydjan.

Les journaux de Bakou, pendant les mois qui suivirent, débordaient d'informations sensationnelles et de révélations mirifiques: "l'épuration trotskiste"

prit ici l'aspect d'une lutte furieuse du pouvoir central avec l'idée nationale régionale et servit de prodrome à l'"épuration" qui attendait le Caucase.

Dès le début de janvier 1937, le journal *Le Travailleur de Bakou* (8.1.37, n 5) annonçait la découverte dans les écoles de toute une série "d'agissements souterrains", travaillant au profit de l'opposition nationale. A la tête de ce mouvement se trouvait le professeur azerbeydjanien Talubli, de l'Institut supérieur d'Agriculture. Le journal s'indignait de la faiblesse qu'avaient montré les organes du Parti (communiste) en tolérant que des "moussavatistes", "ces agents du fascisme international", aient pris de l'influence parmi des membres du parti et les aient attirés à leur suite vers la "déviation nationale", elle-même suppôt du "moussa-vatisme". En même temps le journal publiait la liste des collaborateurs de Talubli.

L'épuration ainsi annoncée bat son plein actuellement et ne s'arrête pas devant des dirigeants bolcheviks locaux qui, dès le début de l'occupation du pays par Moscou, avaient été les propagandistes les plus fervents des idées communistes et ses organisateurs dans les sphères politiques, économiques et culturelles de la vie du pays.

Toute cette agitation culmina dans le discours officiel que prononça le chef de l'Etat soviétique d'Azerbeydjan au cours du 9e Congrès des Soviets. D'après le journal *Le Travailleur de Bakou*, Rakhmanoff, au cours d'un exposé officiel sur la nouvelle constitution, se répandit en de furieuses attaques de haine contre le parti "Moussavat", qui avait osé arracher l'Azerbeydjan à l'Empire russe et proclamer son indépendance le 28 mai 1918. Il considérait ce jour comme l'événement le plus sombre dans l'histoire du pays, et l'histoire du parti "Moussavat" comme une série ininterrompue de trahisons.

Mais ce n'est pas la "trahison historique du parti" qui faisait éclater la fureur de ces hommes si étrangers au pays, mais la terreur que leur inspirait la force indomptable du sentiment national, sentiment s'ampli-fiant et s'étendant tous les jours, plongeant ses racines dans le sol sacré de la terre des ancêtres, s'abreuvant aux sources de l'idée moussavatiste.

Depuis l'entrée en vigueur de la nouvelle constitution soviétique les bolcheviks ont remplacé l'injure "d'ennemi de classe" par "ennemi du peuple". Ce terme sert à désigner, en Russie proprement dite, les adversaires de la personne de Staline et de son régime personnel, soit les "trotzkistes" et autres éléments de l'opposition, issus de la révolution bolchévique (d'octobre).

Par contre, dans les républiques fédérales des nationalités non-russe, ce même terme a non seulement un sens anti-stalinien mais implique le sens d'anti-russe et de national. Il est appliqué à toute personne soupçonnée d'éprouver les sentiments naturels envers son peuple — ceci est qualifié de "déviation nationale"

et contient implicitement l'accusation de "liaison avec le parti Moussavat" — le parti national de l'Azerbeydjan menant la lutte pour la libération de sa patrie du joug de la "grande union soviétique russe".

A Moscou, c'est la lutte de fractions pour le pouvoir, chez les peuples non russes de la périphérie, c'est la lutte pour l'indépendance et la liberté, la lutte contre l'impérialisme moscovite.

***Tous les créateurs de l'Azerbeydjan soviétique sont condamnés par
Moscou***

En fait aucun des communistes locaux ayant collaboré à la soviétisation de l'Azerbeydjan ne joue plus de rôle dans la vie politique. Tous les grands noms du communisme local, jadis russophiles, sont assimilés actuellement aux pires ennemis du Communisme, de l'Union soviétique et de la Révolution mondiale.

Roukhoulla Akhoundov, persécuteur acharné du "pan-touranisme et du moussavatisme", partisan fanatique des Soviets, est actuellement "épuré" comme "infâme pan-touranien et vil agent du moussavatisme".

Ali Gajdar Karaëv, dont l'acharnement était célèbre à dépister des "agents - turcs", - se livrant à l'introduction par contrebande d'idées réactionnaires de moussavatisme, pan-touranisme et de pan-islamisme dans les manuels des écoles soviétiques", est maintenant accusé d'être un "abject larbin du moussavatisme et du fascisme international".

Khamid Soultanov, fameux par sa conspiration contre le gouvernement national, commissaire du Commerce et de l'Industrie soviétique, ancien membre du Comité révolutionnaire de l'Azerbeydjan (pro-soviétique) et "Commissaire extraordinaire à l'étouffement" de la révolte gandjienne", en 1921, a été récemment fusillé en même temps que huit de ses amis, ayant les mêmes titres à la reconnaissance des Soviets, par décision du tribunal révolutionnaire (G.P.U.) accusés d'espionnage au profit d'une puissance étrangère et de menées séparatistes contre l'Union soviétique. Dans cette même "instruction judiciaire" ont été soit blâmés, soit accusés la plupart des dirigeants communistes, tous titulaires de postes importants dans la hiérarchie du régime et maintenant "retirés de la circulation".

Au cours de ce "procès", il a été "établi" que Soultanoff et consorts travaillaient à l'instigation d'une organisation secrète comprenant des pan-touraniens et "déviation nationale" tels que:

1. R. Akhoundov: ancien membre du Comité Central Exécutif du Parti Communiste Azerbeydjan; ancien Commissaire du Peuple de la République Socialiste Soviétique de l'Azerbeydjan.

2. Dadash Boniat-Zadé: ancien Président du Conseil des Commissaires du Peuple de la République Socialiste Soviétique de l'Azerbeydjan et Commissaire du Peuple à l'Agriculture.

3. S.M. Effendi-Zadé: ancien Président du Comité Central Exécutif de la République Socialiste Soviétique de l'Azerbeydjan — vieux bolchévik de 1904.

4. A.N. Karaeff: ancien Commissaire du Peuple de l'Armée et de la Marine de la République Socialiste Soviétique de l'Azerbeydjan et membre du Conseil de Guerre Révolutionnaire (Rewoensoviet de l'U.R.S.S., 1919 à 1921).

5. Mousabékov: ancien Président du Conseil des Commissaires du Peuple; ancien Président du Comité Central Exécutif de la Fédération Transcaucasienne; ancien membre du Comité Central Exécutif de l'U.R.S.S.

Ce qui dépasse l'entendement, c'est que des accusations pareilles soient portées contre des gens avec un passé communiste aussi éclatant. Sous le couvert de menées pan-touranistes toute activité scientifique, littéraire, artistique est soumise à des persécutions inouïes.

La grammaire... contre-révolutionnaire et séparatiste

Le 17 juin 1937 eut lieu à Bakou une "Conférence de l'Orthographe et de la Terminologie": deux conceptions linguistiques s'affrontaient.

Les partisans de la soviétisation intégrale, menée par les communistes russophiles, inféodés à Moscou, exigeaient:

1. les mots d'usage universel doivent être orthographiés d'après leur prononciation en russe;

2. les termes techniques russes doivent être adoptés sans altération ni traduction;

3. défense d'adopter de nouveaux mots appartenant à un dialecte de la famille linguistique turque*;

4. remplacer par des mots russes tous les mots d'origine arabe ou turque utilisés actuellement en azerbeydjanien;

5. transformer et assimiler les mots azerbeydjanien, communs aux autres dialectes de la famille linguistique turque.

Leurs adversaires, "turquistes" défendaient les liens culturels du dialecte azerbeydjanien avec les autres dialectes turcs et réclamaient:

1. l'assimilation des termes étrangers au dialecte régional;

* Le dialecte azerbeydjanien est une langue turque.

2. le maintien de l'intégrité du langage azerbeydjanien, voyant dans la "soviétisation" une "russification occulte";

3. en fait d'orthographe se tenir à la règle littéraire admise universellement, de maintenir les liens de parenté entre langues d'une même famille.

La tendance "soviétiste", s'appuyant sur l'autorité de Moscou, tend à réaliser son programme d'"unification", autrement dit "russification", par des mesures de contrainte politique. La lutte menée par Moscou sur ce terrain a atteint une brutalité inouï: tout geste de défense des traditions culturelles du pays est assimilé à un acte de trahison envers l'Union soviétique; ils qualifient de pan-touranisme et de moussavatisme l'idée que la langue maternelle est un élément de la vie nationale, qu'elle est le lien unissant tous les éléments d'un même peuple et qu'elle est le bien commun de tous les nationaux. Le communisme orthodoxe va jusqu'à considérer la langue comme un outil dans la lutte des classes.

Les principes de l'orthographe, élaborés par une commission scientifique en 1936, commission composée de toutes les sommités linguistiques de l'Azerbeydjan soviétique, en collaboration assidue avec le commissaire de l'Instruction publique, exerçant les fonctions de Président du Comité Central de la République Socialiste Soviétique de l'Azerbeydjan: Sultan Médjid Effendi-zadé (actuellement en disgrâce), ces mêmes principes sont décrétés "contre-révolutionnaires" par les partisans de la soviétisation, avec le motif: "qu'ils tendent non vers une fusion avec la langue de la révolution d'octobre" (la langue russe), mais au contraire avec l'outil du pan-touranisme, la langue "turque".

Voici un exemple:

Le mot "feuille" se dit en tous les dialectes turcs aussi bien qu'en azerbeydjanien littéraire "japrac" à côté duquel existe la forme de patois populaire "jarpak" (dans les deux cas l'accent est sur la première syllabe); les soviétophiles exigent l'adoption de la forme non littéraire (en déplaçant d'ailleurs l'accent pour lui donner une consonnance plus russe), en alléguant une raison vraiment "énorme": ce n'est pas au peuple qu'il incombe d'apprendre à parler correctement sa langue, mais c'est à la langue de se mettre à la portée du peuple. En voici un autre:

Les mots "télégramme", "programme", etc. s'écrivent en azerbeydjanien littéraire sans l'e muet, mais celui-ci est remplacé en russe par la terminaison du féminin a. Les "soviétistes" exigent qu'on l'écrive d'après la prononciation russe i. e. telegramma et traitent de "pan-touraniste, moussavatiste, agent du fascisme international", et - ce qui est plus grave - "de féroce ennemi de l'union de l'Azerbeydjan avec le grand peuple russe", tous ceux qui osent leur désobéir. Tel fut le cas de tous les écrivains azerbeydjanien, immédiatement exclus de l'union des artistes et littérateurs, exclusion qui équivaut en U.R.S.S. à la privation de tout moyen d'existence. Combien de "vieux communistes" n'ont pas fini dans les

cachots du Guépéou pour ne pas avoir montré assez d'ardeur à poursuivre ces nouveaux "factieux". Mais ne nous leurrons pas: les tracasseries orthographiques ne sont qu'un nouveau critère pour dépister les fonctionnaires trop tièdes envers la dictature stalinienne.

Pourquoi Staline a-t-il détruit la Fédération transcaucasienne?

Ce n'est pas la première fois que les idéologues moscoutaires organisent une campagne pour venir à bout des déviations nationales et du séparatisme en Ukraine, au Turkestan et au Caucase, or, les événements actuels au Caucase et au Turkestan équivalent à un état de guerre véritable entre la dictature de Moscou et les mouvements nationaux locaux.

Afin d'affaiblir et si possible terrasser le mouvement national au Caucase, Staline, en introduisant la nouvelle constitution soviétique, a dissout la Fédération soviétique transcaucasienne en "rendant" aux républiques qui la composaient (Azerbeydjan, Arménie et Géorgie) leur "indépendance nationale". La raison alléguée officiellement était la "disparition progressive des séparatismes régionaux", ces pays n'ayant plus besoin d'une tutelle communiste générale. Cette affirmation est en contradiction flagrante avec l'explosion inouïe de séparatisme qui suivit immédiatement dans ces mêmes pays la publication de la nouvelle constitution. Il est évident que la véritable raison de cette mesure doit être cherchée ailleurs: les mouvements séparatistes de ces peuples, en s'amplifiant tous les jours, s'étaient liés entre eux et tendaient vers l'unification du Caucase: même dans sa forme embryonnaire actuelle la Fédération transcaucasienne était un symbole de l'Unité caucasienne, de l'idée de la Confédération.

Il importe de noter que des procès contre les séparatistes, accusés d'avoir eu l'intention de détacher à main armée leurs pays de la "grande Union soviétique", procès avec condamnation à mort, eurent lieu non seulement en Azerbeydjan, mais presque dans toutes les parties du Caucase. Le texte du jugement prononcé contre Souldanov et consorts mentionne qu'ils avaient des "relations d'organisations" avec les séparatistes géorgiens, du Caucase du Nord et même les Arméniens.

La faillite de la politique de Moscou en Azerbeydjan

Il y a 18 ans que les bolcheviks de Moscou ont par la fraude et par la force des armes occupé l'Azerbeydjan. Pendant ce laps de temps, ils ont non seulement échoué dans la pacification du pays, mais ils n'ont même pas réussi à former les cadres humains, aussi peu nombreux soient-ils, sur le dévouement desquels le pouvoir communiste aurait pu compter.

Au moment de la célébration du 15 anniversaire de la "réunion" de l'Azerbeydjan à l'U.R.S.S., il ne restait déjà plus aucun nom qu'on aurait pu acclamer comme un des héros du "glorieux" mois d'avril 1920, époque de la soviétisation du pays; tandis qu'actuellement il ne reste plus personne qui n'ait été ignominieusement "liquidé" comme "ennemi de la révolution d'octobre" et de l'"union des peuples de l'Azerbeydjan et de l'U.R.S.S."

Pendant 18 ans, l'Occupation soviétique a lutté pour faire prévaloir le contenu communiste dans la culture nationale. Avec quel succès? Au cours de la célébration du 20e anniversaire de la révolution d'octobre les œuvres les plus éminentes des plus grands écrivains de l'Azerbeydjan, naguère fêtés et récompensés par les sommités du régime, furent déclarées entachées de tous les péchés du nationalisme et sévèrement condamnées.

Le pouvoir soviétique, dans sa démençe, ne s'attaque pas seulement au fond, mais aussi à la forme de la culture nationale. Cette nouvelle tentative de Moscou est vouée à un échec, car elle se heurte à la force invincible de la nationalité azerbeydjanienne. Un pouvoir qui ne trouve plus des dévouements, même dans une bureaucratie créée par lui de toutes pièces, ne peut prétendre conquérir la sympathie des larges couches de la population. Ce n'est pas à coups de baïonnettes et de terreur hallucinante qu'on arrive à implanter une culture.

L'Azerbeydjan, foncièrement national par son esprit et sa culture, soutient avec des moyens trop inégaux une lutte atroce pour l'essence et la forme de sa culture et il est profondément pénétré de la certitude que son développement et son existence mêmes ne sont possibles que dans un Etat national azerbeydjanien indépendant.

Songez que même de pauvres diables, qui ne pensent qu'à leur avancement et à leur situation à conserver, que même ceux qui doivent tout et espèrent tout du régime, qu'eux aussi se sont révoltés contre l'arbitraire de la dictature stalinienne, songez combien est fort l'esprit national dans ce pays et vous comprendrez que rien ne prévaudra contre lui...

Mehmed Emin Resul-zadé

La Revue de Prométhée. 1938. Tome I. N° 1. P. 94-101.

Le mouvement national en Azerbeydjan¹

Le Caucase, peuplé dans sa partie azerbeydjanienne d'éléments turcs musulmans, dépourvu de toute affinité religieuse ou culturelle avec la Russie, conquis de vive force, ne se résigna jamais ne pouvant admettre la politique traditionnellement antiislamique et antiturque de l'Empire russe, et fut de tout temps acquis aux idées panislamiques et de panturkisme pour lesquelles il avait des

affinités naturelles. Progressivement des éléments de plus en plus nombreux des masses populaires s'y joignirent et le mouvement national prit, plus tôt qu'ailleurs dans l'Orient musulman, des caractéristiques européennes.

Dès le début du XIXe siècle, la littérature azerbeydjanienne, au passé éclatant, il suffit de nommer Fizouli, se modernise. Un grand novateur, Mirza Fatali Akhound zadé, donna l'impulsion par son œuvre en langage populaire. Il fut le premier à propager des idées tout à fait nouvelles au monde musulman, idées puisées dans l'arsenal du libéralisme du XVIe siècle, présentées dans une forme inédite: il fut le premier écrivain du monde musulman à écrire des drames. Mirza Fatali fut ainsi l'introducteur des idées occidentales et c'est à sa suite que les nouvelles générations s'habituent à soumettre à la critique les apports étrangers. Il suscita toute une équipe de continuateurs, prosateurs, dramaturges, poètes de tendances libérales, voués à la tâche de développer chez leur peuple la compréhension des entités européennes et de faire naître la vie publique locale.

En 1875 paraît à Bakou *l'Ekindji* (le traceur de sillons — laboureur), premier journal de langue azerbeydjanienne, le premier journal turc-musulman édité en Russie. Dirigé par Hassanbek Zardabi, les idées libérales de Mirza Fatali y étaient régulièrement diffusées et, si jusqu'à sa fondation elles avaient été propagées par lui-même et par ses disciples sur un plan purement abstrait, maintenant elles étaient utilisées par ce premier publiciste azerbeydjanien dans un but politique concret car, disait-il "les Azerbeydjaniens doivent accéder aux acquisitions de la civilisation moderne et participer à la culture européenne: au cas contraire, ils sont voués à la servitude irrémédiable".

Le gouvernement impérial qui avait considéré avec une équanimité parfaite les écrits théoriques de M. Fatali ne put rester insensible aux tendances du journal politique. *L'Ekindji* fut interdit et son rédacteur ne fut pas autorisé à organiser une société de bienfaisance musulmane à Bakou; jusqu'en 1905 la vie publique de l'Azerbeydjan se trouva sous la poigne d'acier de la censure tsariste. Ce ne fut que grâce à la défaite des armées impériales en Mandchourie que la première révolution put prendre son essor et qu'une ère nouvelle s'ouvrit pour la vie politique de l'Azerbeydjan. Des imprimeries s'ouvrent, des quotidiens sont fondés et des revues paraissent; la littérature s'épanouit de même que la musique et le théâtre. Différentes sociétés et clubs, d'un caractère participant à parts inégales de la vie publique et du cercle d'études, sont fondés et des partis politiques se créent. Se sentant un sol ferme sous les pas, les animateurs de la vie publique adoptent des tendances nettement nationales en harmonie avec le mouvement libéral et révolutionnaire qui triomphe précisément dans tout l'Empire. Les buts politiques que se proposait le mouvement étaient aussi bien la conquête d'un régime politique

démocratique pour l'ensemble de l'Empire que l'obtention de droits culturels et nationaux pour tous les musulmans habitant la Russie.

Deux tendances nettement distinctes se manifestèrent dans ce mouvement: autant la génération aînée, de formation universitaire, issue des milieux de vieille noblesse marchait la main dans la main avec les libéraux russes, autant la jeune génération, éduquée en grande partie dans les idées nationales, avait des sympathies pour le radicalisme et les idées révolutionnaires.

La totalité des peuples musulmans, subissant uniformément le joug de l'Empire russe, la politique antimusulmane de l'Empire étant bien connue, tendaient vers un même but, unissant leurs efforts et liant leur travail d'organisation et de propagande par les idées. Ainsi un rôle prépondérant de direction échut aux guides de l'opinion publique azerbey-djanienne. Deux faits saillants marquent le développement de leur vie politique propre: le premier est le congrès de Nijnij-Novgorod en 1905, le second le congrès de Moscou en 1917. Ces deux congrès fixèrent la forme politique des revendications des musulmans de Russie.

Le congrès de N. Novgorod, quoiqu'il eut proclamé le principe de la collaboration tactique avec le libéralisme russe, se borna à des revendications culturelles et de droits politiques. Par contre, le congrès de Moscou vota une résolution exigeant l'abolition de l'unité de l'Empire au profit de l'autonomie de ses parties composantes — les territoires nationaux. Aux deux congrès se furent les représentants de l'Azerbeydjan qui donnèrent leur forme politique à ces revendications. A N. Novgorod leur auteur fut le président de la fraction musulmane de la première Douma d'Empire, A.-M. b. Topchibachi; à Moscou ce fut le président du parti national-démocratique de l'Azerbeydjan "Moussavat", M.E. Rassoul-zadé. A l'époque du congrès de N. Novgorod la majorité était pour les libéraux, non seulement parmi les délégués au congrès mais aussi dans le pays, en Azerbeydjan. Par contre au congrès de Moscou on ne s'aperçut même pas de l'existence des libéraux, car la divergence d'opinions se trouvait être maintenant entre les partisans de la coalition avec ce qu'il est convenu d'appeler la démocratie révolutionnaire (leur desideratum d'une Russie démocratique, mais unitaire fut d'ailleurs mis en minorité) et les nationalistes révolutionnaires, la grande majorité, qui réclamaient la séparation complète de toutes les nations et territoires englobés dans l'Empire russe. Ce nationalisme révolutionnaire azerbeydjanien, qui eut le rôle décisif au cours du congrès de Moscou, trouvait son expression dans le parti "Moussavat", lequel avait rendu public au cours d'un congrès précédent, le Congrès des Musulmans du Caucase, tenu à Bakou en avril 1917, son programme exigeant la formation d'États nationaux en Azerbeydjan, mais aussi des autres peuples turcs, soumis à la Russie. Les dirigeants du parti Moussavat venaient de ces milieux de la jeune génération, laquelle lors de la première Révolution avait déjà, à l'opposé de

leurs amis, des sympathies pour l'aile gauche révolutionnaire de la vie publique russe. Dans leurs luttes contre le Tzarisme, le socialisme révolutionnaire leur paraissait, sinon un allié sûr, du moins le plus apte à les servir. Leur haine envers la Russie, bourreau de leur pays, les rendait enclins à adopter les méthodes des partis les plus extrémistes dans leur travail de sape contre le régime. Le Moussavatisme réunit en lui des éléments de l'idéologie proprement nationale, formée par les traditions islamiques et turques modernisées, joints aux tendances modernes du populaire et du social et ayant adopté, comme moyen d'action, la tactique révolutionnaire pour autant qu'elle visait à la séparation de l'Azerbeydjan ainsi que du Caucase entier de l'Empire Russe.

Le parti fut vite populaire dans les masses et recueillit une large majorité aux différentes élections: Constituante panrusse, Diète Transcaucasienne, Parlement Azerbeydjanien, et même, au Soviet des députés des ouvriers, etc.... de la ville de Bakou, le parti Moussavat et les groupes coalisés avec lui détenaient toujours une solide majorité. Dès cet instant le nom de Moussavat devint synonyme de nationalisme azerbeydjanien.

Cette doctrine, professée par la littérature azerbeydjanienne renaissante, détendue par les organisations politiques et culturelles de toutes nuances, formulée dans ses objectifs politiques par le parti Moussavat cet ensemble d'idées, disons-nous, trouve son expression pratique dans le désir unanime du peuple azerbeydjanien de créer son propre État national et c'est conformément à ce désir que l'Assemblée Nationale azerbeydjanienne déclara le 28 mai 1918 l'indépendance de la République Démocratique Indépendante de l'Azerbeydjan.

M.E. Resul-zadé

La Revue de Prométhée. 1939. Tome II. № 1. p. 65-68.

¹ Содержание этой статьи почти дословно совпадает с первым разделом статьи «Национальное движение в Азербайджане», которая была написана по-русски в 1933 г. и впервые опубликована в 2002 г. См.: *Расулзаде М.Э. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 11-13.*

Le "patriotisme soviétique" ou les nouvelles tendances russificatrices

Pour faire face au nouveau mouvement nationalitaire et aux dangers qu'il présente, le gouvernement soviétique cherche son salut dans le patriotisme soviétique. Sous ce camouflage de défense, nous voyons reparaitre de vieilles connaissances de l'époque tsariste et de son impérialisme.

L'idéalisation de l'histoire nationale russe est à l'ordre du jour au pays des Soviétiques. On exalte la mémoire des artistes et des écrivains, naguère encore qualifiés de "bourgeois", on y joint la gloire des militaires... Comme en toute chose d'ailleurs, le Kremlin ne connaît pas de mesure dans cette nouvelle voie. Les résultats obtenus, en un temps record, sont fort impressionnants. Minine et Pojarski, les héros nationaux de la lutte contre la Pologne au XVIIe siècle, réhabilités; les généraux de l'Empire, les défenseurs de Moscou contre Napoléon, Koutouzov et Bagration, exaltés; Souvoroff, pourtant l'instrument de la répression du mouvement de libération des peuples de l'Europe, engendré par la Révolution, porté au pinacle. Mieux encore, c'est aux accents du fameux opéra de Glinka, "La vie pour le Tsar", que s'ouvrit le dernier Congrès du Parti communiste panrusse. Toutes ces manifestations ne visent qu'un seul but: *l'ancien patriotisme russe doit servir de modèle au jeune patriotisme soviétique.*

L'élan patriotique provoqué ainsi chez le "frère aîné de la grande famille des peuples soviétiques", autrement dit, le peuple russe, a été suivi, tout naturellement par une vive réaction de la part des communistes d'origine non-russe. Les "déviation nationales" ont reçu de ce fait une nouvelle impulsion et les nationalités allogènes n'ont peut-être pas tellement tort de se poser la question:

"Pourquoi les Caucasiens n'exalteraient-ils pas la mémoire de Chamil, le héros de la résistance des Montagnards à la conquête russe?" "Pourquoi les Azerbaldjaniens n'évoqueraient-ils pas l'héroïsme de Djavad-Khan, le défenseur de Gandja, qui préféra mourir que de se rendre au représentant de la Russie esclavagiste?"

"Est-ce que Chamil, qui avait les sympathies unanimes de toute l'Europe libérale et révolutionnaire, n'est pas digne des mêmes honneurs que les généraux tsaristes Koutouzov et Souvoroff proposés à l'admiration des foules par un gouvernement prétendument révolutionnaire?"

"L'héroïsme de Djavad-Khan, défenseur de sa patrie, serait-il d'une qualité inférieure à celui de Mini ne et Pojarski?"

Tous les patriotes des républiques "alliées" et "autonomes" se posent ces questions, car dans toutes les parties de l'Empire, soumises par la force, le souvenir des héros de la défense nationale est encore vivant. Jusqu'à présent les "frères cadets" avaient consenti à se taire, à ne pas évoquer leurs héros nationaux. Mais dès l'instant où le "frère aîné" fait revivre les hauts faits de son épopée nationale, il provoque tout naturellement un renouveau du culte national chez les peuples opprimés. Les conséquences furent immédiates: d'une part le renforcement du séparatisme dans les républiques non-russes et, d'autre part, son corollaire, l'épuration parmi les dirigeants et les membres du parti communiste dans les républiques "alliées" et "autonomes".

Après l'épuration de tous les organes de direction et d'administration soviétiques des membres de l'intelligentsia nationale, après avoir répandu une effroyable terreur par les fameux procès, après avoir exterminé par le "fer rouge" tous les "ennemis du peuple", criminels qui osaient faire une distinction entre les "peuples frères" et le peuple russe, les dirigeants soviétiques se décidèrent à forger une nouvelle tromperie et de donner aux "frères cadets" l'illusion qu'ils ne sont pas oubliés. Dans différentes républiques non-russes ils organisèrent la célébration de divers centenaires. Ainsi ils fêtèrent le 750e anniversaire de Chota Roustavcli en Géorgie, le 125e anniversaire de Mirza Fatali Akhoundov et les 800 ans de Nizami en Azerbaïdjan. A cette même tendance se rapportent les fêtes en l'honneur de Chevtchenko en Ukraine ainsi que d'autres manifestations.

Ce qui frappe le plus dans ces évocations et célébrations des gloires nationales est le fait que l'accent est mis non sur la valeur intrinsèque de l'œuvre et l'ancienneté du peuple dont les génies sont fêtés, non plus que sur le fait que ces peuples avaient déjà une gloire littéraire et artistique au temps où la Russie sortait à peine de l'enfance, mais uniquement sur cette affirmation que "ce n'est que grâce au grand peuple russe" que ces peuples commencent à connaître les richesses de leur culture et de leur histoire! Les propagandistes soviétiques se gardent bien d'ailleurs de mentionner la moindre circonstance se rapportant à la conquête russe. Au contraire, ils évoquent les faits les plus reculés de leur histoire et s'efforcent de créer la légende de la lutte héroïque pour l'indépendance aux temps les plus anciens. En évoquant l'histoire du Caucase, ils ne parlent pas de Chamil ni de la lutte de Djavad Khan; ils ne se risquent même pas de rappeler le souvenir de la victoire de Shirvan-Shah Akhsitan sur les russes au XIIe siècle, mais parlent de la lutte de Babek avec les Khalifes de Bagdad au IXe siècle. Plus même, ils font de Babek le héros de la lutte des classes, une espèce de communard et de chef populaire contre l'envahisseur arabe, un ennemi de "l'islamisme réactionnaire".

Le même procédé est appliqué au poète et écrivain azerbeydjanien Mirza Fatali. Ce fervent des encyclopédistes du XVIIIe siècle et des révolutionnaires de 89 se mue sous leurs mains en disciple direct des décabristes russes. Sa philosophie positiviste est assimilée au matérialisme marxiste, sa critique de la bigoterie et des superstitions est présentée comme une propagande athée, précurseur des "Sans-Dieu" soviétiques. Son ode dédiée à Pouchkine, hommage à la mémoire du poète et à son idéal de liberté, est représentée comme un "tribut tout particulier à la culture russe" et comme l'expression de sa "conviction profonde" de la nécessité de l'incorporation de l'Azerbaïdjan à la Russie.

Cette exaltation de l'histoire des "frères cadets" n'est nullement en opposition avec les tendances dont nous parlions plus haut. Au contraire, le but poursuivi est de faire porter tous les rêves des "frères cadets" sur des sujets qui ne

puissent nuire au rapprochement et à l'union avec la Russie. Nous ne serions nullement surpris de les voir célébrer l'harmonie et la collaboration qui les unirent dans la défense de leur "mère commune" contre les Polonais, les Français, les Allemands, les Japonais, etc. C'est toujours le même but qui est poursuivi: le renforcement du patriotisme russe et de ses bases spirituelles et idéologiques.

Dans le "peuple soviétique" nous retrouvons notre vieille connaissance le "Peuple russe". A l'instar du patriotisme russe qui se servait de l'orthodoxie, de l'aristocratie et de "l'armée aimant le Christ", le patriotisme soviétique se sert du communisme, du parti bolchevik et de l'armée de "la révolution universelle". De même que le panslavisme était un outil politique entre les mains de l'impérialisme tsariste, l'idée de révolution universelle est un outil similaire aux mains de l'impérialisme rouge.

L'église orthodoxe se révéla en son temps incapable d'obtenir une "fusion spirituelle" des éléments assemblés par la force des armes russes de même que les tentatives de russification dirigées par l'aristocratie russe s'avérèrent inefficaces à réaliser l'union culturelle des divers éléments cohabitants dans cette Eurasie que l'on appelait l'Empire russe.

Nous voyons donc que cette même tentative qui s'était révélée infructueuse au temps des Tsars est reprise une nouvelle fois au nom du "Patriotisme soviétique" et réalisée par la force. C'est le bolchévisme qui remplace l'orthodoxie et c'est le parti communiste qui reprend les procédés de russification et tente de créer une "culture nationale dans sa forme et socialiste dans son essence". Toutes les manifestations de la politique nationalitaire de Lénine, appliquée et étendue par Staline, ne sont en fait que la russification systématique de l'Union soviétique. Seulement, le mot russification est réservé au tsarisme et les bolcheviks usent du terme "soviétiser". On soviétise donc la grammaire, la terminologie, l'orthographe, la syntaxe, ainsi que l'art, la littérature, la science, sans oublier l'idéologie et l'histoire. Disons le mot: *on soviétise la culture*.

Nous ne citerons qu'un seul exemple, pris au hasard. Sous le prétexte de soviétisation on est en train de procéder à la russification des signes d'écriture dans toutes les républiques de langue turque. Il y a à peine 10 ans les caractères arabes furent remplacés par les caractères latins. Actuellement les dirigeants soviétiques se sont décidés à les abandonner à leur tour pour les caractères cyrilliques (russes). Voici une citation textuelle tirée du journal communiste de Bakou, le *Travailleur de Bakou*, du 4 février 1939, où, dans un article, le rédacteur du journal, motive ainsi cette réforme:

"L'adoption de ce nouvel alphabet facilitera infiniment, aussi bien aux écoliers qu'aux larges masses laborieuses, l'étude de la langue du grand peuple russe".

La tentative où ont échoué le Tsar blanc et les procureurs du sacro-saint synode ne réussira pas mieux aux apatrides du cosmopolitisme rouge. Car l'histoire travaille au profit des, peuples qui luttent pour le maintien et le triomphe de leur nationalité.

M.E. Resul-zadé

La Revue de Prométhée. 1939. Tome II. № 3-4. P. 430-433.

Письма

М.Э.Расулзаде – М.Чокаеву¹

Не ранее 11 февраля 1936 г.

Тлумачение з турецкого

Zał. 401/36

Drogi Mustafu Bey'u,

Sądzę, że otrzymał już Pan list mój wysłany w zeszłym miesiącu. Tutaj niema wielkiej zmiany. W tych dniach przyjechał tutaj redaktor "Journal de Geneve" p. Jean Martin, który wygłosił odczyt o Kaukazie. Na odczycie było obecnych masę osób. Odczyt był naprawdę bardzo piękny. Na drugi dzień urządzono uroczysty bankiet.

Mehmet Giray był w Warszawie, ale już wrócił. W przejeździe zatrzymał się przez kilka dni w Niemczech i widział się tam z naszymi przyjaciółmi.

Tymczasem tyle. Pozdrawiam Pana serdecznie

Emin

РГВА. Ф.461-К. Оп.1 Д.325. Л.121. Копия.

Перевод с турецкого²

Приложение 401/36

Дорогой Мустафа Бей,

Думаю, Вы уже получили мое письмо, посланное мною в прошлом месяце. Тут особых изменений не предвидится. На этих днях сюда приезжал редактор "Journal de Genève"³ господин Жан Мартин⁴, который сделал доклад о Кавказе. На этом докладе была масса народу. Доклад действительно был замечательный. На следующий день был устроен торжественный банкет.

Мехмет Гирей⁵ был в Варшаве, но уже вернулся. По пути он на несколько дней задержался в Германии и там встречался с нашими друзьями. Пока это все. Сердечно Вас приветствую.

Эмин

¹ Мустафа Чокай-оглы (Чокаев) (1890, Сыр-Дарвинская обл. - 1941, Берлин) - сын казахского бия, юрист, публицист, общественный и государственный деятель. В январе 1918 г. возглавил правительство Туркестанской автономии («Кокандской автономии»), разгромленной большевиками в феврале 1918 г. В 1921 г. эмигрировал в Европу. Основатель журнала «Ени Туркестан» («Новый Туркестан»; Стамбул, 1927-1931), редактор журнала «Яш Туркестан» («Молодой Туркестан»; Берлин, 1929-1939). Член ЦК Туркестанского национального объединения, с 1929 г. его председатель, член редколлегии журнала «Prométhée» («Прометей») (Париж, 1926-1938), член международной организации «Прометей» (Лиги угнетенных Россией народов), созданной в 1928 г. в Варшаве.

² Письмо было негласно переснято сотрудниками польской спецслужбы (экспозитурой № 2), в которой затем был сделан перевод на польский язык.

³ "Journal de Genève" - ежедневная газета, издавалась в Женеве в 1826-1998 гг.

⁴ Мартин Жан - журналист, сотрудник "Journal de Genève".

⁵ Магомет-Гирей Сунш (Суншев) (1883-?) - балкарец, князь, после Февральской революции в 1917 г. член Кабардино-Балкарского национального совета. Эмигрант, участник прометеевского движения.

М.Э. Расулзаде — И. Бенцингу

Не ранее 2 июня 1937 г.

Pek saygılı Bey Johans Benzing'e
Muhterem Beyefendi!

Arkadaşımız H. Münşi Bey'den "Kafkaz" mecmuası müdürünün Size ve saygılı Prof. Yeşke dostumuza karşı "Die Welt des Islams" mecmuasındaki haşiyeden dolayı şikayette⁴ ve tarziye talebinde bulunduğunu işitmiştim. Bu defa da meselenin tafsilat ve teferruatından Sizin 2 Haziran tarihli mektubunuzdan muttali oldum.

Rusca bildiğinizden bizzat "Kafkaz" kolleksiyonlarını tetkik yolu ile bu adamların ne biçim "patriyot" olduklarını şüphesiz kendiniz bizzat tetkik ve tahkik etmek imkanındasınız, nitekim mektubunuz bunu güzelce gösteriyor.

Bammat'ın Sizi ve ya muhterem Profesoru mahkemeye vermesi ihtimalına gelince, buna pek o kadar ihtimal veremiyorum. Şayet küstahlığı bu dereceye çıkarırsa, neticenin kendisi aleyhinde olacağına kat'iyen şüphem yoktur.

Faraza tutulduğu şaiğnlik hasebile, Bammat Size karşı dava açarsa, kendinizi müdafan için Size mümkün olan müzaheretі esirgememek, şüphesiz vazifemizdir.

Mustafa Çokay oğlu Bey'in Bammat lehindeki bu müdahebesine aklım ermedi, "Promete" namile maruf cephe hakkındaki menfi pozisyonu belli bulunan "Kafkaz"ın interesine karşı bu alakadarlığın, ihtimal bizim bilmedigimiz bir sebep ve hikmeti vardır.

Mektubunuzun mahremiyeti hakkındaki ricanızın tarafımızdan temamilе mahfuz kalacağı tabiidir. Aynı sebeble işbu cevap dahi şahsi ve mahremdir.

Bilvesile beyan ettiginiz hissiyat ve teminniyata teşekkürle, mütekabil selam yollar ve candan muvaffakiyetler dilerim, efendim.

P.S. Lütfen gönderdiginiz mektubu bununla iade olunur.

M.E. Rasul-zade

РГВА. Ф. 461-К. Оп. 1. Д.317. Л. 49-50. Фотокопия. 234

Перевод

Достопочтенный Иоган Бенцинг¹!
Уважаемый господин!

От нашего товарища Х. Мунши² слышал о жалобе и требовании редактора журнала «Кавказ»³ к Вам и к уважаемому профессору, нашему другу Яшке⁴ из-за замечания в журнале "Die Welt des Islams"⁵. А в этот раз суть вопроса и состояние дел прояснило мне Ваше письмо от 2 июня.

Вы сами, зная русский язык, при изучении номеров журнала «Кавказ» имеете возможность определить, какого типа эти «патриоты»⁶. Ваше письмо это прекрасно показывает⁷.

Не очень верю тому, что Баммат⁸ подаст на Вас и на уважаемого профессора в суд. Если он доведет дело до суда, у меня нет сомнений, что результат будет не в его пользу.

Допуская, что Баммат предъявит Вам иск, наш долг – оказать Вам любую помощь.

Не верю тому, что господин Мустафа Чокай-оглы вмешивался в пользу Баммата⁹. Вероятно, имеется неизвестная нам причина, которая связывает интересы «Кавказа» с этим «Прометеем», известным в этом вопросе своей отрицательной позицией.

Просьба о конфиденциальности Вашего письма, естественно, с нашей стороны будет соблюдена.

По этой же причине мой ответ также является личным и конфиденциальным.

Благодарю за оказанное доверие и гарантии, посылаю искренние приветы и от души желаю успехов.

P.S. Ваше письмо возвращается¹⁰.

М.Э. Расул-заде

¹ Бенцинг Йоханнес (1913—?) — немецкий тюрколог, активно публиковался в 1930-1940-е годы по проблемам современной туркестанской истории; консул ФРГ в Турции (1956-1963). Основной сюжет работ — борьба мусульманских народов против царской и советской России.

² Хилал Мунши — эмигрант, с 1928 г. по решению руководящих органов азербайджанской эмиграции вел оргработу, с 1930 г. работал техническим редактором сначала «Истиклал», а затем «Куртулуш»; в 1930 г. Издал брошюру об Азербайджане на немецком языке. Его деятельность имела успех, он установил связи с общественными кругами и прессой, имел разнообразные связи.

³ «Кавказ» — орган независимой национальной мысли; издавался в Париже (1934-1939; с апреля 1939 г. в Берлине). Его редактором являлся Г. Бамматов.

⁴ Яшке Готхард (1894-1983) — немецкий тюрколог-лингвист и дипломат.

⁵ Вероятно, речь идет о какой-то фразе в статье Бенцинга, опубликованной в немецком журнале "Die Welt des Islams" в 1937 г. См.: *Benzing J. Das Turkestanische Volk im Kampf um seine Selbstständigkeit // Die Welt des Islams. 1937. Bd. 19. S. 94-137.*

⁶ Речь, скорее всего, идет о том, что в мартовском номере журнала "Кавказ" (1936. № 27) была напечатана заметка под названием «Гартюфы Куртулуша», в которой редактор азербайджанского журнала обвинялся в том, что он в числе других подписал пробольшевистское письмо, напечатанное в берлинской эмигрантской газете «Накануне» в 1924 г. Мунши в мартовском номере журнала «Куртулуш» ответил «Кавказу», что фрагментарное цитирование данного письма было сделано таким образом, чтобы скрыть коллективный его характер, тем самым возложив всю

ответственность только на Мунши и т.д. Эта ситуация вскоре стала известна немецким властям, которые решили не высылать из Германии Мунши. В результате о нем появился слух как об «агенте гестапо». Эта заметка, по всей видимости, была связана с предстоящим конгрессом общества «Прометей», который состоялся в Париже 17-26 апреля 1936 г. В нем приняли участие и Чокаев, и Расулзаде.

⁷ Имеется в виду письмо, которое Бенцинг направил Расулзаде.

⁸ Гайдар Баммат (Бамматов) (1890-1965) — кумык, уроженец г. Темир-Хан-Шуры, выпускник юридического факультета Петербургского университета, чиновник особых поручений при наместнике Кавказа. После Февральской революции федералист, республиканец, участник кавказских съездов, министр иностранных дел при правительствах Т. Чермоева и П. Коцева. В 1919 г., во время борьбы деникинцев и большевиков, инициировал создание в Баку Военно-революционного комитета, в который, кроме него, вошли видные кавказские большевики. Эмигрант.

⁹ В 1935 г. Мунши обратился к прибывшему в Берлин Чокаеву с просьбой ликвидировать конфликт между ним и его земляками — сотрудниками журнала «Яш Туркестан» («Молодой Туркестан»), на что получил ответ, что это касается их самих. В 1936 г. Расулзаде предложил Чокаеву написать в Берлин, чтобы они прекратили эту неприязнь и помирились. Чокаев согласился с этим. Однако другие представители туркестанцев отказались от примирения. Суть конфликта состояла в том, что азербайджанские политики, прежде являвшиеся одними из активных участников политической жизни тюркских народов России, в эмиграции предпочли наладить отношения с армянскими и грузинскими представителями. Но вскоре Чокаев выдвинул против Мунши тяжкие обвинения, вследствие чего тот направил заявление Расулзаде с требованием принятия срочных мер для защиты его чести гражданина, национального и партийного деятеля, а именно судебного разбирательства, в ходе которого потребовать от Чокаева представить доказательства своего обвинения, в противном случае объявить его клеветником. Одновременно Мунши впредь до окончательного выяснения всех обстоятельств даже решил оставить все свои должности за исключением обязанностей технического редактора и управляющего делами азербайджанского издательства в Берлине. На заседании бюро партии «Мусават» 2 ноября 1937 г. был рассмотрен этот вопрос и было решено, что этим обвинением задета честь самой партии и поэтому необходимо потребовать от Чокаева перед судом чести доказать возведенные на Мунши обвинения.

¹⁰ Письмо в РГВА не удалось обнаружить.

М.Э. Расулзаде – Дж. Гаджибейли

ODLU YURT

MİLLİ AZERBAIJAN FİKRİYATINI TERVİC EDEN AYLIK MECMUA

Istanbul, Yerebatan, Şengül yolu № 9

Mre D. Hadjiyefli
36, rue des Gennerolles

St Cloud (Ses)

(Paris)

عزيزي محمد علي بيگ!

گوتنه دېگک نوضي آلدیم. چو دوش کراییدیم. نابل اولیبدی اولدک گفتم سناده

گوتنه سید بیگ.

الان ارسا تا دایا مکتوب کرا و گوتنه جواب در حال گفتم اولادی. سید تا آردنه
بر سینه اولی اید گفتم. نه اولی که چو دوش گفتم سزده بالارات سز ان آچیش کرا.

الچیزی ما وضع در کس. سید تا آردنه فعالیت با سوا لیدر. سیزم انظاره
گتیره لیدر.

چو دی سزده گوتنه سوزده. بقیه که آیدر سزده. آرده میله یا سزده انکار گتیره

اولدرد. قوزدع سنا سینه کهنک. سزده قید ایدیم. سزده اوردده لفته یا سزده
اولدرد بری آرددی افضا اید آقبورج. سزده اوردده آردده افضا سزده

یا سزده سزده. سزده ایشام کوجیب اولدور. سزده تنظیم ایدر سزده یاز؟
سزده سزده سزده. سزده قانع سزده سزده. چو قوتلر کرا افضا سزده.

 جمهوری آذربایجان
 Azərbaycan Respublikası

Constantin Impérial
 1922-1923
 1924-1925
 1926-1927
 1928-1929
 1930-1931
 1932-1933
 1934-1935
 1936-1937
 1938-1939
 1940-1941
 1942-1943
 1944-1945
 1946-1947
 1948-1949
 1950-1951
 1952-1953
 1954-1955
 1956-1957
 1958-1959
 1960-1961
 1962-1963
 1964-1965
 1966-1967
 1968-1969
 1970-1971
 1972-1973
 1974-1975
 1976-1977
 1978-1979
 1980-1981
 1982-1983
 1984-1985
 1986-1987
 1988-1989
 1990-1991
 1992-1993
 1994-1995
 1996-1997
 1998-1999
 2000-2001
 2002-2003
 2004-2005
 2006-2007
 2008-2009
 2010-2011
 2012-2013
 2014-2015
 2016-2017
 2018-2019
 2020-2021
 2022-2023

Mre B. Hadjibeili
 Le Delegation d'Azerbaïdjan
 Rue Spontini 59.
Paris (16^e)
 FRANCE

POSTIKORTTI POSTKORT
 SUOMI FINLAND

Paris (15^e) 109, rue de Longchamp.
 Delegation d'Azerbaïdjan
 Djaihan bei
 Hadjibekoff

عزیزم بیخود نه بله!

بنا بنوله درودتون بر نیکه کون صوره رفعت با شایم کورده
بنا صوره در جبهه عیسی و عیجان قبول اینده. کند سیلا بنام
ایکون به نام حضور صوره کوروش بیلوم. بر راده غزته قفا
مکن اولافه. فقط تکیلات بودند و رسماً مکن اولیا بقدر
معلوم سببه گوده.

بنا صوره اولافه شفیق بکلم کوروشم. نیکه پرونده ک
کند سینه دیدم. اونخارویا بجه مکن اولافه. بر راده صفر
غزته عیسی کرده کوروشم. روسیه لقصه بندن تقال ارا
دیگر. بو کورده آتقوده قفا رفعت لک غزته
با دیم و نیرم لقصه تقال ارا بنام با شایم
توسو لکانه نر مسئله کبجیع بر صورتده تبتدر. هاشم

میه آدره کنونی ای کز که چو آدره کهنه
فقط میسه قالی کله

بیر میقد به کلمه و کلمه
هم چینی از آغا

سَنَالِ الْبَرِّ

قارت پوسال

CARTE POSTALE

خوابت نوروز ۸۷۶ جلالی ۱۳۹۹ هجری

نظر بخصوری که مانع از درك حضور دوست ارجمند
فصلتندم آقا میسون تقی زاده است، بهتر بود سیله
تهنیت نوروز پیروز و تقدیم هیبات قلبی خود را در سال
این صورت بیرون خود دیدم
از طرف محمد ارمیه رسولی زاده
اسانبول - رنه فونوغرافانیسی

• photo KÉSNA - stanbul •

میں مؤسسہ قومیہ عزت آئندہ کو نہ سوچو، بیطرف قومی پھانڈ
 ایک نصب ایلم مقرر. سوزای درہ بڑھو کہ ہو آدمک بیس
 اولد یعنی بڑو مافوق، اینحق فیقول قومیت بڑو دیورن
 حرکت ایلم یور؛ بزرگ آدم فیقیہ ایلم یور. نتیجہ درہ
 حکومت علیہ قول شوخمانہ نہ سہ نہ آورید مقرر. پر نشانہ
 ہاشم بدی ترجمانہ برائتو یور ویر لک استانبول منہ لک
 یارس ہیئت ذک ارضنا لکنہ یا پر یعنی دو مارشدن حاجت ایلم مقرر.
 رقت با شایلم کور و کور کن بہ آذربایجانہ مابراکندہ، اورہ
 یارس معاہدہ کند نہ شکوہ لندک. آہ، اگر ہو معاہدہ
 اولما سیدی ایلم مقرر قولای اولما لکدی.
 یورادہ معیت اورہ یا بکن راحت اکل. رتو بندر.
 اورادہ اورادہ اکل؛ فقط بلادہ کمنہ.
 طاہرہ کاغذ یا بڑو ایلم یورم. فقط یور کور و قسم یور.

بریده ۱۴ اوتابیر ۱۹۵۵

عزیزم جعفره!

۱۰ تریه اول تا ریخه مکتوبتون آلام. به آیلک ۱۳ نده
دیشکی تیره بکیم؟ ۱۴ نده آتسام (شنبه کون) سزده دوز
فرات ایده بیله بکیم. سزده سفر کونی بر اینی کونه ده
بکیمدیر سزده سزده کله برابر پارسه کیده رز
حقیرانه البت که سزده تلفرام ایده ریم. محو دیک
صورتیم، بجا ویرک ایچونه سزده کاغذ آکامشدر،
دیور، هم آکامیاده بیله بر اینیک نقره سفید هیرت
ایده یور. آتاقاسک سلامی دامدر. زهره خانم

جعفره
دوستلار
محمد امین

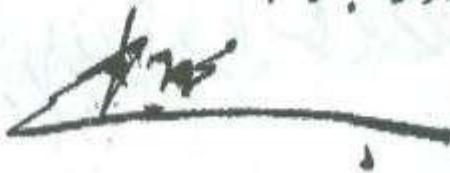
ب.ت. :

پارسی کنیک ایگورہ علی ودانہ بگدہ دیزہ ایسٹ نک

اودہ کندیلینہ وراعتت ایلمندہ بوجوہ قدر

جواب — یوقدرہ اورایہ کلکہ کنہ صوکرہ دیزہ

ایلمندہ قابل اولیٰ حقہ !

سره چو قنداره مکتوب یا ز حد لغوه بفرغی . نقطه بسی /
 یکی آدر سنگ و دانه بر جز آنکه انتظاری ای ای . اینست که
 بر اینه نقل بدستگار . بیکدم که یکی آدر سنگ بیدار سنگ
 نقطه صوکنه قنداره کوزه ای در . مجموع همگانی ناسخیه
 در کاغذ یا ز بیور . بخاری سائل ایو نه تصنیف ده
 کورده . بلاد وسط کف سیاه ایو کاغذ ایو
 ده ایو آرد شکر . اول الفقه کله بیق قد
 شکر است که ایو ایو ایو ایو . و حتی سره مکتوب
 ایو ایو ایو ایو ایو ایو .

مجموعه ده کور و یکله . رسوم بکله بلجم زه
 و ایو . مکتوبه قاندره کوی قیومی او کور
 ایو ایو ایو ایو ایو ایو ایو ایو ایو ایو
 عسایر بک نظر و آلفوبده باز ایو
 پارسیه مکتوبه مکتوبه مکتوبه مکتوبه

اور دیا یہاں سننا ہے وار؟
 مجموعہ نیک اعلیٰ نسخہ نسخہ ہے تا آفرین
 در کونین کو در مکیکے۔ کورہ کلبک نام شاعر
 مشاعرہ آالتنہ کتم ایدینو۔ بوجا ایشاج
 وارد۔ تا قیفا بویلہ اشفا ایدینو۔
 مجموعہ یہ کو بیلہ، در عتہ ایلند و آتہ اول
 ایدینو۔ معارنہ ملک محتاج۔ یہ کوروی
 یا شہد آ یا فہ کتدم یا نہ سرہ کب کب
 سزده معارنہ بکلہ مع۔ مقالہ اثری کور
 چو چو تارک کور کور کور کور کور کور

کور کور کور
 کور کور کور
 کور کور کور
 کور کور کور

چونکه در او تصوریم . بیایم او آدم را عالمه و نه
چاره ده . - بنم کند سینه باز و یغم مکتوب ۴۹
په او آید او آدم . بیایم مکتوبی آید او
تقصیر بوده دیگر هر چه است " هفت کرده "

د - علی و داده بلکه سانه نلوده که چه کین مکتوب
در کتیب . یا گو تو قیفانم عانه کوط سنا کوردم
یا کرده ما و آنچه نمانده کس اوله " بیان نامه
تو لود که ای او امانت بر سر جلی بر
کند با قار کین با صحرای کباب - اید -
علی و داده بیک با نود و هفتاد هزار ایتنا ضام
کوتاه شرح . بیایم که رو بیکر چه ؟
تا مدد کرده دهها آکتیفه بر عادت
کوه بیله و بویه هله انتظار دو پهلوان
کوه و وقت در کتوب آتقوه دره
۱ . دفع مکتوب بنیله به بنیله

صوت دفعہ اولیٰ سے باز دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب مکتوب آلی
 دینا مکتوب آلی . یوریا مکتوب آلی . یوریا مکتوب آلی
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب

ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب
 ایچہ نہ فراموشی اولیٰ دینا مکتوب آلی . یوریا فریب

قرینہ سے دہ استغفار اور اولیٰ "ایتہ نفع" پر یہ جانیں
 لا تاخر وارے سکرانہ دہ، یعنی در قصہ آید ہ
 بری دواج ایتہ دیکھو، جو مجاہدہ علیہ یہ علامتہ
 دار ادلہ نظرینہ یا لفظ کو ستر سے لڑی دھا دی
 (درا دہ) بنیہ مثبتہ ایسا یا ایسا ایتہ نفعاً نکر
 عنفہ سکرانہ نہ ہو تمہا یہ گہنی، علی مجاہد لا تلک
 فائدہ کی کو نہ کہ سوال و عیبہ۔ نقل ہو مجاہدہ
 داتما ایلورہ رزورہ طرزندہ اداجہ ایدلہ بلکہ۔
 یوقہ عنفہ سکرانہ یا سکرانہ ایتہ اتہ، ن اریا
 فسدہ نک آغہ صوی، صیح بر زمانہ دریلہ فر۔
 میداندہ سکرانہ دار، آھنک، نقلہ، نو آری
 شہ دہ نقلہ را ایتہ بلکہ و بلکہ میداندہ، ۴۴
 بلکہ ہو سکرانہ دوعہ ح منوئین موجب
 بر قصہ واجبہ؟ نہ جب یوقہ، یا نقلہ
 وارے، کو شہیل، منوہ ادلہ، یا ایضاً
 و یا صیح ایدرہ، فلا صہ کندیکر دیدیکر
 کہ کو رزورہ دھا لفظ آگہ شہارہ، شہیتہ
 اعضا شدہ زدیہا نقلہ صہ و دہ بکدہ و

عزیزم

چرخ فتنه زنده مکتوب با نامادیم. تصویر نه با تمیها فیکر را امید ایام رح
 اگر آغا و اسطیبله کوته در کلکتا بر کجه دوله لاری آلمی. هرگز شریک قدر و طیف شناس
 ادلیک، بلکه در یکجا فاقا سیاه بود قدر شده تله بجایه بگرشردن. فقط آقا صد استم ۲۲
 ستره قاریش بر آن تصویر ایام. فقط بیله لبیکر انجا در جوهه محدود در. زن
 بورایه سکلن نکرته اولوب بر این آرا فقه اوله بیکر می دو سیاه روح. فقط
 به چاره نه بوراده کی آرقه بیکر بیله ایله بولمقد به عاجز در. میرزا ملک
 ایست ده که و هاد سا سلامنامه. صورتی فرادیده و تیر و فله کوروش کن
 مکتوب بر لبه به با نسته کلکتا. فقط به بوراده ایکن اولمکه هیچ کوروش کن
 بکرم عم. ستره آرو صره مکتوب با نکران. بنم تنظیماً جواب با نده بعضی
 مشا بر به بیکر. مهم کوروش کلکتا مشا و لوادی بیکر فاقا سیاه رتیر مکه
 وضایقه ایچ بیکر. کوندر کلکتا فعال ادره قسند درج اولونا دین
 ستره فکس مکتوبی. ایچه سین. فرادیده بیکر غنچه و یا مجموع کرده
 آرد به با بمانه مکتوب بر ستره اولور سه بزه کوندر بیکر. اور دیا و طبعی تنه
 آرد به با بمانه مکتوب با نکران. ایله به یا نکران درج اولونا کا داخله کیر
 آرد به بمانه با نکران ایچه بیکر ایچه بیکر.

مکتوبه مکتوب کلکتا ایچن فاقا سیاه اولور ایچ بیکر. حصوله کوندر اولور بر
 ذکر کلکتا بر جوهه استنبه ادره صورتی در کاسه یا نقل ایچه بیکر. اولور بمانه

Constantinople
پایتخت قسطنطنیه سابقه کنونی است
۶ مارچ ۱۹۵۲

عزیزم

چگونه تا اینجا رسیدیم که چنانکه در تویپ دره
باز در بنگال مقاله کج کلمه. در موضوعه مقاله می-
ادونگندی. «بخت نوره یک تا قضا میا در بنگال و کورنگ ندر
صحره دیقه ندر آناه مقاله «مات» در و درها
مواضه بنگله محرابی. فقط بوط ندر علی الا
دعا فقه کدر که مقاله در بنگال و کدر. با ما توفک
شع بورا احوال عمومی کفنده سوله دیگر شتا
دقرد در. فقط ندر کورنگ ایله شتا
کلی آرقه بخت کفنده کوله دیگر ندر ما فقه بنگله
بیاره مقاله دیدم. اجماع کفنده آفقه بنگله
آینه با فخر کفنده فی بجه ندر ایستند با شغله
بزم بنگله کفنده و اراد کفنده کدر ندر بنگله
دما در ندر کوره اولی سوره. او بنگله کفنده اجماع که
برادر ندر بورا کفنده کفنده اجماع میان ندر
بولو سوره. سوره ندر بنگله بزم که کفنده ندر
کفنده کفنده کفنده کفنده کفنده کفنده کفنده
کفنده کفنده کفنده کفنده کفنده کفنده کفنده

چیسے ایلا صہ، فقط تفصیلاتہ کچھ سنڈنگ، اردون،
 ورتیریغہ بہ بڑمکیہ تو جا قدر، فقط مادام
 کہ اور تادہ یاراہ بوقدر، کھہا تیم کہ
 یونکلہ رو مشغول اولوکلہ، یورا رو دیکھتا کیم
 رندہ ایستیم کہ، رلندہ برغندہ حقیقا حقیقا،
 یونگتہ بہ بڑمکیہ کہ دو آتہ آئی اولو کلہ
 اصل وار صہ - ؟

عزیزم، خانہ صرگہ جگہی عم ریہ صوریہ ورد
 ایلا رما تہہ بپوچہ ایگر دہہ بیکہ دوہ بودر
 فوروم، فرانک و صفتہ کچھ کتہ
 تقانہ ایازہ اسک، یلہ زین اولور، یازہ اسک

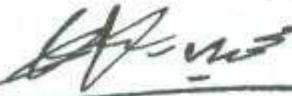
~~مملکت بیاتندہ~~
 Bernodeisen by facis
 قصہ اسک عملی اوڑرینہ یازہ اسک ای اولو
 تا عالم فرانسیسیاتہ عامل اولو قوانہ دور؟
 و یوقد نیک نایتری ایہ فرانسیسک آنا سیاست
 یہ شخص آہو بیہ، بیوگہ تقانہ اسک حملہ دہ کہ
 جازہ آرقہ اسک و قارنہ نرا کچھ ہوجہ

یکشنبه بیستم اکتبر طلای اول آوردم . بی الحوم شایسته
 تنها لیدر کن در سن محمد ملک و بیقوت محضه
 دکل . بیقوت شایسته کلمه رکله . آوردن باره
 کبیر دها سوزدن . از کوه قلعه یا لاله کنتور
 بیله لود با لوه مکله رکله . او جمله میر یقوب
 و محمد در . هتصار دنیغ محجوب ایله آذیر در
 زیاده شایسته تو رکله علاقه دار کوشه در
 پارسه علاقه نده لاله بر آدع بر لودنی . اینک
 سی ره سه هتصار ... عزیزم ، کجیه
 دیکره کتیر کجیه کتیر ، شرفه دیکره کتیر کجیه
 هتات کور سورم الله برکت و اوله طرد
 دیکره ایرانه کبیر و شرفه دره ایچده کبیر
 بیسایه لکه بیاید بیار ، یکم در هتات
 بیانه لاله شایسته و شرفه شایسته بیار
 ده عدد دکل ایسته کلک دیگر در . دها
 بیسایه ایله کتیر دکل کتیر . دیکره
 بیصفت بیار ، شرفه لاله *leaven kamis*
 یا سور . در کل کتیر بیار در بیسایه شرفه
 بیسایه شرفه

۵ اکتوبر ۱۹۲۲

عزیزم جیو نہ!

محمد علی نے بیاد لیا واسطے یہ کہ نہ روٹیکر ٹکٹوں پر اصل
 اولاستے۔ بد کرہ فاسم تا سون واسطے یہ یا زوٹیکر ٹکٹوں پر
 آگے۔ کہ روٹیکر کہ ہلینے فوٹو نہ یا ریبے سون آدو سے
 کدے روٹیکر بارش پر ستالی دہ آتا سون۔ سون و زوٹیکر فاسم
 واقع اولاد و عورتیہ قنکر ابہ ورم۔ دعوٹیکر دن استعارہ
 آتیکہ خیمالندہ کم۔ قاسم برابر ہو کہ نکرہ اوٹ نکرہ کلر نہ۔
 شہا سون کلا کلر نہ یا تلغراف سونہ اوٹیکر کلا ویرہ سونہ۔
 انشاد الہ کو ہونہ کہ سولیکر سولیکر الہ سونہ سونہ سونہ
 یا ریبے کتیکہ سون ورم ورم۔ یا ریبہ اول سون کلا کو روٹیکر
 این اولور ٹکٹوں سون۔ زوٹیکر فاسم الہی او ریم۔
 صلا کہ کہ آقا قنکر۔

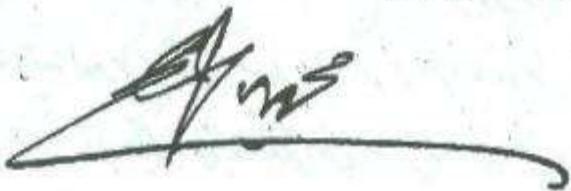

آدو سون:

Berlin W15
 Luisenburgerstrasse 12
 bei Frau Behm

ب. ف :

یہ کاغذی یا زردب طرفہ فریڈم کہ یہ سب سے پہلے
مخلوب دہ بنی ہو گا اور اورادہ آفرامی کو سب سے
مکتوبی کی رہی. اور انہوں نے یہاں تک کہ وہ مکتوبی
داروں میں ہو مکتوبی کے ساتھ ہی داخل اولدینہ تالیف
ابتداء آگیا کہ وہ سب سے پہلے تالیف تالیف
ہر حالہ کو روکنے کے لئے تالیف تالیف
اور اورادہ پارٹی کی رہی. یہم بدرادہ کو روکنے
ایسٹ آگے تالیف

کورچینده عجبانه صوره قافقا باروسه نه آقینفت واردر . مع مانیه
 باکو ایلا ناسی و نه تاسیس ایددیلهک . صولک درجه احتیاط ایلله اولدر
 فعالیت ادا ایلدی . بر جوده تعقیقات و توجیح یولسه . لایم جلیس ایلدی
 (آرطاشال) و کورده ساکدر . کندی بون ایلا ناسی تاسیس بوجومه نسبت ایلدی
 عصبیت یا تاقانیه / شرط ایلدی . بر جوده تعقیقی ایلدی . قشقه بکله بزم
 مشهور و ده اتفاق اولدی بون جوده و معلوم اکلدر

یا قی علیه سلام

محمد

غزیر برادر مخ

قاصح مکتوبی برده بمبرابری بیورم . وقتش وقتند هجوا
 و برده مدیکتی اس بم نویا . جلا صد مغولم . کچھ ہفتہ چتہ ایسے
 آنگینہ درنوشتہ . عرصہ دوک کومرونی چتہ ایسے حافظ
 لارم . اوندہ - یا لکڑی کہ حق چتہ اولیہ کہندہ
 جلا سیت کور و بیورم . عو لید و بیورنہ آوندہ سترن
 نہ لور کج مس ، نہ رہ وقتش وقتندہ غزیرہ ایسے
 مقالہ را ایسے طو لید رہ بیلا ملک غزیرہ جلا بکج رہی
 بیورس ایسے بیورم فی وقتہ . شک مقالہ را کہ چتہ
 ایسے مقالہ کز اس و سندن غزیرہ فرک اینیور ما بیورم چتہ
 برنجی مقالہ کز مقالہ باس مقالہ فرما شکہ آ لندہ
 درجہ شکار ما موجب ادلا بقندہ . ارجیحہ شی درجہ اعلیٰ
 یا طبع لور کج شی بیور ایسے و سنجہ اوید درجہ لارم
 جلیو - . اویدہ بیورہ تفسیر اولد لیز - . سن
 او راد و بر مادام کہ چتہ آڈ رہا بیایدہ لقتہ مقالہ یا ز لہ
 یا ز ستر . مکتبہ ارققال لرید لورنہ مجموعہ شی پڑہ کوئدہ
 رہہ ایسے یکک ایک سورا غزیرہ سنہ آڈ رہا بیایدہ

لاجرا نزل اگر بنه ایسه ویره کین دعایم منده .
 او نزل ایسه نعلایا مایه دو قوه او نزل و در .
 یارسی مکه دند اول بالایی مکتوب یارسی
 رتبه سبک کوند ، بهر اوج نیکم ایتیره
 غیر نزل حال بجزان دواغ اید ییو . برکت
 ویرسی نه طبعه ده بر آت اختیار فروار در .
 ارتفاع نزل دها دواغ ایتیره بیله رتبه . او وقت
 ندر انشاء اله یار دغ کجک . اوراد و کرمه کجک
 آرد ساری بیله بدک نزل کلنگری طبعه
 ایدرک . یکلم نزه آرد سار کوند برکت .
 بانی تمنه موفقیت . ز صوفیانه مکه
 واد . یو صوفیون گو و نزل اویام
 می و دایم مالفانده کیم کور و کتوب یارسی
 بانی مکه سلع . عهد اتر اوج ایدرک

استانبول
 ۱۷ آبان ۱۹۲۶

کو تیفانہ جائے جو جگہ وار ہے . دو کدو ہے انھوں
 پر نسخہ سن کو تہہ رنگ . خوراک خستہ اینی و انھوں تیرا
 چھہ ہر چار تہہ دھا کھلا و اینی مہہ . پلاٹ دیکھ
 جو کدو کباب اینی مکرور . یا کدو کھول و کھول تہہ
 یہ درو کدو کباب گوتہہ بزجاج دفعہ دو کدو
 پر خوراک ہا تہہ اینی کباب کباب ہا تہہ کباب
 کدو آجلہ خوراک اودہ کدو درام اینی رس
 اودہ کدو ہر کدو کباب قطعاً ہا تہہ کباب
 اینی مہہ . نہایت تہہ کدو کدو ہا تہہ انان
 کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو .
 جو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو
 کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو
 کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو

دستک بالامک جو جہد ہا تہہ کدو کدو
 کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو
 کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو
 کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو
 کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو کدو

یگ قافقاسییا

اردو اخباری و سیاسی مہینہ روزنامہ
دستخطیوں
و نصاب یہ کہہ مکہ -

M^{em} Hadjibeybi

35, rue du Calvaire

St Cloud (Sev)

(France)

میں سے یہ کہہ مکہ (2)

Constantinople - الجناہول
11
1875

یگ قافلیتیا

وانح بر کیده بکده

آدی، انعامی و سیاسی و کثیر در کجه
از کتبی

Mme D. Hadjibeyli

35, rue de Calvaire 35

St Cloud (S.-O.)

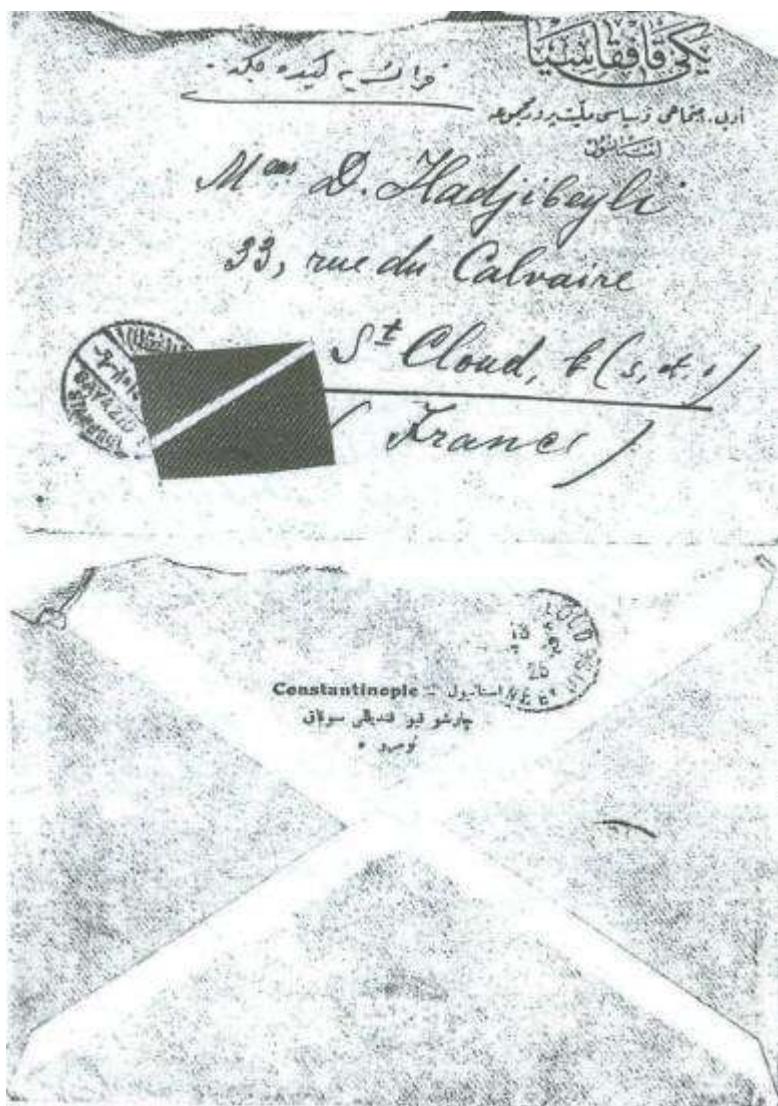
(France)

آیا صوفیه ده ایره یا انامیه ده کتبی کده (2)

Constantinople -

1870
12

1870
12

یگانہ قافلیہ
تو کسے یہ کسے حکمہ

اردی انعامی کسبانیہ پیرہ
کنستانتینولہ

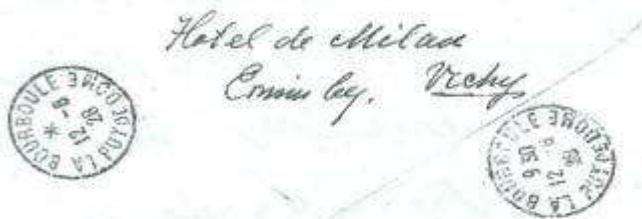
Mr D. Hadji-beili
35 rue du Calveire

Saint Cloud (sein case)

France

Constantinople - استانبول
سلطان احمد پرملاقان چامسی
نومبر ۶

۱۰ آغستوس ۱۹۴۸

دین

عزیزم جیمسون بله

۷ آغستوس تاریخچه مکتوبه آلام. نیو جینک حسنه که
 که گرنه هر چه اولان است بنی قضا ایتدی. معنایه بیله ده
 سزده هانیز اده عسرتی دار اوله نیکر ده فضل اندر ایله بیله
 معلوم آه تدوانینک تاثیر هاب برده اولامان. انشاء الله
 تدوینکله این اولور. نیر عافیتد ایله بریم.

مهروروشلار و مکتبه : دو کورول پاراس کیرک
 کوروتی سیرکده، عسرتی ده ایله نه مسئله اوزنیزه بانیله
 آه بیله. اکر آغاییم برابر (دین) قهر و کشفه / نه ساعت
 ۱۱۰ قدر بکلر دلا - معالکانه کلامه نیکر در. استوارده منوله
 برونه مسئله این آغستوس سوکته خودیله جفته اکر آغاییم مع
 بکله کوروتی بیکر در تفصیل سنده و کوروتیله قطعنده بنی
 جیم برونه. مسئله ایله ندر اکره ایله برکن ع. فردا نه

آفتونک ۵۰ تده، نشاد الله / دو گنگر، ق ۱۱۱

مشاوران بر ابراهیم ایروان

مخفی در عهد من، چاکر که کله کده یور جان، سعادت
ما یز بر و سعیده اولد یغنی کمال ثناء و عجا یله سوله
مجید و تیندیج، انشا یولده آفتونک سعادت ده آرا
صدقه اودن ضرورت راه درجه به حکم که سکرانه نیک
دستارنده با یما در نظر صلا ره، شانیول تکلف مکرر
جمله یاره ایته قیاس در، قیز یوم مکتوب آلام و سعید نین
چو حریفنا و سعیدنه تصویر ایل یاره ایته یور، یوتون چو چو
که ذاتا محمد و پیر ایمن دورا یه کوندرک مجید و تیندیج
تلا دیند اودن کونج قانکته، یولده کون انشائنده یاره کلیم
یور و سعیدان بیکرانه یا با هفتی دو کون یوروم، قوروم و سعیدت
یور کارده در، بنا ایله یوتون آرزو ره زعمت سعادت
شورور کور یولیم، چاکت سعادت مع فرج، یا قینی ایا سعادت
اولد ایلدین کن فضیله اینه چاکر ایله اولد یوروم، غیر ایزم
چو چو طرک کون انشائنده ایمن، زهر و خانه عهده لایحه ایروان
نور قیسه تفسیرا سعیدت

تطبیقا نه ما نه اید . دو عدد که به ترتیب قیاس
 است و نسبت قیاس هر جنبه به مرکز گرفته و فصل
 در هر دو یک معلوم است ، در وجه یا بطریق تطبیقا نه یکدیگر
 یونک اذ در این دو مرکز ، این قاصود است . استانبند
 بودیم تطبیقا ، و سینه استانبند و بودیم
 تا سینه عمل و مقنونی سونکه قالی . عمل آن
 دیگر اعضا استانبند تا این که همچون در سینه قرار
 نقاشی اید و سینه همچون در اولونان دلیل
 آنقدر که هر چه فصل اول که در یکند ، او اید
 به سینه در سینه را بر او و سینه در سینه
 سینه سینه .
 سینه سینه ، سینه سینه . سینه سینه سینه
 در تمام این سینه قطعاً موضوع سینه اول است .
 ما در سینه سینه آن سینه سینه سینه .

ایله ایزر آغا بهر قلمو لست اولار ایتیه ایله بیر، بلکه ده مسئله
 ان عملی نما بیله آغتموس سوکنه قویله قابل اولور دی -
 فقط ^{بهره} بوج بیله ده اوم کو مسئله ده دیلر - معافیله / نه
 عملیات بر ملا ایمون مسئله / ان اولگون حل ایتیه چورون -
 روزنامه ندراتی دنده راتی / نه بیله دیلر / نتیجه
 تحیراً بیان معالیله ایله بیله دیلر - فضلا زانه عمل
 مکتوبه اولورینه مسئله این قضایه ایله له ۷. دوغورک
 تحف بر صفت حاصل اولسته ۷. هفت قرار اولور
 مسئله ان حل ایمون کون تنبیه ایله ص ۷
 او کونی تا غیر ایمون شروع بر سبب یوقده ۷ -
 معافیله قدره ایشا سند مسئله ان بر قسمن
 تا حل ان ایمون قانونی سبب کشف ایله له ۷ و نه مسئله
 حل بهر حقه خورتنی حاصل اولور که یوده قبول
 اولور ان نفع فضا، سا سیرن قبول مسئله ان

يک واقفانسیا

اردی. اجتماعی زبانی دینت پروردگار
فوانه
انتخابات

Mme D. Hadji beyli

33, rue du Calvaire

Saint-Cloud (S. O. G.)

(France)

Constantinople - استانبول -
سلطان احمد بردهگان پادوس
نومبر ۶

عزیزم همچون بلبل!

به سزی آلماناره بلیور دم . علی پرنف هان یار سه
ادله نیکندای خبری روی . / زه یازدنیغیم مکتوبه جواب آ تو مارم .
کوندردیکم کتابچهن بلیور دم ، آله بیکر می ؟ نا اصل بزرگتر
اونی پوراده یازد دم . لایم کله ماز یا لار آل آ لسنده
پورده ایدی . نا اصل حقیقه ی بلیور دم .

بازک صدک کوندردیکم ~~بلیور دم~~ آدر سار له
کتابیم کوندردستیم . کرمی کله ی . نیچورک آ کلیت مارم .
ادکن مکتوبه بده یازدنیغیم درجه ی کتاب یا نری ایدی .
اگر مکتوبه یی آ ایرود و دغور آدر سکی ادره یی مارم
ینه آ ایر کوندردیم .

سزه غرته ادره کوندردیم . جیبا آلیور مسکیر
رکونترده ، بیک قاققاس ، نامیلا بر غرته قیفا مقه
نیسنه ایز . استراککون آرزو ایدرز . هوادس
وققاله لر کزه انتظا - ایله رز . فقط غرته
مایه دروشانه امله لبقه بنسنه هه القلم در مکره

و چه بسیار استند : یا زبیده که نه تو طری نه دره
 جوانی نه قریه صورتیله ، نه دیگر برنگله
 تنل رتبه یو - آلدو ادسه ایدی ، استانبول
 خسته لنده بعید نده چینه آهده یه
 ریده ردیلک . بر اثر موجودت ادلولادی .
 آبیلفنك کولونلنا اولادی . لریف صورت
 طاعون ای (بولک دیکلر ایچنه) محافظه اید بیوردی .
 دونه نه سکره کیم چینه یوط قریه یوردی .
 نریم تبعیر لوهده و در بیوردی .
 صلک یوقده ، چو کیم آلبانه ایته
 دیگر کتابی زده فله اول سوال بیزارع .

الکرکی حنیف
 ۱۵ ژانویه
 ۱۳۴۹
 محمد زبیده

آدره کیم ؛
 استانبول . جمال افغان ، کورستانیه جاده
 پوایله آیانمان کورس / ۱۷

و اینها بیرون بنی وجود در کونین سوره . عالمه دایره
 در کونین سوره . به ده عالمه نیک یور لبه که هر دو که
 اینگونه نوشته ایم . هر چه حرکت تریه س بنی
 در این عالمه ایست . ایستد یکم کوره
 هیئت انگیز بر بر جانی تحصیل آید او در و این
 کوره چو در ده بویله برین دریدم . ~~تکلمه~~ بعضی
 ایستد ایستد می ؟ درین نه و کز دودر ؟
 در یعقوب ده شکایت داردی که کاغذ
 اینه جواب بگفته بر . حاله که در سخن غائب
 ایستد . حاله آغایاناده میدر ؟ هر دو کتور به
 در جواب آلامارم . اگر آغایانایاناده است
 یا کوره کلمه در در کونین کوره عالمه کز انوار در
 در قدرت . علی بر نفس هیچ در وقت آذین با
 کیم . علی در ان بگله یا ز دینه تله آ یا نده
 در نده بر حلقم بر دستور نظر ای کوره کستر .

عاجز رہے۔ کلا جگہ، مادنا تقویتہ بولور کے
 صفات کا کلا کلا نہ ویر رہے۔ تختہ تک اس
 بلکہ وہ دوشور لکھ برستی رکھ۔ اس کے
 مویہ ویر ساعدہ دہ استغادر اید بیور رہے۔
 زہرہ خانہ عرصہ سلام۔ ہو جو خاک
 کوزا نہ او پر رخ۔ تا صلہ را، دیں مویہ؟
 مینتنگ تا صلہ کیور؟ طا قیلوہ کلیور مینتنگ
 ینہ اسکو اوگر دہ مینتنگ؟ عجا آملانیہ
 بیجوتہ نقل ایتہ دینتنگ؟ یوقہ روز عاداتانی
 اندیئے و تا مہل مویہ اولدی۔ ہیئتہ نہ یا بیور
 اعضا زہ دہ دیر۔ مخروف یا زہدہ کا غذاء
 جو آب ویر عایور۔ یوقہ کا غذاء میں آملانور
 یوقہ اور زادہ می رکھ۔ ؟ کتابدہ نہ بو کو زہ
 ررودہ مویہ موسولانہ کو تدرہ حکم۔ موسوی
 یورا بہ بندہ سلام۔ ادکادہ کو تدرہ حکم۔

۱۳۵۸/۷

عزیزم جیمو بدید!

گوئندرسه اولدنیجه نفالانک بو گونه قدر اولون منک
 سبه منک اورا قدر ایت نه آره کینه کابنه اولدیجه د -
 پودنجه آل پانسیست بولوندن. نردده دجا اید بیدرم نه
 یو پانسیست مابیدنیه ده کوندره سکر تا دنیه بریده
 ناکسیف اولونارده دربع اید سیه. سو سلهده بیه
 قسه اولاجده و ادم سیه کوندره برت اولدکانه خوتاره
 مایدک لیتفال ایه ناکسیر و بر بیه کیکه - . برهه حال
 مابیدنیه گوئندرسه در حمله اید پانسیست که ارکنی ده که
 سته یه ایدیه .
 یانی منجه گوئندرسه ایدیه ایدیه قانم ایتدیم
 سع ایدیه . جیمو منک دو کوندره ایدیه .

م

~~M. M. Hadjiyevli~~
26, rue de Farches
Saint-Cloud (S. ed. 6)
(France)

exp: M. Emin
Slesavska 3 m 3:
Warsaw

Государственный архив литературы и искусства
Азербайджанской республики имени Салмана Мумтаза.
Ф. 648. Оп. 1. Д. 163. Коллекция Р.А. Абуталыбова.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абид Э. 200, 203
Абилов И. 69, 82
Абуталыбов Р. 15, 357
Аветисов 52
Ага Магомед (Мехмед) 172, 203, 209
Ага оглу (Агаев) А. 33, 58, 60, 64, 80
Агамали оглы С. 69, 82
Али, халиф 209
Али ибн Абу Талиб 4
Ализаде А. 8
Алтай 193
Амазасп 52
Арешев А. 50
Атабеки 27
Ататюрк см. Кемаль паша
Ахвердили (Ахвердов) А. 32, 80, 175, 203
Ахунд-заде Дж. 184, 195
Ахунд-заде (Ахундов) М.Ф. 17, 32, 80, 170, 173, 175, 176, 209
Ахунд-заде С. 186, 211
Ахундов Р.А. 9, 20
Багиров М.Д. 165, 167, 168
Багирова И.С. 18
Багратион П.И. 17
Балаев А.Г. 19
Баммат Г. 235, 236
Бенцинг Й. 234-236
Бичерахов Л.Ф. 61, 64, 82
Боденштедт Ф.М. 174, 209
Ванситарт Р. Д. 163
Везирли (Везиров) Н. 32, 80, 175, 177, 209
Вехиб паша М. 55, 81
Вильсон В. 159, 160, 163
Воронцов М.С. 173, 209
Гавриил 188
Гаджибейли Дж. 15, 64
Гаджибеков У. 32, 183, 211
Гаджинский Мамед 55, 64, 81

Гаджинский Мехти 60
Гани-заде С.М. 32,80,175, 210
Гарбард *см.* Харборд
Гасанлы Дж. 15, 19, 21, 78
Гегечкори Е.П. 54, 81
Гёте И.В. 181
Гибб Э.Д.В. 206
Гиллман Ш. 197,212
Гильотен Ж. 58, 81
Глер *см.* Глиэр
Глиэр Р.М. 197, 212
Гоголь Н.В. 173
Грибоедов А.С. 175
Гусейн-заде А. 25, 33, 34, 78, 181, 210
Гюль Текин *см.* Абид Э.
Деникин А.И. 71,77
Джабарлы Дж. 184, 195-197, 211
Джабраил 211
Джавад А. 30, 32, 79,182,185, 210
Джавад-хан 27
Джавид Г. 30, 32, 79, 182-184, 186, 190, 193, 195, 211
Джалал-уд-Довле 209
Джугашвили И.В. *см.* Сталин
Димитров Г.М. 197
Ельхан 196
Ибрагим Ага 50
Ибрагимов Г. 21
Ильдигез Ш. 27, 78
Ильдырым Е. 203
Исаханлы Г. 18
Исмаил 130, 170, 171, 206
Исмаилов Э. 21
Исхаков С.М. 21
Камбон Ж.М. 163
аль-Кануни С. 28, 79
Карабеков К. 69, 82
Кардашев А. 70, 82
Кевси 30, 79
Кемал-уд-Довле 209

Кемалюл-мюлк 174
Кемалют-довле 174
Кемаль паша М. 78
Керем 27, 79
Керенский А.Ф. 44, 45
Керзон Дж. 163
Кер-Оглу (Кер-Оглы) 27, 79
Кип *см.* Гибб
Киров С.М. 9, 20
Клемансо Ж. 163
Коцев П. 236
Красовицкая Т.Ю. 19
Кутузов М.И. 17
Лаали 30, 79
Лейли 209
Ленин В.И. 44, 47, 48
Лермонтов М.Ю. 32
Лонг Х. 197, 212
Магерам заде М. 64
Мамедкулизаде (Мамед Кули заде, Мамет Кулу-заде) Дж. 32, 80, 176, 186, 210
Мартин Ж. 230, 231
Мелик-заде Зардаби Г. 33, 80, 176
Месхети 28, 79
Мехмандаров С. 65,82
Мехмед-заде М.Б. 196, 212
Мехти-заде (Мехтиев) М.-Я. 64, 169, 206
Минин К. 17
Мирза Шафи 174, 209
Мирзоян Л.И. 9, 20
Мовсеян 50
Молла Панах Вагиф 30, 79, 172, 173, 203, 209
Мольер Ж.-Б. 32, 173
Монзи А. де 163
Музниб А. 30, 79, 181, 210
Мунши Х. 235-237
Мусабеков Г.М. 9, 19, 20
Мухаммед (Магомет), пророк 4, 187
Мухаммед (Мехмед) Хади 30, 79, 178, 181, 184, 210

Мюллер А. 174, 209
Мюмтаз С. 184, 211
Набаты А. 30, 32, 79
Нагиев М. 34, 80
Нансен Ф. 161, 163
Наполеон 17
Нариманов Н. 32, 80, 175
Нерон 201
Низами 17, 28, 79, 170, 209
Нури паша 54, 57, 59, 60, 67, 77, 81
Орахелашвили И.Д. 9, 20
Орджоникидзе Г. К. 9
Островский А.В. 18
Панкратов В. 19
Петр Великий 35, 36
Петров 52
Пилсудский Ю. 10
Пожарский Д.М. 17
Прометей 190
Пуришкевич В.М. 20
Пушкин А.С. 17, 32
Раджи А. 30, 79
Расулзаде М.Э. 4-21, 25, 55, 58, 158, 163, 165, 166, 224, 230, 231, 234, 236, 237
Ратгаузер Я. А. 19
Романовы 171
Романько О.В. 21
Руставели Ш. 17
Саади 28, 29, 32, 79, 174, 209
Сабир 30, 32, 79, 178, 210
Сафикюрдский А. 69, 82
Саххат А. 30, 79
Сеид Азим 30, 32, 79, 177, 210
Селимзаде А. *см.* Мухаммед Хади
Сефевиды 171, 206, 209
Сиявуш 193
Соцков Л.Ф. 11, 12, 21
Сталин И.В. 5, 9, 16, 18-21, 166, 168
Суворов А.В. 17
Сунш (Суншев) М.-Г. 231

Сынылы (Санили, Саниев) Г.К. 166,167
Тагиев Г. 34
Тамерлан (Теймур, Тимур) 26, 78, 187
Тахир И. 183, 211
Тевфик паша А. 59, 81
Тельман Э. 197
Тимуриды 78
Толстой Л.Н. 32
Томсон В. 59, 61, 63
Топчибашев А.-М. 65
Тюрк 184, 211
Узун Г. 78
Унсизаде С. и Дж. 33, 80
Усуббеков Н. 60, 69, 70, 82
Фелеки 170, 209
Физули (Фузули) 27, 30, 32, 79, 169, 170, 173, 177, 178, 183, 209, 212
Фирдоуси (Фирдеуси) А. 29, 31, 79, 193
Хабиби 169, 206 Хагани 170, 209
Хаджи Кара 209
Хан Хойский Ф. 55, 62, 63, 69, 70, 81
Харборд Дж. 160, 163
Хасаноглу И. 169, 206
Хасмамедов Х. 55, 81
Хафиз 29, 32, 79
Хусейн 209
Цицианов П.Д. 27
Чацкий А.А. 175
Чермоев Т. 236
Чингисхан (Чингиз) 26, 78
Чокай-оглы (Чокаев) М. 230, 231, 235-237
Чхенкели А.И. 54, 81
Шаиг А. 184, 211
Шамиль 203, 212
Шаумян С.Г. 19, 48, 52, 81
Шахтахтинский М. 33, 80, 210
Шейхульисламзаде А. 64
Энвер паша 58, 81
Яшке Г. 235, 236
Akhound zade (Akhoundov) M.F. 83, 114, 150, 152, 153, 221, 226, 227

Akhoundov R. 215, 216
Aktchourine Y. 124
Ali Haidar E. 110
Babek 227
Bagration P.I. 225
Bammat G. 234
Benzing J. 234, 236
Bodenstedt F.M. 84
Boukharine N.I. 96-100, 103-105
Bouniat-Zade D. 137, 216
Cambon G.M. 161
Chamil 225, 227
Chevtchenko T. 226
Clemenceau G.B. 161
Corneille P.84,114
Curzon G.N. 161
Çokay M. 230, 234
Djan Kichi 129
Djavad Khan (Djevad Chan, Dzewad) 89, 118, 225-227
Effendi-Zade S.M. 216, 217
Eguikian 112
Eliava Sh. 135-137
Fizouli (Fuzouli, Fuzuli) 83, 114, 152, 221
Gavlitchek K. 110
Gibb E.J.W. 83, 114, 206
Glinka M.I. 225
Goukassov A.O.144
Guikalo N.F. 133
Harbord J. 163
Ibat Ogly M. 133
Ibsen H.84,114
Ishaki A. 109,110
Karaeff (Karaev) A.G. 137, 215, 216
Kassimov Y. 137
Kassoumov M. 137
Kautski K. 102
Kemal pacha M. 99, 125, 126, 128
Kerenski A.F. 107, 120-123, 128, 130, 131
Key-Ustuvau 93

Khan Kichi 129
Khondkarian A. 107-113, 120, 123, 126, 127
Kip *с.м.* Gibb
Kitaygorodski P.V. 99, 103
Koutouzov M.I. 225
Lenine V.I. 94, 95, 97, 98, 104, 228
Lominadze V.V. 158
Mahmoud-bey 99, 100
Mandelstam N. 127, 128
Markov N.E. 122
Martin J. 230
Martynov 130, 131
Mdivani B. 214
Mehmet Giray 230
Mehmet Kerim 130
Meisner D.I. 143
Memet-Zade M.B. 113
Menchtchikov M.O. 121
Milioukov P.N. 143-145
Minine K. 225, 226
Mirza Chefi (Schaffi) 84, 209
Moliere 84, 114
Monzie A. de 160
Mousabekov G.M. 216
Mükrimin H. 110
Münşi H. 234
Napoleon 225
Nizami 226
Palatski F. 110, 111
Peter the Great 150
Piatakoff G.L. 213
Pojarski D.M. 225, 226
Pouchkine A.S. 227
Racine J. 84, 114
Radek K. 104, 213
Rakhmanoff G. 214
Roustaveli (Rustaveli) Ch. (Sh.) 150, 226
Rykov A.I. 105
Sabir 114

Schiller F. 84, 114
Shakespeare W. 84,114
Shirvan-Shah Akhsitan 227
Soultan-Galiev M. 120
Soultanov (Soultanoff) Kh. 215, 216, 219
Suvoroff A.V. 225
Staline I.V. 96, 104, 130, 131, 143, 215, 218, 228
Talubli B. 214
Tchapline N.P. 132
Tchitcherine G.V. 100, 104
Topchibachi A.-M. 223
Trotski L.D. 104
Vansittart R. 161, 163
Vansittord *cm.* Vansittart
Yaqublu N.21
Yeşke G. 234
Zarevand 108,126
Zerdabi (Zardabi) H. 84,114, 152, 221
Ziabek 124, 125
Zinoviev G.E. 104
Zoulfaliev 137

Научное издание

Расулзаде Мамед Эмин

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПИСЕМ

Составитель Исхаков Салават

На обложке использованы фотографии:

1. Редакторы мусульманских изданий в Восточном институте. Слева направо: Барасби Байтуган ("Северный Кавказ"), Вассан-Гирей Джабаги ("Przegląd Islamski"), Найман Мирза Леон Кричинский ("Rocznik Tatarski"), Мамед Эмин Расулзаде ("Istykäl"), Аяз Исхаки ("Yana Milli Yul"). Варшава, 1932 г.
2. Мамед Эмин Расулзаде (1-й ряд, второй справа) среди делегатов I съезда молодых ориенталистов. Варшава, 15 мая 1932 г.

Подписано в печать 29.09.2009. Формат 60x88/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,54. Уч.-изд. л. 18,16.
Тираж 1000 экз. Заказ 99. Изд. № 1984.

ООО «Флинта», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.
Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite; www.flinta.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета на ООО ПК «Зауралье».
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.
E-mail:zpress@zaural.ru